

МИХАИЛ
ШВЫДКОЙ

**КУЛЬТУРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

Символ времени

Михаил Швыдкой

Культурная революция

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(470):7
ББК 63.3(2Рос)-7

Швыдкой М. Е.

Культурная революция / М. Е. Швыдкой — «Издательство АСТ»,
2023 — (Символ времени)

ISBN 978-5-17-156061-4

Михаил Ефимович Швыдкой – министр культуры РФ (2000–2004), дипломат, искусствовед, телеведущий («Культурная революция», «Приют комедиантов», «Агора», «Жизнь прекрасна»). Председатель ВГТРК (1998–2000). Художественный руководитель Московского театра мюзикла. С 2008 года – Специальный представитель Президента Российской Федерации по международному и культурному сотрудничеству. Настоящая книга охватывает самые яркие и важные события жизни нашей страны за последние пятнадцать лет. Нашла свое отражение в ярких заметках автора и атмосфера нового века России на международной арене. М. Швыдкой создал точный портрет времени и человека в нем. Его героями стали Алексей Баталов и Питер Брук, Олег Табаков и Марлен Хуциев, Галина Волчек и Александр Калягин, Ирина Антонова и Марина Лошак, Эдвард Радзинский и Михаил Жванецкий, Михаил Пиотровский и Игорь Костолевский... Театральные сезоны в Москве и Петербурге, юбилеи «Эрмитажа» и «Мосфильма», знаковые выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина, Историческом музее, год Германии в России, вручение премии «ТЭФИ», Фестиваль российской культуры в Японии и многое другое найдет читатель в настоящей книге. Автор приглашает нас на разговор о недавнем прошлом и настоящем – интригующий, страстный и подлинный.

УДК 94(470):7
ББК 63.3(2Рос)-7

ISBN 978-5-17-156061-4

© Швыдкой М. Е., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Вместо воспоминаний	8
2023	11
Где Грант, где Максуд?	12
Неевклидова геометрия	14
Точка, точка, запятая...	16
Возраст любви	18
Для чувств... всего	20
Хотели как лучше	22
Тот, кто любит	24
Рецепт моей бабушки	26
Прошлое для будущего	28
«Много ли русских?»	30
Мой молчаливый отец	32
Новогодние поздравления	34
2022	36
Оптимистическая трагедия	37
Вопросы языкознания	39
Непредвиденное Бытие	41
Рыцарь театрального образа	43
Коллективное сознательное	45
Послесловие к юбилею	47
Тонкая грань	49
Дерзкое величие театра	51
Бумажные журавлики	53
Современное современно	55
Место силы	57
Неотъемлемость	59
Закон да любовь	61
Испанская грусть	63
Отмена отмены: культура выше политики, считают знаменитые японцы накануне 17-го Фестиваля российской культуры	65
Три пути к знанию	67
Искусство понимания	69
Две Бесконечности	71
Утонувшая тема?	73
Сердечная недостаточность	75
Возвращаться – плохая примета...	77
2021	79
Актер, рассказчик, режиссер	80
«Блаженное, бессмысленное слово...»	82
Европейский концерт	84
Мера вещей	86
Зачем раскачиваться на папе?	88
Русский в европейском духе	90
Одиночество создателя	92
«Хоть куда казак»	94

Русский вопрос	96
Заметки старого лектора	98
Жизнь в розовом цвете	100
День советской печати	102
Журналист не меняет профессию: Виталию Игнатенко	104
Весеннее обострение?	106
Куда приводит воображение?	108
По секрету всему свету	110
Старый Новый год	112
2020	114
Счастье жить	115
Оганезов и другие	117
Культура как вызов	119
Прихлебатель жизни	121
Мед из горьких трав	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Михаил Швыдкой

Культурная революция

- © Швыдкой М.Е., 2023
- © РИА Новости
- © ВГТРК, 2023
- © «Российская газета», 2023
- © Государственный академический Большой театр России, 2023
- © Московский академический театр сатиры, 2023
- © МТФ им. А.П. Чехова.
- © МХТ им. А.П. Чехова
- © БДТ им. Г.А. Товстоногова, 2023
- © Стернин А.И., наследники, 2023
- © ОТР М.В. Сеславинского, 2023
- © ООО «Издательство «АСТ», 2023

Вместо воспоминаний

Когда издательство «АСТ» предложило собрать книгу, состоящую из моих еженедельных публикаций в «Российской газете», колонок, которые выходят по средам вот уже пятнадцать лет, то, признаюсь, желание отказаться от этой затеи было совершенно искренним и, казалось, неотвратимым. Прежде всего потому, что вспомнил, как мама, по-моему, в 2005 году с гордостью вручила мне хранящиеся у нее мои заметки, опубликованные в газете «Правда» в самом начале 1980-х. После их прочтения пришел в тихий ужас. Не столько из-за смысла написанного, сколько из-за языка, которым этот смысл был изложен.

За годы своей журналистской работы, которая началась в 1967 году, когда вместе с Марией Седых мы опубликовали рецензию на дипломный спектакль Щукинского училища «Пять вечеров» в «Московском комсомольце», написал много разного. Среди прочего был специалистом по сочинению передовиц после разных партийных съездов и пленумов в журнале «Театр», где проработал почти восемнадцать лет. Они казались разумными и не подлыми, с максимально возможных по тем временам демократических позиций интерпретирующими указания КПСС. Даже отстаивающими свободу творчества, со ссылкой на знаменитую ленинскую статью «Партийная организация и партийная литература», где именно за литератором было оставлено право развивать революционную мысль, а не руководствоваться ею. Но сегодня очень трудно объяснить читателям, особенно не жившим в Советском Союзе, те правила журналистики, которыми мы руководствовались в подцензурной советской печати. Для публикации достаточно очевидной мысли о том, что цель не оправдывает средства, нужно было найти ссылку на аналогичное высказывание Карла Маркса или, на худой конец, Фридриха Энгельса. Нужно было писать так, чтобы за словами угадывалось нечто большее, чем сами слова. Ведь мы были самой читающей между строк нацией в мире. Во всяком случае, нам так казалось. К тому же во второй половине 1980-х годов я был секретарем партийной организации журнала «Театр» и членом Краснопресненского райкома КПСС, когда фракционная борьба в партии привела ее к расколу, а потом и к массовому выходу из нее. И это тоже отражалось в том, что я писал и публиковал.

Не стану заниматься самобичеванием, – все, что подписано моим именем, принадлежит именно мне. И определяется моими заблуждениями, противоречиями, попытками найти человеческое начало и в эпоху реального социализма, и в пору реального капитализма. И хотя с 1971 года меня начали печатать в журнале «Театр», а в конце 1973 года А.Д. Салынский пригласил меня работать в редакцию, я всегда поддавался искушению писать для ежедневных газет. «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Правда» и «Известия» – там работали первоклассные редакторы, которым благодарен по сей день. И если ты писал в номер, то от машинописи до свежей газетной полосы проходили всего лишь сутки-двое. В ежемесячном журнале по-другому ощущался нерв времени. Тогда от написания текста до выхода его в свет могло пройти полгода, а то и год. Нужно было писать так, чтобы в какой-то степени прогнозировать будущее. Слово «нетленка» бытовало и в газетах, но авторы «толстых» журналов повторяли его почаще. Они готовили свой текст к встрече с вечностью.

Для ежедневной газеты слово «вечность» – чистая абстракция, если только речь не идет о вечной мерзлоте. Она живет во времени, ее публикации в подавляющем большинстве своем сильны актуальностью, эффектом сиюминутного воздействия на общество. Даже если после них, как случалось порой, начиналась долгая борьба за справедливость. Так было в советское время, так продолжилось в постсоветскую эпоху в новой России. Газета всегда остается газетой. И в подцензурные, и в бесцензурные времена ее публикации живут недолго. Мои – в общем ряду. По этому поводу у меня нет никаких иллюзий. Собственно говоря, дочитав до этого

места, раздраженный читатель должен закрыть эту книгу, не желая «поглощать пустоту», которая расположилась где-то в далеких временах, а потому бессмысленна.

Словом, мне всерьез казалось, что сборник текстов, живущих в мимолетном газетном времени, будет выглядеть литературным курьезом. Сувениром для подарков самым близким людям, – как сборник моих колонок, выпущенный Вадимом Сомовым в Киришах десять лет назад в количестве двадцати экземпляров.

Но под нажимом близких мне людей, которые хотели избавить меня от сложностей, когда приходит пора заниматься воспоминаниями, пришлось выбрать меньшее зло. Попробую оправдать свое решение.

Возвращаясь к газетным публикациям, ты возвращаешься в собственное прошлое. В прошлое своей страны и мира, которые во многом определяли твое внешнее и внутреннее бытие. Газета запечатлевает неповторимое мгновение жизни. Оно далеко не всегда прекрасно, так что не надо продавать душу Мефистофелю. Во всяком случае вовсе необязательно.

Как настоящий графоман, все время что-то писал. Порой без всякого желания публиковать эти записки. Именно поэтому признателен руководству «Российской газеты» – Владиславу Фронину, Александру Горбенко, Павлу Негоице, Ядвиге Юферевой, а также всем коллегам Отдела культуры «РГ» за то, что во второй половине 2008 года они доверили мне вести колонку по средам. Они защитили меня от глупого самовыражения в социальных сетях и не дали окончательно заснуть моему мерцающему сознанию.

Словом, основательно поразмыслив, пришел к выводу, что уж лучше опубликовать избранные колонки за пятнадцать лет публикаций в «РГ», чем писать мемуары. Некоторые уважаемые издательства предлагали мне заняться воспоминаниями. Но эта работа вызывала во мне чистейший ужас – память будет услужливо выталкивать на поверхность лишь облагороженные да и к тому же далеко не всегда достоверные факты, которые никому не нужны.

Тексты из «Российской газеты» – честнее. Это некая объективная реальность, выражающая какую-то часть моей жизни и общественной кардиограммы прошедших пятнадцати лет. За это время мы переживали разные времена, – то, что нужно было опубликовать в 2009 или 2010 годах, не имело смысла писать в 2022 или 2023-м. И эти различия тоже имеют значение. И для меня, и, надеюсь, для читателя. Рискнул ничего не менять в этих текстах, что называется, «из песни слова не выкинешь». Даже добавил несколько ранних публикаций в «РГ», написанных в 2006 и 2004 годах.

Мне посчастливилось жить в пору перемен – и во второй половине 1980-х, и в 1990-е, в 2000-е, и в нынешние годы, когда мир стоит на пороге невиданных изменений. Я был их участником и свидетелем. Часть моих свидетельских «показаний» собрана в этой книге.

Особо хочу поблагодарить уже ушедшего от нас Михаила Лесина и, к счастью, здравствующих Михаила Сеславинского и Владимира Григорьева – именно они уговорили руководителей «РГ» нанять меня на работу в качестве колумниста. Особая благодарность моим редакторам в газете – прежде всего Ядвиге Юферевой, а также Игорю Виравову, Валерию Кичину, Льву Данилкину и всем-всем.

Спасибо моим домашним за то, что они меня терпят, и коллегам по Министерству иностранных дел России во главе с Сергеем Лавровым за то, что, они не держат зла, когда, задумавшись над очередной колонкой, порой отвечаю невпопад на их вопросы. Хочу непременно поблагодарить Александра Новикова, генерального директора Московского театра мюзикла, и нашего пресс-секретаря Наталию Уварову – именно они заставили меня собрать эту книгу.

И разумеется, отдельная благодарность Елене Доценко – она убедила меня не поддаваться панике.

Название этой книги связано не с советской или китайской культурными революциями, а с телевизионной программой, которую мне посчастливилось делать вместе с замечательной компанией «Игра-ТВ», где лидировали Наталья Стеценко и Андрей Козлов. Эта программа

выходила на канале «Культура» шестнадцать лет подряд, за что всем, кто ее делал и выпускал в эфир – отдельное спасибо.

2023

Грант Матевосян
Максуд Ибрагимбеков
Армен Смбатян
Игорь Костолевский
Ольга Прокофьева
Юлия Пересильд
Ирина Антонова

Московский театр мюзикла
Гробница-рака св. Александра Невского
«Театральный журнал»
Метрополитен-музей
Музей современного искусства (МоМа)

Где Грант, где Максуд?

К сожалению, ответ на вопрос, звучащий в заголовке этих заметок, однозначен и горек – на нашей грешной земле нет ни Гранта Матевосяна, ни Максуда Ибрагимбекова. Великий армянский писатель умер в 2002 году, великий азербайджанский – в 2016-м. Уверен, что они беседуют на небесах, не боясь самых острых и больших вопросов, которые по-прежнему мучают их соотечественников. Спорят, расходятся и соглашаются, как было всегда, когда они встречались в московском Доме литераторов или в Доме кино на Васильевской. Каждый из них был сыном своего Отечества, к своей земле и людям, на ней живущим, они относились с сыновьей нежностью, но эта почтительная любовь не лишала их взгляд на окружающий мир трагической зоркости. У каждого была своя боль, но они были талантливо щедры и великодушны, как бывают щедры и великодушны истинно великие люди и гениальные литераторы. Не все, разумеется, но они принадлежали к избранным.

Никогда не забывал о них, часто мысленно беседа с одним и с другим. Вспоминаю встречи с Максудом в Баку и с Грантом в Ереване, когда они притягивали собеседников, не скупясь на необходимые и единственные в каждом случае слова.

В последние недели, когда бурные дипломатические аккорды, похоже, обещают завершение военно-политического противостояния Азербайджана и Армении на нынешнем историческом отрезке времени, отсутствие Максуда и Гранта ощущаю особенно болезненно. Много лет повторяю одно и то же по поводу самых разных конфликтов, которыми нас не обделили последние десятилетия: можно подписать любой политический документ, урегулировать любые территориальные проблемы, но это лишь начало длительного процесса возвращения доверия друг к другу. И политиков, и – что еще важнее – народов, вовлеченных в конфликт. И здесь без таких лидеров общественного мнения, какими были Максуд Ибрагимбеков и Грант Матевосян, просто не обойтись.

Спору нет, позиции лидеров Азербайджана и Армении, несмотря на бурную дискуссию между ними в присутствии президента России Владимира Путина, не могут не вызвать вполне обоснованных надежд. Приведу три важные цитаты из протокола беседы 25 мая нынешнего года. Президент Азербайджана Ильхам Алиев: «Существуют серьезные предпосылки нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией на основе взаимного признания территориальной целостности». Премьер-министр Армении Никол Пашинян: «Я хочу подтвердить, что Армения и Азербайджан договорились о взаимном признании территориальной целостности друг друга, и на этой основе мы достаточно хорошо продвигаемся в урегулировании наших отношений». Президент Российской Федерации Владимир Путин: «Есть до сих пор не урегулированные вопросы, но, на мой взгляд, – мы разговаривали об этом и с коллегами с азербайджанской стороны, и с коллегами с армянской стороны – они носят чисто технический характер». Хочется верить, что мирный договор между двумя странами, больше тридцати лет находившимися в состоянии то вспыхивающего, то затухающего военного противостояния, будет подписан в возможно скором времени. Но любой документ такого рода – это только начало непростого пути. Хотя бы потому, что и Бог, и дьявол, как известно, всегда укоренены в деталях, в подробностях жизни, которые невозможно зафиксировать ни в одном договоре, даже и составленном с объемлющей все противоречия тщательностью.

У меня нет никаких иллюзий по поводу так называемой народной дипломатии, хотя занимаюсь ей почти сорок лет. Она в значительной степени зависима от политической воли государственных структур. Но без нее невозможно создать тот контекст, ту ткань взаимоотношений, без которых любые договоренности на самом высоком уровне оказываются неполноценными, а порой и нереализуемыми. Понятно, нации общаются вершинами. Но настоящее сближение происходит только в том случае, если потребность в нем испытывают сами народы.

И здесь невозможно недооценивать роль национальной интеллигенции, что бы по ее поводу ни писал В.И. Ленин, уверенный, что интеллигенция не мозг нации, а говно. Ведь именно представители творческой интеллигенции, прежде всего литераторы, во второй половине 80-х годов XX века наиболее активно формировали национальную повестку дня, порой в самом радикальном ее варианте. Это происходило повсеместно в советских еще республиках, которые готовились к выходу из СССР. Понятно, что принятие решений зависело от политиков, но национальный вопрос был одним из ключевых, если не самым главным в разжигании общественных страстей, которые нередко приводили к кровавым последствиям. Об этом не любят вспоминать, но невозможно думать о будущем, забывая о прошлом.

И именно представители интеллигенции двух стран должны будут оказаться за общим столом, для того чтобы выработать некую «дорожную карту», направленную на поиск пути друг к другу. Понятно, что это возможно лишь при согласии сторон, которого тоже не так просто добиться.

Когда мы с Поладом Бюль-Бюль оглы и Арменом Смбатяном с 2006 по 2012 год пытались выстраивать мосты между народами двух стран, то участниками этого процесса, разве что за исключением юных музыкантов Молодежного оркестра СНГ, где вместе играли азербайджанцы и армяне, были люди с общим советским прошлым. Они жили бок о бок, и им легко было находить общий язык. Нынешние тридцатилетние никогда не жили вместе, да и сорокалетние едва помнят об этом. У них другой опыт. Они привыкли видеть в соседях врагов, у них нет навыка совместного проживания, да и просто общего разговора. Всему придется учиться заново. Но этому можно научиться.

И вновь думаю о Максуде и Гранте, Гранте и Максуде, которых так мучительно не хватает. Волшебники, как правило, обитают на небесах. Поэтому все так непросто на земле.

Май 2023

Неевклидова геометрия

Не так давно в Московском театре мюзикла мы завершали очередной «блок» спектаклей «Жизнь прекрасна!». Давали дневное представление, публика выбирала сложные маршруты, чтобы вовремя попасть в театр и при этом не обидеть крепким словом велосипедистов, которые с самого утра оказались хозяевами города.

Наверное, поэтому в зал попали настоящие любители театра, они наполнили его той особой энергией сотворчества, той готовностью к празднику, которая сразу передается актерам и пробуждает естественный эмоциональный ответ. Все это вместе и создало ту атмосферу радости, которой мы заразили друг друга – зрители в зале и артисты на сцене. И мне вдруг стало как-то не по себе.

Настолько, что, обращаясь к публике, сказал: «В наше тревожное время, наверное, нехорошо испытывать чувство счастья, которое сейчас ощущают мои коллеги на сцене. Но чувство это рождается произвольно и не зависит от “больших линий” истории. А быть может, даже защищает нас от них». Примерно в это же время у самых стен Кремля у станции метро «Площадь Революции» аргентинские артисты из прославленной труппы Хермана Корнехо, приехавшие на Театральный фестиваль имени А.П. Чехова, «зажигали» вместе с москвичами, танцую милонгу, классическое танго, с любителями всех возрастов. И волны неподдельной радости заполняли всю Театральную площадь. Люди смеялись, обнимались, норовили сфотографироваться с артистами и друг с другом.

Искусство на время отвлекало людей от тревог повседневности, увлекало своими неизвестными в обыденности душевными маршрутами, пробуждало простые, но сильные чувства, которые нечасто проявляются в обычной жизни.

В моих словах нет открытий. Искусство по природе своей помогает открыть в себе лучшие свойства. «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман», – с Пушкиным спорить трудно. Но «возвышающий обман» имеет обыкновение заканчиваться: праздник не может длиться вечно. Неслучайно Гёте называл искусство «прихлебателем жизни». Реальность способна разрушить воздушные замки, сочиненные самыми талантливыми фантазерами. Над вымыслом можно обливаться настоящими слезами, – но подлинные трагедии иссушают душу. От них невозможно укрыться в кино или в театре.

Меня с отрочества не покидает это ощущение двойственности бытия, – люди способны радоваться перед лицом смерти. И чем ближе небытие, тем острее переживаешь великую ценность жизни. Мы приходим в мир, понимая конечность нашего земного пути, – и это тем не менее не лишает нас способности переживать великие мгновения счастья! И что бы ни писал по этому поводу наш гениальный поэт, мы не удовольствуемся только «покоем и волей»!

Люди хотят быть счастливыми, хотят ощутить полноту радости бытия! Мы посмеиваемся над прекрасноречивой фразой Короленко о том, что «человек рожден для счастья, как птица для полета». Мы просто забыли, что эти удивительные слова в его очерке «Парадокс» принадлежат безрукому от рождения человеку, который написал их пальцами ноги. И они приобретают великий трагический смысл. А как известно, трагедия – жанр оптимистический!

Все мы так или иначе погружены в реальную повестку дня, которая включает важнейший вопрос о будущем страны, ее суверенности и независимости. Ее субъектности – в данном случае уместно использовать этот философский термин. И мы не можем не переживать за все происходящее – и на новых территориях России, и на недавнем пограничье. Современная реальность рождает огромное количество неизвестных прежде вызовов, которые требуют интеллектуальной изощренности для принятия трезвых решений. Человеческих и финансовых ресурсов. Концентрации всех имеющихся сил и средств. И все чаще слышу, как на разный лад

повторяют строку Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» Но перо не может быть только оружием, разящим врага. Оно не только про смерть – оно и про жизнь!

Понимаю, что сегодняшнее наше бытие – двойственно. И часто вспоминаю рассказы артистов, выступавших во фронтовых бригадах, прежде всего В.М. Зельдина и Н.А. Сазоновой, о том, что они считали необычайно важным предстать на передовой во всем концертном блеске, одетыми так, будто они сейчас выйдут на сцену Колонного зала или на родные подмостки ЦТСА в самое что ни на есть мирное время. Посмотрите на фотографии выступлений Шульженко перед бойцами, – она пела в неизменно элегантном концертном платье! И на фронте люди хотели почувствовать – пусть на мгновение! – ту радость мирной жизни, которую приносило им искусство.

Московский сезон завершается соцветьем весьма примечательных премьер, которые уже получили лестные отзывы. «Мандат» Эрдмана в постановке С. Женовача в Студии театрального искусства, «Зойкина квартира» Булгакова, которую Е. Писарев поставил в Театре имени Пушкина, «Вишневый сад» Чехова режиссера И. Поповски в Мастерской Петра Фоменко, «Мария Стюарт» Шиллера в ТЮЗе в постановке П. Шерешевского... Вскоре в МХТ имени Чехова Анатолий Васильев представит свои новые театральные сочинения. А в Большом театре пройдут премьерные спектакли «Луизы Миллер» Верди... Мои коллеги, которые их поставили, не хуже других ощущают нерв сегодняшней реальности. Они живут в современном мире, который задает свою повестку дня. И эта повестка дня так или иначе находит отражение в их творчестве. Но они понимают, что у искусства своя миссия в человеческом сообществе. Оно всегда противостоит небытию.

Май 2023

Точка, точка, запятая...

Решение Государственного Эрмитажа передать в пользование на 49 лет Русской православной церкви мемориальную гробницу – раку св. Александра Невского, скрепленное договором, подписанным М.Б. Пиотровским и Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием, а затем утвержденным Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и министром культуры Ольгой Любимовой, открыло новую страницу дискуссий о реституции.

Критики этого решения видят в нем очередное поражение светской культуры перед лицом притязаний РПЦ. Их не удовлетворяют ни жесткие требования к хранению и использованию этого памятника русской культуры, которые зафиксированы в договоре между Эрмитажем и церковью, ни объяснения М.Б. Пиотровского, который считает, что «в сегодняшней геополитической ситуации сакральное, символическое значение раки и гробницы Александра Невского как святого защитника русского воинства и русской дипломатии гораздо важнее, чем их художественное значение».

Их не смущает и то обстоятельство, что сами мощи св. Александра Невского были переданы РПЦ еще в 1989 году, и вполне логично поместить их в гробницу-раку, созданную по повелению Елизаветы Петровны немецкими мастерами. Хранить мощи в музее куда менее разумно, чем соединить раку и мощи в храме. Поэтому не стал бы рассматривать решение руководства Эрмитажа как поражение в диалоге с РПЦ. Предпринята попытка найти компромисс, который всегда примиряет стороны диалога. Такой же, какой был найден в конце прошлого столетия по отношению к Владимирской иконе Божией Матери. С 1930 по 1999 год она находилась в Третьяковской галерее, а затем была перемещена в Храм Святителя Николая в Толмачах, который был восстановлен на музейной территории, где были созданы все условия для хранения одной из главных святынь Российского государства и Русской православной церкви. В такого рода дискуссиях важно избегать бессмысленной конфронтации, хотя, естественно, подходы музейных работников и церковных деятелей не могут совпадать. Охрана памятников культуры, сохранение их для будущих поколений не может предполагать их повседневного использования в богослужениях. А в отдельных случаях, когда речь идет о таких шедеврах, как «Троица» Андрея Рублева, любое перемещение из музейного пространства – даже во имя самых высоких целей – может привести к непоправимым последствиям, которых необходимо избежать. Именно поэтому такую острую общественную реакцию вызвала распространившаяся новость о том, что принято решение о передаче «Троицы» из Третьяковской галереи РПЦ. Но это оказалось непросто. Передача особо ценных объектов культуры из музейного фонда может осуществляться только на основании Федерального закона. При этом различия в понимании художественной и сакральной ценности того или иного культурно-религиозного памятника не отменяют возможности достижения некоей светско-церковной «симфонии» – при осознании того, что сохранность шедевра не должна пострадать при его использовании в богослужебных целях.

Советские, а затем и российские музейные работники на протяжении всего XX века спасали и сохраняли церковную утварь и памятники церковной культуры от варварского уничтожения, нередко рискуя собой. Поэтому, когда на рубеже 1980 – 90-х годов начался процесс возвращения сначала прихожанам, а затем самой РПЦ церковного имущества – от храмов, где нередко находились музеи, до объектов религиозно-культурного значения – музейное сообщество восприняло это весьма напряженно. Особенно когда по тем или иным причинам власти не могли полноценно компенсировать учреждениям культуры пространства, которые они теряли при передаче храмов РПЦ. Но процесс религиозного возрождения в России, получивший важнейший импульс после ряда указов президента Б.Н. Ельцина и при самоотверженной деятельности святейшего патриарха Алексия Второго, требовал от правительства России

поиска разумных и понятных обществу компромиссов, которые не нарушали бы ни интересов культуры, ни интересов церкви. Это была весьма нелегкая задача. Такой же, собственно, она остается и поныне.

Понятно, кесарю кесарево, а Богу Богово, но жизнь и судьба нередко усложняют решение этой задачи: в русской истории, где интересы государства и церкви нередко сплетались воедино, подобное разграничение дается нелегко. Неслучайно, разъясняя свою позицию по поводу передачи гробницы св. Александра Невского в пользование РПЦ, М. Пиотровский не без оснований утверждает, что мы демонстрируем миру образец «музейной дипломатии». Хотя бы в том, что условием передачи было создание всех необходимых условий для хранения этого барочного шедевра в Александро-Невской лавре, а их несоблюдение предполагает его возврат в Эрмитаж.

И хотя до физического перемещения гробницы-раки пройдет немало времени, опасения М. Пиотровского о том, что само решение Эрмитажа пробудит безосновательные надежды у некоторых поборников реституционных процессов, как внутри страны, так и за рубежом, – вовсе не беспочвенны. Уверен, что каждый случай внутрироссийской реституции требует профессионального публичного обсуждения, которое должно привести к компромиссу в рамках действующего законодательства.

Что же касается реституционных претензий со стороны зарубежных государств, то здесь, как кажется, стоит поставить точку. В современной геополитической ситуации можно спокойно перевести все художественные ценности, перемещенные в Россию в результате Второй мировой войны и ее последствий, на инвентарные номера российских музеев, что никак не нарушит нашего национального законодательства. Не думаю, что в условиях жесткой конфронтации с европейскими государствами проблема реституции сколько-нибудь актуальна. Но все это не должно изменить той практики, которая сложилась между российским музейным сообществом и их коллегами за рубежом: произведения искусства вне зависимости от их происхождения должны быть доступны публике, находиться в культурном и научном обиходе.

И, конечно, важно помнить, что «ящик Пандоры» легко открыть и трудно закрыть. Поэтому эмоции не должны превалировать над здравым смыслом.

Май 2023

Возраст любви

Игорь Костолевский и Ольга Прокофьева в спектакле «Любовь по Маркесу» в московском Театре имени В. Маяковского открывают зрителям то волшебство в отношениях мужчины и женщины, которое возможно понять и прочувствовать лишь на пороге небытия. Когда недостаток чувственности восполняется глубиной чувств. И поэзия любви теряет земное приращение. «Любовь, что движет солнце и светила».

У меня, на протяжении пятнадцати лет сочиняющего еженедельные заметки в «Российскую газету», нет зависти к сеньору Габито, печальному мудрецу, журналисту, по-настоящему прославившемуся только после своего девяностолетия колонками о любви, любовными письмами, которые ждут, читают и перечитывают юные девы и дамы преклонных лет. Чтобы так писать о любви, нужно пережить «солнечный удар», перечеркнувший все, что было до него. И не оглядываться назад, где не было ничего, кроме женщин, с которыми он совершал механический акт соития за деньги. К пятидесяти годам у него их было 514, а потом он потерял их счет, не запоминая их имена.

Его похотью управляла Роса Кабаркас, содержательница борделя, которая старела вместе с ним, но которая лучше многих праведниц знает, что такое настоящая любовь. Фантастический реализм Габриэля Гарсии Маркеса позволял ему свободно обращаться и с натуральными числами, и с общепринятой моралью в повести «Вспоминая моих несчастных шлюшек», которую изобретательно поставил на сцене Театра имени В. Маяковского Егор Перегудов. Колумбийский гений вольно рассуждал о поэзии любви, что может рождаться из любого жизненного сора. Маркес прекрасно понимал, что только любовь способна спасти человека от одиночества. А об одиночестве он знал немало. Неслучайно его речь на церемонии вручения ему Нобелевской премии называлась «Одиночество Латинской Америки».

Великий итальянский актер Эрнесто Росси, говорят, любил повторять: «Ромео и Гамлета надо играть в шестнадцать лет, а понимаешь, как их играть, в шестьдесят пять!» И дело не только в том, за полвека актеры обрастают профессиональным инструментарием. В шестьдесят пять любовь-страсть открывает головокружительные высоты и бездонные пропасти, какие неведомы ни юношам, ни барышням, «обдумывающим житье». Как писал Хемингуэй, «кто не понимает, что любовь – трагедия, тот никогда не любил». С годами приходит понимание ее масштаба. И неутолимое стремление преодолеть страх перед роком любви.

Когда в 1956 году я впервые увидел фильм-спектакль Московского художественного театра «Ярмарка тщеславия», который был снят в 1952-м, то был удивлен, что юная леди Тизл может любить такого кругленького незатейливого старичка, как ее муж. Только потом узнал, что Ольга Николаевна Андровская, которая играла юную леди, была на четыре года старше Михаила Михайловича Яншина. И что спектакль этот увидел свет в 1940 году, когда О.Н. Андровской было 42 года, а М.М. Яншину всего 38 лет. Природа и глубина их любви раскрылись для меня по мере моего взросления, и ставшая театральной классикой песенка, сочиненная Д.Д. Кабалевским, «Голубок и горлица никогда не ссорятся...», приоткрывала тайны страсти, что принято скрывать от посторонних ушей и глаз. Тайны, ведомые только людям на излете зрелости.

И «Соло для часов с боем» Освальда Заградника 1973 года, в котором Олег Ефремов и Анатолий Васильев собрали мхатовских стариков – О. Андровскую, А. Грибова, М. Яншина, М. Прудкина, В. Станицына, Б. Петкера, был пронизан любовью. Они чувствовали ее силу и экзистенциальную необходимость именно в старости. Актерам, исполнявшим роли стариков, пытающихся преодолеть одиночество, было столько же или даже чуть меньше лет, чем И. Костолевскому, – ему и О. Прокофьевой сегодняшним было у кого учиться.

Когда недавно отмечали юбилей Ф.Г. Раневской, а потом 100-летие Театра имени Моссовета, то неизменно вспоминали спектакль А.В. Эфроса «Дальше – тишина». Он поставил его в 1969 году о любви Барклея и Люси Купер, двух пожилых людей, которых разлучают их дети, и это позволило избежать морализаторства сценария Виньи Дельмар. Сцену расставания героев Ф.Г. Раневская и Р.Я. Плятт наполняли такой нежностью друг к другу, что казалось, будто вся любовь мира пронизывала театральное пространство в саду «Аквариум».

В 1989 году в Вене в театре «Круг», которым в ту пору руководил Джордж Табори, известный австро-венгерский литератор, драматург, актер и режиссер, мне посчастливилось увидеть сочиненный им спектакль, где он соединил любовные дуэты из пьес Шекспира. В свои 75 лет он играл Ромео, Гамлета, Отелло, героев комедий вместе с юной актрисой, которая годилась ему во внучки. Он не задыхался от испепеляющей его героев страсти, он с умудренным благоговением вспоминал о бесконечном богатстве любовных перипетий, которые с годами приобретают особый чудесный свет. Манящий и до конца недостижимый.

Он не играл трагедию неразделенной любви, он славил ее торжество. Понимание, что любить куда важнее, чем быть любимым. Мы долго говорили с Джорджем после спектакля о природе искусства, которое не рождается без любви. О понимании того, что в жизни и на сцене приходит только с возрастом. В его 75 лет он казался мне грустным мудрецом, который знает очень много о «свойствах страсти». И только подойдя вплотную к своим 75 годам, понял, что знание не усмиряет желаний.

Спектакль Е. Перегудова, пронзительные работы О. Прокофьевой и И. Костолевского, рискованные, выламывающиеся за грани привычного, что всегда отличает настоящее искусство, заставили вспомнить о шедеврах их великих театральных предшественников. Сравнения в таких случаях бессмысленны. Просто они оказались среди них в моей памяти. Думаю, это совсем неплохая компания.

Май 2023

Для чувств... всего

Не спешите ругать автора за корявое на первый взгляд название этих заметок. Не спешите хотя бы потому, что это строка из Пушкина. Из стихотворения, написанного меньше чем за год до смерти. Оно недлинное, поэтому напомним его целиком, чтобы гений прояснил и мне, и, надеюсь, вам то смятение, которое нередко будоражит ум и разъедает душу. «О нет, мне жизнь не надоела, / Я жить люблю, я жить хочу, / Душа не вовсе охладела, / Утратив молодость свою. / Еще хранятся наслажденья / Для любопытства моего. / Для милых снов воображенья, / Для чувств... всего».

Повторяю его с особой надеждой.

Слышу смех в уличных кафе Москвы, Петербурга, Баку и Еревана и сам смеюсь вместе с туристами, которые празднично щурятся, пытаюсь поймать глазами весеннее солнце. Вижу по телевизору, как улыбаются люди на улицах Тель-Авива, Бейрута и даже Дамаска – все это помогает смягчить исчезающий внутренний разлад.

В напряженном ожидании контрастности ВСУ, после обострения в Лачинском коридоре, после терактов и взрывов, по всему миру уносящих жизни ни в чем не повинных людей, бытие человеческое настырно отстаивает свое право на продолжение. Как писал В.Г. Белинский, «жить – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать, всякая другая жизнь – смерть». И всякий раз не отпускает сознание, что жить и радоваться, даже перед лицом смерти, – это удел человеческий. Трагический и благословенный в одно и то же время. Но оказывается неизбежным. Ведь появляемся мы на этот свет все-таки не для того, чтобы мгновенно его покинуть, мы стремимся отдалить прощание с жизнью, стараемся заговорить небытие. Сколько свадеб было сыграно перед уходом на фронт. Сколько жизней человеческих было зачато в последнюю ночь перед расставанием, которая для многих оказалась единственной. Жажда жизни («Жажда жизни» – так назывался роман Ирвинга Стоуна о Винсенте Ван Гого) порой кажется пошлым компромиссом с реальностью, но она обладает тем могуществом, которое удерживает род человеческий от исчезновения. Борьба за выживание не отменяет магической силы любви. Иногда бывает, что сказать смерти «да» проще, чем жизни. Но и то и другое требует мужества – и неизвестно, что большего.

Никто не может отменить волшебства природного круговорота: кто-то отмечает Песах или Пасху, кто-то Ид аль-Фитр, то есть Ураза-байрам, кто-то День международной солидарности трудящихся, – но пора весны, перевалившей свою середину, приносит обновление жизни, даже когда она стремится к закату. Утверждает ее в надежде и вере.

И самый важный для всех советских и уж точно российских граждан День Победы – это прежде всего торжество жизни над смертью. Торжество человеческого бытия, оплаченное десятками миллионов смертей. «Смертью смерть поправ» звучит как колокольный звон не только в душах верующих христиан. Великий героический подвиг народа, который отстаивал свое историческое будущее, утверждающее высшие человеческие доблести и добродетели. Защищал и защитил Европу от фашизма, родившегося на европейской почве.

И до сих пор мы ищем и не находим ответа на вопрос: как это могло случиться с великими европейскими нациями – немцами, итальянцами, которых не защитила от расчеловечивания их великая культура. Какие защитные механизмы так и не сработали? Сегодня редко говорят о гуманизме, больше о традиционных ценностях. Но одна из важнейших традиционных российских ценностей – это любовь к другому человеку, это талант сострадания, величие самопожертвования. Говоря о традиционных российских ценностях, которые вбирают в себя Ветхий и Новый Заветы, и Коран, и Тору, и Трипитаку, священную книгу буддизма, важно понимать, что не только российская, но и русская культура – всемирно отзывчивы. И именно благодаря этому вобрали в себя все лучшее, что создала мировая культура.

Идея «всемирной отзывчивости» русской литературы, русской культуры в целом не отвергалась и теми авторами, которые полагали, что Россия представляет собой особый цивилизационный тип исторического развития. Этой мыслью пронизан фундаментальный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», который журнал «Заря» начал публиковать в 1869 году. И хотя выдающийся русский философ В.С. Соловьев назвал его «литературным курьезом», многотомное сочинение Н.Я. Данилевского стало иконой русского консервативного сознания. Порой кажется, что оно написано в результате современной политической дискуссии. Впрочем, влиятельные современники Н.Я. Данилевского не могли принять его утверждений, будто «в 1799-м, в 1805-м, в 1807 годах сражалась русская армия, с разным успехом, не за русские, а за европейские интересы...». Есть резон в том, что Россия всегда старалась отстаивать собственные интересы и хотела играть системообразующую роль в европейской политике.

При стремлении утвердить обособленную роль России в противовес Европе – в политике, жизнестроительстве, культуре – при всем том Н.Я. Данилевский, пророк русского консерватизма, певец панславизма, понимал, что формирование российской цивилизации происходило в живом взаимодействии с окружающим миром. Скорее враждебным, но заслуживающим серьезного диалога. И формирование собственных национальных ценностей происходило в результате этого противоречивого процесса.

Почему вдруг вспомнил обо всем этом в солнечные майские дни? Порой кажется, что можно увернуться от истории, – но это всего лишь иллюзия. Ее властный ход определяет все наше сегодняшнее бытие. И от этого жажда жизни приобретает особую силу.

Май 2023

Хотели как лучше

Директор Гильдии актеров кино России Валерия Гущина в интервью РИА «Новости» сказала о том, что возглавляемая ею организация хочет представить к званию Героя России Юлию Пересильд за исполнение роли торакального хирурга Жени Беляевой в кинофильме Клим Шипенко «Вызов», потребовавшей полета в настоящее космическое пространство. Собственно, не столько за профессиональную работу актрисы, сколько за участие в экспедиции на космическую станцию: не всякий мужчина готов к подобному испытанию, о чем свидетельствует и сценарий киноленты, и реальная жизнь.

Это предложение, как известно, вызвало резкую реакцию немалого числа космонавтов, уже удостоенных высокого звания Героя России, и тех, кто его только ожидает. Своим искренним, но, как теперь становится понятно, неосторожным заявлением В. Гущина открыла космический «ящик Пандоры», и шквал критики, очень похожий на травлю, обрушился на актрису, которая явно не была к этому готова. И уж точно ее не заслуживает.

Моя первая реакция на идею присвоить Юлии Пересильд звание Героя России тоже была негативной. В конце концов, актрисе, которая исполняет роль многодетной матери, не присваивают почетное звание «Мать-героиня». Хотя по зрелом размышлении вспомнил, что актеров советского кино нередко зачисляли в настоящие рабочие бригады, если они успешно играли роль металлургов или шахтеров. Могли сделать и почетными колхозниками. Можно вспомнить и легендарный советский сериал «Семнадцать мгновений весны», после которого исполнители главных ролей по личному решению Л.И. Брежнева были удостоены орденов, которых настоящие разведчики могли так и не дожидаться. И это при том, что среди награжденных были и те, кто играл видных представителей преступного нацистского режима.

Но случай Ю. Пересильд все-таки несколько иной. Она действительно летала в космос, летала не как турист, а для исполнения своего профессионального долга. Бывают космонавты-исследователи или космонавты-врачи, почему не может быть космонавта-актера? Уверен, что он в каком-то смысле может заменить психолога на борту, там они могут быть не менее полезны, чем во время длительных соревнований, когда актеры помогают создать необходимый спортсменам психологический климат своим искусством или просто своим присутствием. Фантазии фантазиями, но ведь и съемка игрового фильма на борту космической станции казалась невозможной до того момента, пока она не была осуществлена К. Эрнстом и его командой.

С момента появления замысла будущей картины немало заслуженных и влиятельных космонавтов выступали против того, чтобы использовать настоящий космический корабль для съемок игрового кинофильма. Их аргументы широко известны и, наверное, имеют серьезный смысл. Корректировка космической программы, которая изменила план полетов, безусловно, в высшей степени существенная проблема для всей отрасли, но Юлия Пересильд к принципиальному решению о съемках первого в мире игрового фильма непосредственно на космической станции точно никакого отношения не имеет. Она могла бы перефразировать знаменитые слова Аркадиной из чеховской «Чайки»: «Я актриса, а не руководитель Роскосмоса!» Но именно на нее обрушился шквал «народного негодования» – видимо, в силу ее незащищенности должностями и званиями. Выглядит это как-то нездорово! Не мое дело напоминать о приличиях в споре. Но все-таки хочется понять, откуда столько неприязни к актрисе, которая не просто честно, но и талантливо выполнила свою работу? Зачем срывать зло на человеке, который никому ничего плохого не сделал?

Понятно, для людей, жизнь свою отдавших космической отрасли, космос не парк развлечений. Недавний неигровой фильм Натальи Цой о первом человеке, вышедшем в открытый космос, «Алексей Леонов. Космос внутри» был для меня еще одним убедительным доказательством того, что профессия космонавта – призвание, требующее особенных природных качеств,

мужества и невероятной работоспособности. И, конечно, счастливого стечения многих факторов, определяющих судьбы людей, выбравших эту профессию. Они «ранены» космосом и поэтому оберегают сакральность своего дела, которое, как и искусство, не терпит суеты. Но служение предполагает благородство поступков и высказываний – оказывается, это не менее сложно, чем профессиональная безупречность.

Прошу меня понять и по возможности простить. Вовсе не собираюсь заниматься морализаторством. Все взрослые люди, и каждый отвечает сам за себя. Но коль скоро вспомнил чеховскую «Чайку», то позволю себе еще одну цитату: «Как все нервны! Как все нервны! И сколько любви...» По части нервозности мы можем дать фору героям А.П. Чехова, выясняющим отношения на берегах «колдовского озера». По части любви у нас значительно хуже!

Героиня Юлии Пересильд наверняка привлечет в космическую хирургию молодых людей, для которых откроется романтическое благородство этой профессии. Ничего, кроме пользы, это принести не может. Любая, а тем более хорошая картина о космонавтах, их проблемах, заботах, бедах и радостях – это знак общественного внимания к отрасли, которая, как мы знаем, переживает не самый простой период своего развития.

Что плохого в том, что актриса, замечательно сыгравшая роль талантливого хирурга, сделавшего операцию в невесомости, решила поделиться своими переживаниями, опытом, который она получила в процессе работы над образом нашей современницы, со школьниками или студентами? В этом нет ничего нового – достаточно напомнить опыт Бюро пропаганды киноискусства при СК СССР. Тем более странно, что некоторые депутаты выступают и против этого. Герой А. Баталова из фильма В. Меньшова «Москва слезам не верит» сделал никак не меньше для пропаганды рабочих профессий, чем сотрудники профтехобразования. Досадно, что приходится объяснять столь очевидные вещи.

А награды? Награды найдут героев.

Апрель 2023

Тот, кто любит

Новый «Театральный журнал» был основан в марте 2023 года, а в начале апреля в свет вышел его первый номер, который уже сегодня стал библиографической редкостью. 999 экземпляров разошлись достаточно быстро среди театральных профессионалов и любителей Мельпомены и Талии.

Многие из них, разумеется, читают московский «Театрал», «Современную драматургию» или «Петербургский театральный журнал», но из-за приостановки деятельности «Театра» отсутствие «толстого» общероссийского издания о сценическом искусстве и драматургии стало ощущаться особенно остро. Именно поэтому прочитал первую книжку недавно вышедшего журнала, что называется, в захлеб. Но является ли это достаточным поводом для того, чтобы многомиллионная аудитория «Российской газеты» узнала об издании, вышедшем столь малым тиражом? Думаю, смысл есть. Прежде всего потому, что появление периодического издания, посвященного художественной культуре, – событие в высшей степени неординарное, важное не только для профессиональной среды.

Ответ на вопрос об оптимальном объеме аудитории для театрального журнала, как для любого искусствоведческого издания, далеко не прост. Но от него зависит редакционная тактика и стратегия. И для этого надо остро чувствовать общественный и профессиональный контекст, в котором новый журнал появляется на свет. А он совсем иной, чем десять или двадцать лет назад, когда статьи о театральных премьерах переместились на страницы глянцевого журнала, что определило их рекламный характер. И уж вовсе не похож на тот, что был при советской власти. Когда в 1990 году после 20-летнего сотрудничества с журналом «Театр» уходил из редакции с поста заместителя главного редактора (главным был А.Д. Салынский), тираж издания достигал 75 тысяч экземпляров – в период «перестройки» был повышенный спрос на живое, освободившееся от цензуры слово.

Мне повезло, мое поколение критиков выросло в период поздней «оттепели», завершившейся, правда, после 1968 года. В ту пору журнал «Театр», в который посчастливилось попасть еще в студенческие годы в качестве участника семинара Н.А. Крымовой, был одним из самых важных литературно-художественных изданий страны. По своему значению в жизни читающей России он уступал разве что «Новому миру». В Российской империи и Советском Союзе театр занимал особое место в жизни общества и каждого отдельного человека. Это был и храм, и кафедра, и площадь для обсуждения самых животрепещущих вопросов времени. И самых личных, интимных проблем тоже. Иногда казалось, что театр по`длиннее и важнее самой жизни. «Горький в письме к Станиславскому приводит слова какого-то уральского казака, который к театру ни малейшего отношения не имеет, но который попал в Художественный театр и охарактеризовал его искусство примерно так: «Это и есть такая правда, что настоящая жизнь кажется карикатурой на нее» – цитата из статьи Алексея Бартошевича, посвященной недавно вышедшему двухтомнику «Письма в Художественный театр», которую опубликовал новый «Театральный журнал», лишь подтверждает особую роль театра в российской жизни.

Театр такой мощи, такого волшебного свойства требовал столь же глубокого уровня его осмысления. Театральные критики минувшего века были литераторами высшей пробы, мыслителями, не уступающими современным философам. Собственно, они и были из их ряда, глубокие теоретики и историки искусства, нередко выступающие как театральные критики. И газеты ценили возможность приглашать в качестве рецензента ученого, имеющего различные научные титулы. Но дело было, разумеется, не в формальных признаках учености. Литературный талант, глубина познаний и широта кругозора делали их небольшие газетные заметки образцами российской словесности и искусствоведческого анализа. Они любили театр, который вбирал в себя все мироздание.

Неслучайно первый выпуск «Театрального журнала» его редакция во главе с Марией Музалевской во многом посвятила проблемам театральной критики. Он открывается дискуссией под названием «Куда мы идем...», модератором которой стал ректор Российского института театрального искусства – ГИТИС Григорий Заславский, а его участниками – талантливые представители этой профессии, соединяющие театроведение с педагогикой и театральной критикой. У некоторых из них, как у Бориса Любимова или Риммы Кречетовой, учились Г.А. Заславский, сотрудники и авторы журнала. Наши наставники, преподававшие и не допущенные в ГИТИС: П.А. Марков, Г.Н. Бояджиев, А.А. Аникст, Б.И. Зингерман, Ю.И. Кагарлицкий, Б.Н. Асеев, Б.И. Ростоцкий, как и более старшие А.К. Дживелегов, Б.В. Алперс и С.С. Мокульский, – при всей разности судеб, готовности и неготовности к компромиссу точно знали, что театральная критика вовсе не сфера обслуживания. Как и само театральное искусство.

Когда-то А.П. Свободин, один самых ярких театральных литераторов, с которым мне посчастливилось работать в журнале «Театр», остроумно, но совершенно точно ответил на вопрос: «Что будут делать критики, если театр умрет?» – «Если театральное искусство умрет, то мы будем объяснять, почему оно умерло». Блестящая когорта театральных критиков-«шестидесятников», которые немало сделали и для отечественного киноведения, как М. Туровская, Н. Зоркая или Ю. Ханютин, точно знали, что театр будет жить, пока жива человеческая цивилизация. Что игра – природный дар человека, один из важнейших способов постижения мира.

Новый «Театральный журнал» начал свой путь в очень сложный период нашей истории, когда многое, в том числе и бытие театра в современной реальности, надо осмысливать заново. Именно поэтому он нужен и важен. И не только «юношам, обдумывающим житье».

Апрель 2023

Рецепт моей бабушки

Моя бабушка недолюбливала советскую власть. У нее были на то определенные причины, которыми она старалась не делиться вслух. Притом что три ее родных брата, как и мужа ее родных сестер, прошли Великую Отечественную с самого начала и до самого конца, а мой дед, ее муж, вообще считался героем Первой русской революции, во время которой казаки прострелили ему ноги.

Порой бабушка отпускала по поводу властей такие тирады, включающие ненормативную лексику, что перехватывало мой пионерский, а потом и комсомольский дух. Вступать с ней в полемику было бессмысленно. Еще с пятилетнего возраста я помнил, как она урезонивала водителя одесского трамвая так, что все пассажиры превратились в слух, кто от восторга, кто от ужаса. Она демонстративно праздновала все религиозные праздники, от Песаха до Пасхи, была чемпионкой нашей коммунальной квартиры по приготовлению куличей, которые она ходила освящать в церковь, прикрыв голову платком. Но она была уверена в том, что никто из посторонних, а тем более иностранцев, с которыми я учился в институте, не может критиковать политику партии и правительства, не говоря уже об устоях нашего родного государства. Она считала, что это ее личное право.

Как только кто-то начинал критиковать наше советское Отечество, она, словно разъяренная тигрица, бросалась на его защиту, оберегая власть как свое кровное достояние. Собственно, она давала уроки подлинного патриотизма, которые сохранились спустя десятилетия. Она любила Россию искренней и глубокой любовью. Не думаю, что она заимствовала все это – право на критику и на любовь – напрямую у А.С. Пушкина, хотя чем черт не шутит.

Казалось бы, зачем читателям знать эти давние подробности моей частной жизни? Но смею полагать, что ничего исключительного во всех этих историях не было – у многих людей моего возраста, да и помладше, были именно такие бабушки и дедушки, которые при всех своих возможных несогласиях с укладом советской жизни соединялись накрепко со своими соотечественниками, превращались в народ, в нацию, когда звучал лозунг «Отечество в опасности». А поскольку в нашей истории он звучал не раз и не два, то это стало своего рода национальным инстинктом, который оказывался важнее любых рациональных соображений.

Вспоминаю обо всем этом по достаточно очевидной причине. Понятно, что любые противостояния, в том числе и военные, как бы они ни назывались, заканчиваются. Об этом начинают думать еще во время самых острых фаз конфликтов. И даже сейчас, когда из хорошо информированных источников узнаешь о том, что на стороне Украины собираются воевать граждане европейских государств, пополняя ряды ВСУ, представители Европейского союза пытаются найти в России партнеров для сохранения контактов по различным культурно-гуманитарным направлениям.

Россия никогда от таких контактов не отказывалась, даже в ту пору, когда Европейский союз и руководство стран, в него входящих, после начала СВО объявили тотальный запрет на любые контакты с государственными ведомствами и институциями культурной, научной и образовательной сфер. Компания по «отмене русской культуры», с размахом начавшаяся в странах «золотого миллиарда» в марте 2022 года, на первый взгляд постепенно стала сходиться на нет. Но на самом деле и Евросоюз, и страны, в него входящие, равно как США и Канада, по-прежнему занимают жесткие позиции – по отношению и к российским государственным учреждениям, и к собственным гражданам, которые на свой страх и риск отправляются в нашу страну.

И при всем этом наши недавние западные партнеры пытаются отделять «чистых» от «нечистых». Они не исключают возможности диалога с неправительственными организациями России и даже с представителями государственных структур, но выступающими, что называ-

ется, в личном качестве. Подобные заходы могут иметь как минимум две причины. Во-первых, подобный диалог не нарушал бы санкционной политики Запада, которая, как известно, распространяется и на немалое число российских научных, учебных и даже культурных институций. Во-вторых, нет оснований не предполагать, что в поисках российских партнеров для подобных профессиональных встреч наши западные собеседники стараются определить, что называется, «идеологически близких».

Хотят почувствовать не только профессиональные, но и общественные настроения. И рискуют попасть впросак. Прежде всего потому, что мои соотечественники станут придерживаться российских государственных интересов, даже если будут представлять только самих себя. Не из осторожности и не из инстинкта самосохранения. Каких бы политических взглядов они ни придерживались, в нынешних условиях они будут вести себя именно так просто из профессиональной честности. Ответственности перед самими собой. Поверьте, вовсе не случайно начал эту заметку с воспоминаний о своей бабушке, у которой прожил детство и юность. Мои ассоциации могут показаться наивными, но, уверен, в них присутствует важный смысл. Мы такие, какие мы есть. Понимая важность диалога с нашими недавними партнерами, не находим оснований для того, чтобы подыгрывать им в этом обоюдном процессе. Притом что мы никогда не отказывались от широкого гуманитарного сотрудничества и не стремились к изоляционизму.

Расставание с иллюзиями всегда непросто, порой трагично. Всегда трудно от романтизма в отношениях с окружающим миром приходиться к прагматизму. Но не без сожаления замечу, что сегодня это неизбежно. В многополярном мире существует множество интересов, причем для каждой страны именно ее интерес становится наиважнейшим. И это вовсе не означает, что диалог невозможен. Напротив, он приобретает особый смысл – никто не старается скрывать своих намерений. Тем интереснее вести разговор, который может быть весьма плодотворен.

Апрель 2023

Прошлое для будущего

20 марта, в день, когда Ирине Александровне Антоновой исполнился бы 101 год, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина открылась выставка-инсталляция «Мои полторы комнаты». По времени она совпала с еще одной датой – без малого десятилетним пребыванием на посту директора ГМИИ Марины Лошак, которая в этот день объявила о своем уходе.

В нашем случае важно, что два эти события оказались связанными друг с другом. Как и две комнаты в историческом здании музея на Волхонке. Архитектор-философ Александр Бродский, автор этого художественного проекта, объединил небольшой кабинет директора, в 1944 году выгороженный С.Д. Меркуровым в историческом здании, где И.А. Антонова провела все свои директорско-президентские десятилетия, – с более обширной приемной, где всегда принимают гостей. Когда И.А. Антонова стала Президентом ГМИИ, новый директор, М.Д. Лошак, обосновалась в этой приемной – закрытая дверь изолировала два рабочих пространства. Сегодня они соединились, образовав «полторы комнаты» – вызывающее, но в данном случае уместное название, отсылающее к петербургскому музею-квартире Иосифа Бродского, общее архитектурное решение которого принадлежит тому же Александру Бродскому. Он обладает удивительным мастерством наполнять незримиными образами пустое пространство.

Два пустых стола, по настольной лампе на каждом, стоят друг напротив друга, разделенные распахнутым дверным проемом и им же связанные. Рабочие столы, один из которых принадлежал еще И.В. Цветаеву. За ними некогда сидели живые люди, великие визионеры, сформировавшие представления о предназначении музея.

На пригласительном билете два женских силуэта – Ирина Антонова и Марина Лошак. Деяния Ирины Александровны, которая начала работать в музее в 1945 году, директорствовала с 1961 по 2013 год, а потом была президентом до самой кончины в 2020-м, завершили ее долгий XX век. Десятилетие Марины Лошак, которая покинула пост директора именно 20 марта 2023 года, прокладывает путь в век XXI. Завершенное всегда величаво и совершенно. Новое полно энергичной открытости и дерзкой попытки заглянуть в неизвестное. Эти два директора были едины в понимании того, что музей – не просто коллекция прекрасных древностей, но и место для реализации творческих фантазий, умножающих его силу, расширяющих его миссию, вовлекающих в его проекты новых зрителей. Место высокого просветительства прекрасным, которое должно открыться людям. Именно поэтому в пустом пространстве «полтора комнат» размещены отзывы зрителей на главные выставки ГМИИ последних семидесяти лет.

Господи, чего же здесь только не было! Простой перечень даже избранных событий не может не восхищать: от шедевров Дрезденской галереи в 1955-м, Пикассо в 1956-м, «Моны Лизы» в 1974-м, «Москвы – Парижа» в 1981-м до выставок коллекций Щукина в 2019-м и Морозова в 2022-м и совсем недавних – «Египетские мумии. Искусство бессмертия» и «Всеобщий язык». Перечисление всех выставочных шедевров не уместилось бы на целой газетной полосе. Вновь возвращаясь к ним, к истории ГМИИ имени А.С. Пушкина минувших десятилетий, понимаешь, какую великую миссию несли ее директора, пробивая сквозь идеологические заслоны советского времени и финансовую недостаточность новейшей России уникальные музейные творения, выдающиеся послания российской и мировой публике, так остро ей необходимые.

Ирина Александровна долго и придиричиво искала себе преемника или преемницу. Первый разговор об этом у нас случился накануне ее 80-летия в моем министерском кабинете. Обычно старался встречаться с ней в ее кабинете на Волхонке, но на этот раз она приехала ко мне сама. Для того, чтобы говорить о своей отставке, впрочем, уверенная в том, что она ее не получит. «Вы будете работать столько, сколько вы захотите» – в моем ответе на ее слова

не было лукавства. Но И. Антонова была умной женщиной и не прекращала поисков. И в них она была придирчива и подозрительна. Ее выбор оказался безупречным, и она это знала, даже когда выказывала недовольство новыми порядками.

Говорил не раз, повторю и сегодня: одним из лучших кадровых назначений В. Мединского в бытность его министром культуры РФ было утверждение Марины Лошак на посту директора ГМИИ. Она, выросшая на свободе галерейной жизни, тем не менее уже была готова к тому, чтобы возглавить этот музей. При понимании, что ей предстоит нелегкий путь компромиссов с Ириной Александровной. Но она знала и то, что эволюционный процесс может принести больше плодов, чем любые революционные преобразования. Смелая в своих творческих решениях, она оказалась в высшей степени мудрым руководителем. Именно поэтому она смогла так творчески наполнить уникальным содержанием работу музея в три труднейших последних года, когда были прерваны все международные связи. У широкой публики, которая выстраивалась в очереди перед зданием на Волхонке, не было ощущения изоляции – выставки поражали восприятие своей художественной энергией и одновременно продуманностью, разнообразием экспонатов, которые открывали неведомые прежде свойства, помещенные в новый выставочный контекст.

М. Лошак утвердила славу ГМИИ как подлинного центра московской культурной жизни, сделав его душевно притягательным для всех, от мала до велика, вне зависимости от материального достатка и физического здоровья.

Перед началом концерта в честь дня рождения И.А. Антоновой М.Д. Лошак выступила с прощальным словом. Ни в коей мере это не было отчетом о проделанной работе, хотя за минувшее десятилетие ей есть чем отчитаться – и перед коллегами, и перед широкой публикой. Это было слово о будущем музея, о новых выставках, о новых проектах, которые должны быть реализованы в ближайшие годы. Она ушла из музея, который переживает настоящий творческий расцвет. Ушла с чувством сделанного дела и собственного достоинства.

Это дано не каждому.

Март 2023

«Много ли русских?»

По решению руководства Метрополитен-музея и Музея современного искусства (МоМа) во всех информационных материалах этих двух важнейших культурных центров Нью-Йорка поменяли этническую принадлежность ряда русских художников и названия картин, в которых есть слово «русский».

Так, знаменитая пастель «Русская танцовщица» Эдгара Дега из его поздней серии 1899 года стала называться «Танцовщицей в украинском наряде», А.И. Куинджи, И.Е. Репина, И.К. Айвазовского причислили к украинским художникам, равно как и К.С. Малевича, И.И. Кабакова, С. Терк-Делоне, Л. Берлявски-Невельсон. Как бы ни объясняли эти шаги, они, безусловно, сделаны в угоду нынешней политической конъюнктуре, доминирующей в странах «коллективного Запада».

История с переименованиями всемирно известных картин и отлучением от имени России великих художников началась чуть меньше года назад, когда набирал обороты процесс «отмены русской культуры». Именно тогда, в конце марта прошлого года, Лондонская национальная галерея решила дать новое название знаменитой пастели Эдгара Дега из серии «Русские танцовщицы». Официальный Лондон сделал это, исходя из собственных представлений о прекрасном, оправдывая свои действия в том числе и позицией украинской диаспоры в Великобритании, прежде всего Марии Кашенко, директора лондонского выставочного пространства ART UNIT, и Олеси Хромейчук, директора Украинского института в Лондоне. Свою роль сыграла и украинская художница Мириам Найем, которая обратилась не только в Лондонскую национальную галерею, но и в Музей Гетти в Лос-Анджелесе, и в нью-йоркский Метрополитен-музей.

По поводу пастелей Э. Дега были даны весьма сомнительные объяснения, указывающие на элементарное пренебрежение к авторскому праву. Как утверждали представители Лондонской галереи (и это объяснение в том или ином виде повторили сотрудники Метрополитен-музея), вокруг названия работы Дега шли давние споры, так как он изобразил танцовщиц в цветах нынешнего украинского флага: желтое и голубое читается в венках из цветов и лентах, украшающих девушек. Но что бы ни думали представители искусствоведческого сообщества в Лондоне или Нью-Йорке, художник назвал свои пастели так, как он считал нужным, – «Русские танцовщицы» и никак иначе. Замечу, что синие и желтые цвета на флаге, который впоследствии стал украинским, впервые появились лишь через пятнадцать лет после того, как Эдгар Дега написал «Русских танцовщиц», – в 1914 году, на праздновании 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко. А Эдгар Дега мог увидеть украинский танец только в исполнении актрис из Российской империи, так как Украины на карте мира еще не было.

В Российской империи, как известно, юридически не было разделения граждан по этническому признаку – определялись по принадлежности к той или иной религии. Самоидентификация была связана с верой и культурой. Именно поэтому задним числом переписывать уже покойных в большинстве своем художников из одной национальности в другую, понятно, без их собственного ведома и желания – дело совсем не богоугодное. Не знаю, что по этому поводу думает любимый мной и, слава Богу, здравствующий Илья Иосифович Кабаков, действительно родившийся в Днепропетровске, но в историю современного изобразительного искусства он вошел как один из создателей московского концептуализма, который точно не имеет никакого отношения к украинской художественной традиции.

С таким же успехом А.С. Пушкина можно называть эфиопским поэтом, М.Ю. Лермонтова – шотландским. А при сильном желании Иммануила Канта можно считать русским философом, ведь при Елизавете Петровне кенигсбергские горожане присягнули российской короне.

Здесь самое время вспомнить знаменитый исторический анекдот о беседе Николая I и Альфреда де Кюстина. Когда российский император спросил у французского дипломата во время бала: «Много ли здесь русских?» – то де Кюстин ответил: «Кроме меня и иностранных послов – все остальные». Николай I ему возразил: «Это вовсе не так. Вот этот мой приближенный – поляк, с ним рядом немец. Вон стоят два генерала – они грузины. Этот придворный – татарин, другой – финн, а третий – крещеный еврей...» «А где же русские?» – удивился де Кюстин. «А все вместе они и есть русские!» – ответил император.

Идентичность империи – это не только армия и флот, это ее культура, имеющая надэтнический характер, вбирающая в себя многоголосье народов, в нее входящих. В каком-то смысле она близка к универсализму христианства, не различая ни иудея, ни эллина, если они становятся ее гражданами и развиваются в рамках ее культурного кода. «Русский мир», с которым сегодня воюет киевская власть и их западные партнеры, – это прежде всего мир русской культуры, которая хранит высшие ценности отечественного и европейского гуманизма.

Мононациональные государства – как Польша или Украина – формируются на совершенно иных принципах. С первых лет строительства новейшей украинской государственности безуспешно пытался убедить киевских коллег, что многоязычие – это не проблема, а благо. Признание русского народа Украины частью украинской нации позволило бы создать по-настоящему жизнеспособное и современное государство. И не надо было бы заниматься пародийными поисками украинских корней у А.П. Чехова или П.И. Чайковского, на что по сей день тратят немалые усилия. И не надо было бы обвинять Н.В. Гоголя в том, что он стал великим русским писателем только потому, что по-настоящему не знал родного украинского языка. Поверьте, сочлись бы славой!

«Мертвые сраму не имут!» А живым – и в Лондоне, и в Нью-Йорке – со временем станет стыдно за то, что достаточно бездарный политический жест оказался важнее интересов культуры.

Февраль 2023

Мой молчаливый отец

После 2 февраля, когда отмечали 80-летие разгрома немцев под Сталинградом, эти три слова – «мой молчаливый отец» – не отпускают меня, как ни стараюсь вновь отправить их в бессловесную глубину памяти. Наверное, потому, что вершиной жизни моего отца был все-таки Сталинград, Сталинградская битва, которая не отпускала его, похоже, до конца дней, но о которой он практически ничего не рассказывал. Разве что его простреленная рука, омертвевшая в суставах, напоминала мне и всем окружающим о его ранении, которое он получил в лабиринте сталинградских улиц. Только когда за несколько месяцев до его смерти мне нужно было в больнице обработать мокрыми полотенцами его тело, то осознал, что все оно было в отметилах от осколков и сделанных операций – мальцом, когда мы ходили в баню, видимо, не так остро ощущал эти знаки войны. Он чудом выжил после Сталинграда, но навсегда связал себя с армией.

Отец не любил говорить о войне, хотя по его медалям можно было понять географию его боевых лет. Он всегда хранил боли и потери в себе. Не думаю, что это было только его личным качеством. Его фронтовые товарищи тоже не любили особенно распространяться о том, что они пережили и что их связало накрепко на всю оставшуюся жизнь. Да и осталось их совсем немного – в горниле боев павших было не меньше, чем живых. Они чаще обменивались какими-то шутивными воспоминаниями. Но этого литературно-кинематографического захлеба: «А помнишь?.. А помнишь?..» – у них вовсе не было. Поэтому, наверное, им так нравился «Белорусский вокзал» Андрея Смирнова, где больше молчали, чем говорили.

Уже взрослым, в середине 90-х годов прошлого века, по делам, связанным с сохранением мемориала на Мамаевом кургане, увенчанном знаменитым монументом Е. Вучетича «Родина-мать зовет!», мне довелось впервые побывать в Волгограде, земля которого хранила тела погребенных, но еще безымянных воинов. Поисковые работы продолжаются по сей день, выявляя фамилии погибших – возвращение имен поистине божье дело и для убитых, и для их близких, которым важно узнать, что они лежат в сталинградской земле, а не числятся по разряду пропавших без вести. Приехал, уже давно прочитав «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Живых и мертвых» К. Симонова, «Жизнь и судьбу» В. Гроссмана и множество других книг, написанных о великой битве на Волге. Но даже в страшных снах не мог себе представить, что линия фронта нередко проходила по городским квартирам, по коридорам и проходам, соединяющим этажи. Скученность и близость сражающихся друг с другом были фантастически высокими, физиология войны, жизни и смерти здесь раскрывается с предельной экзистенциальной силой. Однажды уже писал о том, что сражающиеся друг с другом советские и фашистские солдаты находились в постоянной физической близости, они знали друг друга в лицо, понимая, что если хочешь уцелеть, то надо убить того, кто целится в тебя, подползает к тебе со штыком или ножом. Прошу простить меня за дурной литературный слог – наверное, в реальности все было страшнее и проще. Но ясно, что каждую секунду требовалось беспрецедентное напряжение всего организма, предельная концентрация, которой вряд ли могло хватать надолго. А еще надо было есть, пить, курить, справлять нужду – и побеждать врага любой ценой... Отец был коммунистом и евреем – таких в плен не брали. Он сражался за Родину и мстил за свою сожженную на Украине первую семью, жену и двоих детей. Ему было не до гуманизма. И в эти месяцы он не мучился ни «проклятыми» вопросами философии, ни рассуждениями о добре и зле.

Наверное, поэтому даже через годы и десятилетия отец не рассказывал о войне, хотя она по-прежнему жила в нем и не отпускала его. Только 9 Мая, в День Победы, он позволял себе надевать ордена и медали – это был ритуал, который, впрочем, не сопровождался никакими героическими речами. В этот день он даже не повторял обычное: «Мишка, ты слишком много пьешь!» – понимая, что более оправданного повода выпить нет и не может быть.

Развал СССР он пережил с болезненной остротой, как и большинство людей его поколения, выросших и состоявшихся в Советском Союзе. «Неужели мы напрасно жили?..» – этот вопрос задал мой другой родственник, полковник в отставке, прошедший, как и мой отец, войну. И ему нужен был отрицательный ответ на этот вопрос. Потому что любой другой ответ был бы равносителен смертному приговору.

Именно поэтому ежегодные торжества в Волгограде, Ленинграде, Москве, других городах-героях, во всей России – своего рода государственный ответ на этот самый вопрос, который по-прежнему бережит душу ветеранов, да и не их одних.

Наверное, поэтому отец не выходил из КПСС даже тогда, когда она уже перестала существовать. В его доме, где жило много отставных военных, была партийная организация, хотя до конца не уверен, что все ее участники понимали до конца, что они состоят вовсе не в той партии, в которую они вступали. Но сама возможность хотя бы отчасти сохранять привычный уклад жизни умирала их душевное беспокойство.

Наверное, отец, как и многие его сверстники, привык, что за него говорили другие. Сначала выдвинувшиеся из их же рядов, а потом все моложе и моложе, не пережившие войну, но изучавшие ее по разным книгам и документам. Он не завидовал их умению говорить о том, о чем он предпочитал молчать. Какой бы сложной ни была сегодняшняя жизнь, как бы ни рифмовались нынешние события с тем, что происходило восемь десятков лет назад, Великая Отечественная война останется в истории как совершенно особая пора бытия нашего народа, понесшего огромные потери, но сплотившегося для того, чтобы сохраниться и утвердить себя в истории. В этом был глубинный смысл его жертвенного подвига, который мы по сей день пытаемся постичь. Смысл, который чужд пустому славословию.

Февраль 2023

Новогодние поздравления

Новогодние открытки-поздравления по-прежнему посылают друг другу, благодаря и одновременно несмотря на все чудеса современных информационных технологий. Электронную подпись очень легко отличить от настоящей, как и понять, что рассылали с помощью живых помощников или электронных ботов, а что подписывали сами отправители. А кому-то, как в прежние, не столь высокотехнологичные, времена, захотелось написать поздравительную открытку собственной рукой. Когда надо придумывать отдельный текст каждому адресату. Или хотя бы добавить несколько личных слов на заранее отпечатанный поздравительный бланк.

Но все же – при всех различиях – эти новогодние открытки, которые в последние тридцать российских лет чаще всего включают в себя и поздравления с Рождеством, не слишком отличаются друг от друга по сути своей. Как правило, мы желаем друг другу здоровья и благополучия, мира и благоденствия, счастья и любви. И, конечно, того, чтобы наступающий год был лучше уходящего, чтобы все беды и невзгоды, потери и утраты остались в прошлом. «Скорее б этот анафемский 16-й закончился. В 17-м будет лучше» – эти слова приписывают Николаю II, который якобы оставил их в своем дневнике.

И даже если это грубоватый апокриф, он содержит в себе вековую надежду на то, что завтрашний день – при всей его неопределенности – должен быть лучше предыдущего. В эти предновогодние дни название старой болгарской пьесы «Я обещаю тебе светлое прошлое» – истончается, становится призрачным, – все желают друг другу только светлого будущего. Уже не одно столетие на краткие волшебные мгновения декабря исторический опыт и жизненная мудрость отступают в тень, и торжествует детская мечта о недостижимом, которое кажется вполне возможным. В эти дни мы хотим обманываться и быть обманутыми. И это продолжается из года в год, с удивительным постоянством, – о чем бы мы в эти дни ни мечтали и во что бы ни верили. Реальность отступает на миг, и мы парим над нею, оторвавшись от земли, расставшись с ее притяжением. Чувствуя праздничную невесомость. Мы хотим победы и мира, в эти мгновения не думая о том, каких огромных человеческих усилий они потребуют.

Реальность здесь, рядом, с ее трагедиями и жертвами, героями и слабаками, своими и чужими, романтиками и прагматиками, она никуда не собирается исчезать и бережит ум и сердце. И каким-то чудесным образом сопрягается с праздничными надеждами. Новогоднее послание президента России В.В. Путина было в основном посвящено героям СВО, живым и павшим, защищающим суверенитет нашей страны, но и в нем нашлось место для того, чтобы отметить волшебство новогодних праздников, когда открываются лучшие качества людей, их желание любви и милосердия, их стремление заботиться о близких и проявлять добросердечие ко всем страждущим. Как бы сурово ни было реальное бытие, в нем есть место детской вере в волшебные чудеса, всегда есть надежда на то, что Иван-дурак станет Иван-царевичем, а тыква превратится в карету.

В эти дни кажется, что марксизм терпит поражение и вовсе не бытие определяет сознание, а человеческие мечты и гуманные помыслы овладевают реальным миром так же, как они переполняют мир виртуальный, – социальные сети переполнены новогодними поздравлениями. Все спешат поздравить друг друга именно до наступления Нового года и Рождества: если не успеешь, то вроде бы и пожелание может не сбыться.

«Христос рождается – славите! / Христос с небес – срящите!» Но поражение марксизма оказывается временным, и даже торжественные церковные гимны лишь на короткое время уносят нас к небесам, в мир возвышенной любви и веры.

И ряженые, которых испокон века ждали на Рождество, колядующие вплоть до самого Крещения, могут неожиданно для себя столкнуться с новым законодательством, которое не

предусмотрело того, что в эти дни женщины могут наряжаться как мужчины, а мужчины как женщины, – давняя карнавальная традиция.

Но сегодняшней реальности не до карнавальной двусмысленности. Она жестка и определена. Новогодние праздники закончились, по существу, не начавшись. Гибель российских военнослужащих в Макеевке в новогоднюю ночь стала трагедией не только для семей погибших. Значит, наши новогодние упования не смогли ее предотвратить. «Если человек умер, его нельзя перестать любить...»

И когда трагедия берет свое, не можешь не относиться без удивления к тому, что именно минувшие рождественские дни были выбраны киевскими властями для введения санкций против еще 119 российских граждан, в основном широко известных деятелей культуры и искусства. Как сказал бы Остап Бендер, хорошо знакомый и украинским комедийным артистам: «Грустно, девушки...» От санкций подобного рода вряд ли пострадают попавшие под них артисты, – не думаю, что кто-то из них в ближайшие дни и месяцы собирался давать концерты на Украине.

«Если вы хотите, чтобы уважали вас, сами уважайте других» – эти слова из «Трактирщицы» Карло Гольдони приходят на ум всякий раз, когда читаешь подобные санкционные документы, относятся ли они к отдельным российским артистам или к культуре, которую они представляют. Ненависть к культуре, даже если это культура другой страны и другого народа, прямо скажем, не самое лучшее чувство на свете.

Замечу, что в 1762 году, перед своим отъездом из Венеции в Париж, Карло Гольдони написал одну из самых трогательных своих пьес – «Последние дни карнавала», в которой рисовальщик Анзолетто уговаривает юную Доменику уехать в далекую Московию. Щемящее чувство завершения бурного праздника и ощущение чего-то тревожащего и манящего, что ждет впереди, – доносится сквозь века.

Но как бы там ни было, через одиннадцать месяцев мы будем вновь повторять в новогодних открытках пожелания здоровья, любви, мира, благополучия... Вдруг сбудется!..

Январь 2023

2022

Ирина Антонова
Валерий Шадрин
Николай Бердяев
Нина Останина
Аргуро Перес-Реверте
Владимир Филиппов
Виктор Лошак
Алексей Баталов
Резо Чхеидзе

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
Санкт-Петербургский международный культурный форум
Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова
Выставка-ярмарка Cosmoscw
Выставка-ярмарка Blazar
17-й Фестиваль российской культуры в Японии
Центральный Дом актера имени А.А. Яблочкиной
Международный гуманитарный проект «Минская инициатива»

Оптимистическая трагедия

Последняя неделя декабря – время подведения итогов. Это занятие увлекает всех – от Федерального Собрания и правительства, министерств, ведомств и общественных организаций не отстают и средства массовой информации. Но о чем бы ни просили сказать, ответ однозначен: главным событием уходящего года была и остается специальная военная операция на Украине. Все прочее, в том числе и стремление сохранить культурный суверенитет, – производные от нее.

Неизбежность СВО трудно ставить под сомнение. Но в самом слове «неизбежность», в его существе присутствует отсвет того феномена, который еще в XVIII столетии называли «трагедией рока», да что там отсвет – этот сюжет разворачивается в полном объеме. Впрочем, обыденное сознание не может соединить на простом житейском уровне несоединимое: в своем глубинном значении трагедия по природе – жанр оптимистический. Ее финалы открыты небесам, что обещает возможность новых свершений. И это свойство трагедии важно не только для зрителей, но и для самих ее участников. Именно поэтому строгие теоретики драмы считают название известной пьесы Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» тавтологией. Будем надеяться, что они не заблуждаются.

И в свете этого трагического оптимизма ты воспринимаешь все, что происходит в военном деле, политике, экономике и культуре, которая оказалась устойчивой ко всем внешним и внутренним катаклизмам. И именно поэтому вся наша жизнь, пронизанная событиями, происходящими на Украине, обретает то напряжение, которое не скрыть под внешней обыденностью. И каждое событие привычной жизни воспринимаешь как подарок судьбы. Как важный знак продолжения того, что вроде бы не должно продолжаться в том виде, каким оно было еще совсем недавно.

В отличие от индустрии в культуре и искусстве не может быть импортозамещения. Русская культура не может заменить немецкую или китайскую, равно как невозможен и обратный процесс. Но в уходящем году стало ясно, что при уходе из России западных исполнителей, произведений кинематографа, популярной и филармонической музыки, санкционном отказе от музейных обменов и отъезде ряда заметных отечественных режиссеров ресурсы российского рынка в художественной культуре – пусть не везде, но в определенных существенных сегментах, – оказались достаточными для того, чтобы сохранились места притяжения. Точки роста, если угодно!

Достаточно прочитать только четыре книги, вышедшие в уходящем году: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова, «Подлинную историю Анны Карениной» Павла Басинского, «Имя Розанова» Алексея Варламова и «Чагина» Евгения Водолазкина, – чтобы убедиться в жизнестойкости современной русской литературы, ее погруженности в глубины национальной жизни и отзывчивости к тем вечным вопросам отечественного бытия, что прорываются сквозь невозможность актуального существования. Пусть простят меня не названные мною писатели, среди которых немало недюжинных талантов, пусть гневаются те, кто считает, что настоящей патриотической литературой может сегодня называться лишь военная проза, поэзия и публицистика. Позволю себе остаться при своем мнении. Помните, как в «Судьбе барабанщика» отец героя называл настоящей солдатской песней стихотворение М. Лермонтова «Горные вершины...»? Аркадию Гайдару было не занимать проницательности...

Выставки произведений египетской культуры в Эрмитаже и ГМИИ имени А.С. Пушкина с примечательным названием «Искусство бессмертия» – какой магический смысл приобретает сегодня это слово! Попытка разгадать феномен дуэли в Музеях Кремля и стремление рассказать о творчестве двух незаурядных героев искусства XX века – Сергее Дягилеве и Игоре Грабаре – в Третьяковской галерее! Цикл первоклассных выставок к 150-летию Государственного

исторического музея и представление архивных документов, связанных с первыми месяцами войны, от которых захватывает дух...

Перечислил лишь немного из того, что представляли главные российские музеи в уходящем году, – стало ясно, что их коллекции, как и собрания провинциальных музеев, таят в себе много неведомого.

Как бы ни было трудно главным оперным и балетным театрам России из-за того, что прервалось их сотрудничество с зарубежными партнерами, они сумели удержать зрительский интерес и сохранить ту высокую творческую планку, которая требует настоящей самоотверженности. Две последние по времени премьеры в Большом – «Шопениана» и «Демон», равно как и «Щелкунчик» одного из самых ярких современных хореографов Юрия Посохова в Театре имени К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, – убедительное тому подтверждение.

Отсутствие фильмов, которые производят крупнейшие западные кинокомпании, сильно ударило по посещаемости кинотеатров, но одновременно заставило стимулировать рост отечественной индустрии, определило поиск новых имен.

Не стоит упрекать меня в стремлении лакировать действительность, полную тревог и проблем. Их невозможно не видеть, не ощущать ежесекундно. Но, как говорил герой давней пьесы Э. Радзинского «Обольститель Колобашкин», «раз голова болит – значит, наличествует...». И эта боль заставляет думать о будущем, неопределенность которого вызывает не только страхи, но и восторги.

Когда в финале XXIII телевизионного конкурса молодых музыкантов «Щелкунчик» десятилетний нижегородец Даниил Абросимов исполнял первую часть Первого концерта для фортепиано с оркестром Мориса Равеля, в сердце моем укрепилась надежда на то, что у страны, где появляются такие таланты, должно быть светлое будущее.

Декабрь 2022

Вопросы языкознания

Сведущие люди наверняка обвинят меня в том, что позволил себе частично позаимствовать название известной статьи И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в газете «Правда» 20 июня 1950 года. Сделал это сознательно, так как в сталинской работе язык в известном смысле противопоставляется культуре, в отличие от совершенно иного подхода к проблеме, продемонстрированного на недавно открывшейся выставке в ГМИИ имени А.С. Пушкина «Всеобщий язык».

Здесь творения художественной культуры становятся частью языка, его визуальной и звуковой составляющей. Еще одно убедительное доказательство того, что понятие «текст» может быть не связано со словом, – текст формируется в различных сферах творческой деятельности, в изобразительном искусстве, кинематографе, музыке.

Понятно, без марксизма обойтись сложно, он пролезет в окно, даже если захочешь вытолкать его в двери. Язык не просто связан с материальным бытием, он сам его неотъемлемая часть, подверженная изменениям во времени и пространстве. Все-таки нелогично противопоставлять культуру, имеющую, по мнению автора статьи в «Правде», классовый характер, языку, который, как полагал Сталин, напрямую не зависит от социальных воздействий. Язык, изначально формирующийся как сложнейший психофизиологический и социально-исторический феномен, во многом определяет культуру любого народа и в такой же степени ею определяется.

Можно вспомнить пьесу «Пигмалион» Бернарда Шоу, где характер и качество владения языком у героев обозначает принадлежность к тому или иному социальному слою общества, а в конечном счете становится реальной силой, коренным образом меняя судьбу уличной цветочницы Элизы Дулитл. Различие между языком русского крестьянства и придворных Алексея Михайловича Романова в XVII веке отражало практически непримиримый классовый разрыв, на его преодоление ушли столетия, но различия все равно остались. Достаточно сравнить советский «новояз» и речь представителей белой эмиграции. В. Аракчеев, директор Российского государственного архива древних актов, в своем выступлении на открытии выставки в ГМИИ рассказал о том, как русский деловой язык преобразовывался во времени, от века к веку – бюрократические документы свидетельствуют об этом со всей очевидностью.

Меняется эпоха, расширяется география государственных взаимоотношений и торговых связей, возникают неведомые партнеры и прирастают новые территории, свершаются научные открытия – язык как живой организм реагирует на все это творчески и одновременно прагматично. Обогащаясь заимствованными звучаниями, но сохраняя себя. Мировые языки – а русский язык является одним из них – обладают самодостаточностью и способностью к развитию. Заимствованные слова перерабатываются в зависимости от внутренней потребности самого языка, все лишнее отлетает само собой. И кто сегодня станет вспоминать, что слово «депутат» имеет латинские корни, а «икона» – древнегреческие. И это при том, что язык, как и культура в целом, самый надежный фундамент для самоидентификации – народа и отдельного человека. Взаимное притяжение и взаимное отталкивание общего и особенного, единичного и коллективного – одна из ключевых проблем человеческого бытия, истории и сиюминутности.

Много лет занимаясь гуманитарными связями на постсоветском пространстве, я был свидетелем самых разных процессов – и центробежных, и центростремительных. Моим друзьям и коллегам из разных стран чаще всего казалось, что, обособившись, погрузившись в глубины воссоздаваемой национальной истории, они обретут свой собственный голос, освободятся от внешних влияний. В какие-то моменты времени подобный подход, возможно, необходим. Но позволю себе вспомнить Карла Теодора Ясперса: «Я не могу стать самим собой, не вступив в коммуникацию... Этот процесс осуществления, раскрытия совершается не в изолированном существовании, а лишь в присутствии Другого. В качестве единичного я для себя ни раскрыт,

ни действителен». Понятно, что коммуникация далеко не всегда может быть дружелюбной, но любая вербальная коммуникация, любой разговор лучше всякой драки.

Так случилось, что на открытие выставки «Всеобщий язык» я пришел на следующий день после того, как прилетел из Ташкента, где проходил XV Форум научной и творческой интеллигенции стран СНГ. При том что за тридцать лет, прошедших после самороспуска СССР, у каждого нового государства, образовавшегося на постсоветском пространстве, возникли собственные интересы, со всей очевидностью обострившиеся за минувший год, прошедший форум тем не менее подтвердил глубину сложившихся связей между народами, на протяжении веков живущими в соседстве друг с другом.

Чем больше возможностей открывает современный мир для новых государств, тем меньше различие взглядов на ряд серьезных проблем влияет на их тяготение друг к другу, предполагая общий язык общения. И вовсе не случайно 2023 год – не по инициативе России – объявлен Годом русского языка в СНГ. Часто употребляемая фраза «мы найдем общий язык» обозначает не только формальное, но и содержательное, сущностное тяготение к согласию. Ведь можно говорить на одном языке и не понимать друг друга. Именно поэтому так необходим не единственный, но общий язык. Общий – в множественности. Об этом выставка в ГМИИ имени А.С. Пушкина. О схожести человеческих нужд и чаяний – в древней Персии и Иудее, в античной Греции и средневековой Армении, в Московском царстве и китайской Империи Цинь...

Строители Вавилонской башни за грех гордыни, за желание сравниться с Творцом были наказаны многоязычием. Вся последующая история человечества – это стремление понять друг друга. Что удавалось далеко не всегда.

Декабрь 2022

Непредвиденное Бытие

К 100-летию Ирины Александровны Антоновой издательство «Гамма-пресс», пойдя на известный риск, выпустило необычную книгу под названием «О себе, музее, искусстве...». Ее авторство, безусловно, принадлежит легендарной женщине, которая более полувека была директором Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Кроме вступительной статьи М. Зильберквита, генерального директора издательского дома «Музыка – П. Юргенсон – Гамма-Пресс», и послесловия от автора-составителя Н. Колесовой, весь основной корпус издания определяется личностью И. Антоновой, ее размышлениями разных лет.

Он соткан по преимуществу из ее выступлений на телеканале «Культура», и непосредственность, порой спонтанность ее воспоминаний и рефлексий ощутимы в печатном тексте. Зафиксированные на бумаге, они не утратили живых интонаций, не попали в ловушку само-редактуры, которая неизбежна в письменном высказывании. И это важное достоинство книги, которая хотя и создана как бы «от первого лица», но не была прочитана и выправлена автором. Собственно, в этом и состоит риск издателей, на который они пошли сознательно, и, на мой взгляд, добились успеха. Мелкие огрехи – не в счет.

В главе «Голоса воображаемого музея Андре Мальро», который, как известно, в молодости был талантливым авантюристом, а в зрелости – выдающимся писателем, искусствоведом, участником Гражданской войны в Испании и французского Сопротивления во время Второй мировой войны, видным политическим деятелем и министром культуры Франции, есть весьма существенное рассуждение Ирины Александровны. «Мальро высказал замечательную мысль: “Великое искусство обладает непредвиденным бытием”. То есть, казалось, оно рассчитано на современников. Ничего подобного! На каждом этапе оно работает сначала на нас, потом на наших детей, внуков и так далее. И потомки, уже исходя из своего жизненного опыта, если умеют считывать и понимать творчество, открывают новые смыслы. Вот это непредвиденное бытие. Отсюда его формула “искусство – антисудьба”. Судьба человека – смерть, уход из жизни, а искусство – “антисудьба” – продолжение жизни».

Позволил себе столь развернутую цитату из размышлений Ирины Александровны только потому, что она, как кажется, имеет отношение не только к произведениям искусства, но и во многом к человеческому бытию как таковому. К тем редким героям нашей истории, которые уже при жизни становятся чем-то большим, чем персонажами обыденного существования, обладающими ИНН, ОМС. Ведь мифы и легенды Древней Греции, как и все прочие мифы и легенды, продолжали бытие во времени некогда существовавших людей, заслуги которых определили их надмирную, надвременную биографию. Ирина Антонова явно из этой плеяды.

Ее значение в истории отечественной культуры, в общественной и государственной жизни второй половины XX века и первых десятилетий XXI века прояснялось постепенно, как фотографическое изображение проступает на пластине или пленке, погруженной в проявитель. Движение времени делало ее фигуру более объемной и многогранной, хотя многие из ее современников различали лишь какую-то одну грань, принимая ее за целое. Чтобы понять всю сложность, противоречивость и одновременно объемную цельность ее натуры, надо было вглядываться в нее протяженное время, и желательнее с близкого расстояния. Мне повезло, судьба подарила эту счастливую возможность.

Наша первая, вполне мимолетная встреча случилась в 1977 году на «Випперовских чтениях», которые Ирина Александровна учредила в память о своем учителе Б.Р. Виппере, долгие годы возглавлявшем кафедру всеобщего искусствознания на искусствоведческом отделении исторического факультета МГУ, одновременно занимая должность заместителя директора ГМИИ имени А.С. Пушкина по научной части. Во время этой первой встречи она была сдер-

жанна и почти сурова, что никак не вязалось с той свободной интеллектуальной атмосферой, которая всегда отличала «Випперовские чтения». Жизнь – и не только профессиональная, к сожалению, – научила ее не выставлять напоказ свои эмоции. Ее считали опытной чиновницей, умевшей ладить с властями. На самом деле все было совсем не так. Именно поэтому ее музей был центром свободной по тем временам художественной мысли. А ее друзьями были люди, которые стремились утверждать высокую независимость искусства от мелочной суеты.

По-настоящему мы стали общаться лишь с 1993 года, когда проблемы утраченных и перемещенных во время Второй мировой войны ценностей, прежде всего российских, но и зарубежных тоже, потребовали системной работы и вызвали жаркие дискуссии. Мы не всегда занимали схожие позиции, но именно тогда произошло наше сближение, не прерывавшееся до ее последних земных дней.

В трех разделах книги история частной жизни, служба в музее и музейному делу в целом, размышления об искусстве накрепко переплетаются между собой. И.А. Антонова возвращается к одним и тем же событиям в разных своих выступлениях, но это не выглядит повторами, одна и та же тема получает развитие, как это бывает в музыкальных произведениях. Наверное, не случайно она остро ощущала взаимодополняемость музыки и изобразительного искусства. «Одной любви музыка уступает...»

В последние годы жизни Ирина была одержима идеей воссоздания в Москве в рамках ГМИИ имени А.С. Пушкина Музея нового западного искусства, в глубине души понимая, что этого не случится. Но не меньше, а может быть, больше ее беспокоила судьба ее сына, которого она боялась оставить наедине с его болезнью...

Вся ее жизнь – это вызов судьбе. Непредвиденное бытие.

Декабрь 2022

Рыцарь театрального образа

Смерть Валерия Шадрина потрясла весь театральный мир. И прямом и в переносном смысле слова «мир». В субботу и воскресенье слова прощания и восхищения ушедшим от нас выдающимся организатором театрального дела приходили с разных континентов, из стран дружественных, нейтральных и вовсе не дружественных.

Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова, созданный в 1992 году, за тридцать лет своей поистине титанической деятельности сумел накрепко соединить всех, кто создавал высокую сценическую культуру в конце XX и в первые десятилетия XXI столетия. Не было ни одного сколько-нибудь заметного художественного явления в мировом театральном пространстве, которое не оказалось бы частью программы этого лучшего фестиваля, сумевшего вобрать в себя не только сценическое, но и музыкальное и изобразительное искусство.

И демиургом всего этого потрясающего творческого пиршества был Валерий Иванович Шадрин. Он был создателем Чеховского фестиваля, а Чеховский фестиваль во многом перестроил его неординарную личность.

Сейчас мало кто помнит, что он, получив образование в Московском высшем техническом училище имени Н.Э. Баумана (так назывался нынешний университет), стал инженером, но никогда не работал по специальности. И на комсомольской, и на партийной работе он осознанно хотел заниматься творчеством. Мы познакомились в самом начале доперестроечных еще 80-х годов прошлого века, когда он возглавлял главное управление по делам культуры города Москвы – тяжелейшее место чиновничьей работы. Он испытывал жесткое идеологическое давление с разных сторон, прежде всего от партийных инстанций города, которые были большими ревнителями канонов социалистического реализма, чем их коллеги в аппарате ЦК КПСС.

Ему надо было учитывать позицию двух министерств культуры – республиканского и союзного. Но еще более чутко Валерий Шадрин прислушивался к тому, что происходило в творческой среде. Он старался, насколько это позволяли обстоятельства, быть представителем культуры перед лицом власти, доводя до партийного и советского руководства позицию художников, их понимание общественной ситуации, их эстетические запросы. И одновременно он вел постоянный диалог с творческой интеллигенцией, стараясь не доводить до точки кипения самые сложные проблемы. Умел находить аргументы в дискуссиях, был мастером компромисса – владение этим искусством помогало ему не раз в его последующей деятельности.

Именно поэтому, когда в 1986 году создавали Союз театральных деятелей СССР, Валерий Шадрин стал его первым секретарем, несмотря на то что партийные власти прочили на это место совсем другого кандидата. Но Валерия Ивановича отстаивали все лидеры театрального дела той бурной поры, от Олега Ефремова и Михаила Ульянова до Кирилла Лаврова и Марка Захарова. Притом что В. Шадрина лучше всего знали москвичи – Кирилл Лавров, избранный председателем СТД СССР, до конца своих дней ни разу не пожалел о сделанном выборе. В 1989 году, возглавив после смерти Г.А. Товстоногова Большой драматический театр, К. Лавров был вынужден много времени проводить в Северной столице, но он знал, что В. Шадрин никогда его не подведет. Они оба были чужды театральной интриги, так часто разъедающей любые творческие отношения. Их профессиональный и человеческий союз был образцовым, построенным на бесконечном доверии друг другу. Именно это позволило им пережить тот исторический слом, который был вызван распадом Советского Союза.

Союз театральных деятелей СССР подходил к рубежу 1990-х как мощный культурный институт, который сумел завоевать уважение не только в национальных республиках, входящих в СССР, но и во всем мире. Понятно, что этому немало содействовал тот общий интерес к открывающейся огромной стране, в которой рождались великие художественные творения

– от иконописи до революционного авангарда, от новаторских романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского до творений П.И. Чайковского и Д.Д. Шостаковича, от открытий С.М. Эйзенштейна до советского экзистенциализма А.А. Тарковского. Волна мощных гастрольных проектов под общим названием «Русские идут» прокатилась по всему миру – Валерий Шадрин был не просто идеологом, но и талантливым организатором этого марафона, утверждающего многообразие и художественную озаренность советского театрального искусства. Прозорливое внимание СТД СССР к театральной жизни в республиках помогло потом после развала Советского Союза сохранить творческие и человеческие связи в новой постсоветской обстановке и создать Международный союз театральных деятелей.

Для людей театра Россия была своеобразной Меккой – внимание к наследию К.С. Станиславского, Евг. Б. Вахтангова, Вс. Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова делало нашу страну необычайно привлекательной для деятелей мировой сцены. Еще на первом учредительном съезде СТД СССР в 1986 году К. Лавров говорил о необходимости создания в Москве международного театрального фестиваля. Но ни тогда, ни даже в 1992 году, когда благодаря усилиям К. Лаврова, О. Ефремова и В. Шадрина Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова начал свою жизнь, никто и представить не мог, каким мощным культурным явлением станет их детище. Каким важным явлением не только российского, но и мирового творческого бытия!

Олег Ефремов ушел из жизни в 2000 году, Кирилл Лавров – в 2007-м. Последние пятнадцать лет Валерий Шадрин делал великое дело, не подводя своих выдающихся товарищей, доказав, что он имеет на это право. Он был великим театральным миссионером, который оставил после себя наследие, устремленное в будущее. XVI Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова, в отличие от своих отцов-основателей, не должен умереть – можно ли придумать лучший памятник этим великим людям?

Декабрь 2022

Коллективное сознательное

Результаты голосования в Москве по поводу празднования Нового года показали, что современные горожане обладают тем «коллективным сознательным», которое способно уберечь от этических ошибок. Решение не проводить в новогодние каникулы шумных концертов и гуляний с фейерверками, но при этом не исключать возможности отвлечься от повседневного житейского напряжения приняли и в других регионах России. Подчеркнув при этом, что экономленные средства пойдут на поддержку земляков, участвующих в СВО. Моральное чувство было подкреплено серьезными нравственными доводами.

Меня, конечно, могут поправить, заметив, что в любом случае главный импульс исходит не из доводов разума, а от эмоционального состояния общества, от эффективности тех политтехнологических инструментов, которые используются для формирования общественных настроений, «коллективного бессознательного», в конце концов. Но смею думать, что дело все-таки не в этом. Хотя проблема соотношения между человеческим интеллектом, общей культурой и психофизиологическими инстинктами составляет предмет особого исследовательского интереса.

У значительной части современного российского общества есть серьезная внутренняя потребность избегать любых крайностей, во многом продиктованная исторической памятью. И той выработанной культурой, системой запретов, которая достаточно трудно взламывается даже в периоды исторических катаклизмов. Нынешнее поколение российских граждан заметно отличается от российского общества столетней давности, когда культура как защита от катастрофы была взыскуемой, но малодоступной. Когда от революционного апокалипсиса не спасла даже тысячелетняя христианская традиция.

Стоит обратиться к весьма примечательному для той поры горькому размышлению Николая Бердяева, опубликованному им в статье «Темное вино», датируемой 1915 годом: «Пьяной и темной дикости в России должна быть противопоставлена воля к культуре, к самодисциплине, к оформлению стихии мужественным сознанием. Мистика должна войти вглубь духа, как то и было у всех великих мистиков. В русской стихии есть вражда к культуре. И вражда эта получила у нас разные формы идеологических оправданий. И эти идеологические оправдания часто бывали фальшивыми. Но одно верно. Подлинно есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному. А путь культуры – средний путь. И для судьбы России самый жизненный вопрос – сумеет ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранив все свое своеобразие, всю независимость своего духа». Не все согласятся с этим суждением, но не прислушаться к нему было бы неразумно.

Понятно, что Николая Бердяева вряд ли устроила большевистская «культурная революция» в качестве верного пути развития русской культуры, о котором он мечтал. Но если взглянуть на события минувшего XX столетия, особенно на процессы, происходившие после самороспуска СССР, то при всех трагических катаклизмах, ему сопутствующих, 1990-е были все-таки меньшим потрясением для России, чем события Октябрьской революции и Гражданской войны. И здесь сработал не только инстинкт самосохранения, свойственный в том числе и народному мироощущению, не только инертность общественной жизни, выработанная десятилетиями компромисса с советской властью, но и духовная и поведенческая культура, сложившаяся за сорок пять послевоенных лет. И хотя над пресловутым «Кодексом строителя коммунизма» посмеивались, но он, пусть и на пародийный манер, напоминал и о Заповедях Христовых, и о Заповедях Моисеевых.

Притом что А.И. Солженицын называл советскую интеллигенцию «образованщиной», лишенной нравственных принципов и истиной веры, все-таки нельзя отрицать, что помимо «морального кодекса строителя коммунизма» в СССР сформировался культурный слой, обла-

дающий нравственным чувством и здравым смыслом, причем не только в больших городах. «Читающая Россия» на излете 1980-х была многоликой, в равной степени припадая к запрещенной светской и религиозно-философской литературе, пытаясь соединить воедино культуру советской метрополии и эмиграции разных поколений. Искали не «пределов», но гармонии, которая всегда связана с примирением. И этот поиск не прекращается и сегодня.

Культура тяготеет к срединности, она гармонизирует поведение людей, уводит их от разрушительных крайностей. В этом одна из ее важнейших социальных функций, которая достигается путем кропотливой работы. Воздействие культуры на человека напоминает влияние на него китайской медицины: нужно долго-долго исполнять одни и те же предписания, чтобы получить минимальный результат. Это длительный, поистине исторический процесс, требующий терпения и, что не менее важно, понимания направления движения.

Но в любом случае, рассматривая варианты будущего развития России, невозможно не учитывать соображения Н. Бердяева – изначальное, исконное тяготение к пределам, к крайностям и складывающееся стремление к середине, к поиску национального компромисса.

Можно ли делать подобные выводы, оттолкнувшись от одного-единственного опроса, связанного с празднованием Нового года? Скорее всего, нет, скажут искушенные профессионалы. Но если внимательно посмотреть на социологические исследования, посвященные другим актуальным проблемам сегодняшней российской жизни, то можно убедиться в том, что тяготение к срединному пути развития характерно для значительной части населения с различным уровнем культуры и с разным отношением к вопросам религии. «Коллективное сознательное» играет в нашей жизни роль достаточно серьезную. Во всяком случае такую, что его невозможно игнорировать, рассуждая о будущих моделях развития России. Оно способно уберечь от тех крайностей, которые разрушительны для государства и общества. Именно поэтому так важна роль культуры и ее творцов.

Ноябрь 2022

Послесловие к юбилею

1 ноября 2022 года, общероссийский телевизионный канал «Россия – Культура» отмечал 25-летие со дня создания – первый государственный юбилей. Понятно, что по нынешним временам такого рода события требуют скромности, что и было проявлено. Но значение этого телеканала для отечественной культуры, для нашего телевидения, для российского общества в целом трудно переоценить.

И здесь не надо ориентироваться на рейтинги, определяющие объем зрительской аудитории. Никогда не забуду, что продемонстрировало первое социологическое исследование после выхода «Культуры» в эфир. На вопрос о том, какому каналу вы отдаете предпочтение, более половины опрошенных отвечало, что они смотрят только телеканал «Культура». Так отвечали даже в тех городах, где его в ту пору невозможно было увидеть – сеть распространения была невелика. И дело было не только в том, что открытие телеканала двадцать пять лет назад стало одним из главных информационных событий дня, и не в том, разумеется, что программы других каналов были хуже (на самом деле они были яркими и увлекательными), просто слово «культура» в России обладает магнетической силой.

Мои коллеги из «Российской газеты» создали своего рода праздничный венок сонетов в прозе, посвятив их юбилею канала, который занял особое место в пространстве современного телевидения. И мне следовало бы промолчать, не произнося ничего, кроме слов благодарности. Но, нарушая приличия, показалось важным вспомнить тех людей, которые стояли у его истоков, и тех, благодаря которым он пришел к своему 25-летию в расцвете молодых еще сил. В конце концов, мне посчастливилось руководить телеканалом «Культура» всего девять месяцев из его двадцатипятилетней истории.

Мое назначение на должность первого главного редактора телеканала «Культура» было чистой случайностью. Думаю, в значительно большей степени, чем само появление этого телевизионного феномена на свет. Когда в середине мая 1997 года, во время празднования в Кремле 70-летия М.Л. Ростроповича (27 марта того года, в день его рождения, он был за границей), маэстро попросил у первого президента России Б.Н. Ельцина в качестве подарка создать телевизионный канал, целиком посвященный культуре, Борис Николаевич ответил согласием. О чем и объявили в присутствии гостей юбиляра. Президент был готов к такому повороту событий: с предложениями-просьбами по этому поводу к нему обращались многие деятели культуры. Достаточно назвать Д.С. Лихачева, К.Ю. Лаврова, М.А. Захарова, М.Б. Пиотровского, М.А. Ульянова, С.Я. Кулиша – всех невозможно перечислить. Но на оформление этого решения ушло три месяца, борьба за «пятую кнопку» была нешуточной, ее хотели получить и Б.А. Березовский, и В.А. Гусинский. И, чтобы не усиливать ни одну из конкурирующих компаний, вопрос было решено «подвесить», создав канал «Культура». И решающую роль в этом сыграли, кроме главы государства, Т.Б. Юмашева (в ту пору Дьяченко), В.Б. Юмашев и С.Н. Красавченко. Они знали, что решение принято всерьез и надолго, поэтому председателем Попечительского совета канала согласился стать Б.Н. Ельцин.

Но летом 1997 года мне были неведомы эти византийские сюжеты. Напросился на встречу с Н.К. Сванидзе, который в ту пору возглавлял ВГТРК, и сказал ему, что собираюсь уходить из Министерства культуры РФ и готов испытать судьбу в качестве руководителя нового канала, честно говоря, мало понимая, на что напрашиваюсь. Его ответ был вежливо неопределенным, так как соискателей этого места было немало. Мне повезло только по одной причине – я был совершенно чужим в телевизионном мире середины 1990-х. Все это уже потом мне объяснил М.Ю. Лесин, необычайно яркий и талантливый человек, вместе с М.Ю. Заполем создавший уникальную телевизионную рекламную компанию «Видео Интернейшнл». Он был первым замом у Н.К. Сванидзе. И именно он уже в 1997 году настаивал на том, чтобы новый

канал назывался не просто «Культура», но «Россия – Культура». Но мы с Т. Пауховой, которая была моим ближайшим соратником, возглавившим канал после моего ухода, отстаивали свою независимость. Хотя позже, став председателем ВГТРК, отчетливо понял, что существование «Культуры» вне этой компании попросту невозможно.

Без блестящей команды ВГТРК, которая участвовала в создании канала «Культура», нам бы никогда не удалось запустить этот проект за шесть недель. Поэтому важно назвать главных героев: кроме Н. Сванидзе, М. Лесина, Ю. Заполя это Д. Корявов, А. Акопов, Л. Таубе, А. Кривошеева, Р. Сабитов и их сотрудники. Мы с Т. Пауховой и присоединившимся к нам А. Ефимовичем собрали высоких профессионалов, с которыми работали еще на Центральном телевидении СССР: Е. Андронникова, А. и Н. Приходько, В. Тернявского, Д. Хомутова, Л. Перова, С. Ялович, А. Торстенсена, Е. Гинзбург, Э. Каширникову... Особое место в нашей работе занимала петербургская студия, которую возглавляла Б. Куркова. Несомненно, без Г. Горина, М. Жванецкого, М. Захарова, В. Лошака, С. Бэлзы, Г. Черняховского, с которыми мы мечтали о будущем канала, ничего бы не получилось. Конечно, нужно вспомнить и руководителей Федеральной службы по телевидению и радиовещанию – в 1997-м это был В. Лазуткин, а в 1998-м – М. Сеславинский. Без них многое бы пошло не так.

«Ты ничего не понимаешь в телевидении. Самое главное – держать эфир!» – вот уже двадцать пять лет эти слова Тани Пауховой не покидают мой воспаленный разум. Как важно, что четверть века канал возглавляли люди, которые умели «держать эфир»! Четырнадцатый год во главе канала «Культура» – Сергей Шумаков, который ведет его творчески дерзко и художественно безупречно. И какое счастье, что Олег Добродеев и Антон Златопольский понимают, какой жемчужиной в короне ВГТРК они владеют!

В моих словах нет праздничных преувеличений, только констатация фактов. Хорошо бы, чтоб о них не забыли, когда через четверть века канал «Культура» будет отмечать следующий государственный юбилей.

Ноябрь 2022

Тонкая грань

Отмена Санкт-Петербургского международного культурного форума кажется мне совершенно разумным шагом. И дело вовсе не в том, что организаторы не смогли получить согласие на приезд от зарубежных партнеров. Уверен, что его участники представили бы не меньшее, если не большее количество стран, чем на Санкт-Петербургском экономическом форуме, который проходил в начале лета нынешнего года.

И по-прежнему можно было бы обсуждать проблемы международного сотрудничества, в том числе и с недружественным сегодня Западом, сосредоточившись, впрочем, на разнообразных культурных проектах, которые вполне успешно можно осуществлять на просторах СНГ, Ближнего и Дальнего Востока, других азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Два огромных и по-настоящему не открытых Россией рынка креативных индустрий – КНР и Индия – безусловная возможность вполне заманчивых перспектив для российской культуры.

Но предлагаемые ныне обстоятельства, которые кардинально изменили жизнь не только в нашей стране, но и во всем мире, требуют заново осмыслить роль отечественной культуры и деятелей культуры в современном бытийном пространстве. Невозможно делать вид, что наша жизнь не изменилась и 2022 год абсолютно неотличим от того, что происходило с нами в предшествующие десятилетия. Уже невозможно жить по инерции, пытаясь уклониться от современной реальности. Нам надо задать вопросы, обращенные прежде всего самим себе, которые вряд ли целесообразно обсуждать на международных площадках. Хотя бы потому, что на них нет однозначных ответов. Тем более что любой культурный форум будет восприниматься как неуместный сегодня размашистый праздник.

Сегодня нам важнее самим определиться с внутренней повесткой дня в культуре, разобраться с новыми вызовами и с нашей реакцией на них. Осмыслить коллективную и индивидуальную рефлексию. Хотя бы потому, что мы все в той или иной степени понимаем, что российская жизнь переживает сущностный исторический поворот. И можно сколько угодно отрешиваться от этого «мы», как в прежние советские времена один из «охранительного» типа литераторов громогласно заявлял, что он не хочет быть в одном «мы» с Еvtушенко, тем не менее все, кого заботит судьба России, в это «мы» попадают вне зависимости от своих субъективных желаний.

Важно понимать, что развитие национальной культуры, или национальных культур, поскольку Россия – государство, где проживает множество этносов, связано с большими линиями развития, с многообразием не только социально-экономических, но и природных, и биологических процессов. Даже в периоды революционных взрывов, разрушения традиционных укладов, она сохраняет ту корневую систему национальной жизни, которая, собственно говоря, и делает один народ отличным от другого. Поэтому русская культура сохранила свой генотип и в столетия власти Орды, и в пору петровских реформ, и после Октябрьского переворота 1917 года, и после самороспуска СССР. Понятно, как и в природном мире, не обошлось без мутаций – в духовной и материальной сферах.

Причем весьма серьезных. Они были связаны в том числе с катастрофической убылью народа в XX веке – и в Российской империи, и в Советском Союзе. Новая Россия оставила за пределами своей страны почти 26 миллионов людей, считающих себя носителями русской культуры. Значительно больше, чем в революционные годы. Все это не проходит бесследно, как любое расчленение этноса. И эти процессы куда существеннее влияют на культуру, чем любое высушивающее идеологическое давление. Именно поэтому идея А.И. Солженицына о сбережении народа связана со сбережением культуры, которая, в свою очередь, определяет идентичность самого народа, его судьбу в историческом бытии. Любые политические и экономические развороты не отменяют фундаментальных ценностей, которые связаны не только

с историей, но и с географией. Христианский выбор России был определен в том числе и ее встроенностью в европейское пространство.

Крым, где проходило символическое крещение Руси, был частью античной ойкумены, колыбели европейской культуры, сохраняющей свое значение для всей последующей русской жизни. Москва имела все основания претендовать на роль Третьего Рима – не только в религиозном, но и в общекультурном смысле. Органическое развитие Московского царства еще до жестких петровских реформ было устремлено к культурному синтезу, в котором европейская традиция играла важнейшую роль. Россия в восприятии Азии всегда была европейским государством, как бы ее ни воспринимали к западу от Дуная или Одера. Все это необходимо осознать, прежде чем перейти к размышлениям о судьбе культуры и искусства в том сложнейшем текущем моменте истории, который переживает наша страна и ее многонациональный народ.

Важно понять, что сегодня решается судьба России на грядущие десятилетия, если не на столетия. Именно поэтому для России невозможно военно-политическое поражение. При том, что страна балансирует на тонкой грани между привычными житейскими заботами, стремясь сохранить относительный материальный и духовный комфорт для своих граждан, и потребностью в напряжении всех своих сил для обеспечения безопасности в новом ее понимании. Это сложнейшее внутреннее состояние общества не может не отражаться на современных художественных практиках. И как бы ни хотелось немедленных творческих откликов на все происходящее, нужно время, чтобы осмыслить все то, что происходит с нами, живущими жизнью страны.

Октябрь 2022

Дерзкое величие театра

4 октября 2022 года, исполнилось тридцать лет московскому Международному театральному фестивалю имени А.П. Чехова. За это время российской публике было представлено более 600 спектаклей из 54 стран мира, над созданием которых работало 437 режиссеров, хореографов, авторов и руководителей музыкальных проектов.

Когда 4 октября 1992 года на сцене Театра имени Моссовета Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова открыл первый Чеховский фестиваль спектаклем «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в постановке Темура Чхеидзе с участием Кирилла Лаврова, никто не мог представить, что именно этот смотр сценических достижений станет одним из самых важных явлений в мировой культурной жизни трех минувших десятилетий. За эти годы Валерий Шадрин, возглавивший после смерти К. Лаврова Международный союз театральных деятелей, который был учредителем новой фестивальной институции, не просто создал площадку, где стремились показать свои спектакли ведущие театры и режиссеры мира, он сотворил уникальный, не имеющий равных, продюсерский организм, соединяющий все лучшее, что существует в современном искусстве. Драма, цирк, балет, кукольный и уличный театр, музыкальные постановки, – не выезжая из Москвы, можно было увидеть все многообразие мировой сцены. Такого не мог позволить себе ни один из столичных мегаполисов. Сколько споров было в начале 1990-х вокруг того, зачем новой России с разрушенной экономикой, когда ни на что катастрофически не хватало денег, с неопределенной политической структурой, да и вообще с неведомым будущим, необходимо такое излишество, как международный театральный фестиваль. Можно было отшутиться, вспомнив знаменитую фразу Михаила Светлова: «Мне нужна роскошь, а не товары первой необходимости!..» Но суть была, конечно, в другом.

Театральная революция в России, начатая К.С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, продолженная Вс. Э. Мейерхольдом, Евг. Б. Вахтанговым, А.Я. Таировым в первой половине XX столетия, а затем получившая новое воплощение в 1950 – 80-е в работах плеяды ярчайших отечественных театральных мастеров, сущностно повлияла на развитие мирового сценического искусства, режиссуры и педагогической работы с актерами. Именно поэтому еще на Первом учредительном съезде Союза театральных деятелей СССР, проходившем в октябре 1986 года в Кремле, Кирилл Лавров заявил о необходимости организации Всемирного театрального фестиваля в Москве. Этой идее было суждено осуществиться уже в новой стране, в Российской Федерации. Но именно СТД СССР, его сотрудники во главе с Валерием Шадриним, который был назначен в 1986 году первым секретарем нового Союза, провели огромную подготовительную работу для того, чтобы Чеховский фестиваль смог сразу занять особое место в культурной картине мира, где существовали такие мощные и известные фестивали, как Авиньонский, Эдинбургский или Аделаидский. Здесь важно вспомнить рано ушедшего из жизни Валерия Хазанова. Он долгие годы был ответственным секретарем советского отделения Международного института театра при ЮНЕСКО, а после создания СТД СССР возглавил его международный отдел. У Валерия был огромный опыт работы с деятелями мировой сцены, но самое главное – была репутация человека, которому можно доверять.

Именно во второй половине 1980-х годов СТД СССР проводит ряд больших проектов, которые можно объединить слоганом, использовавшимся в ФРГ, – «Русские идут». Это были масштабные фестивали советского театра в большинстве стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Советское искусство было востребовано не только потому, что оно открывало движение жизни в недавно закрытой стране, – оно поражало высоким классом мастерства, демонстрируя миру то лучшее, что было создано не только на подмостках Москвы и Ленинграда, но и в столицах республик, входивших в СССР. Советский Союз был страной, где куль-

тура не просто отражала реальность, она нередко была важнее, сущностнее самой этой реальности.

Миру было предъявлено большое театральное искусство, которое было способно выиграть соревнование с жизнью. Именно поэтому позволил себе позаимствовать название этих заметок у Александра Володина, у которого есть пронзительный рассказ под названием «Дерзкое величие жизни». Международный Чеховский фестиваль создавали люди – а среди них были самые лучшие, самые яркие театральные деятели нашей страны, – для которых театр был не просто домом, он был их жизнью. Больше, чем реальная жизнь. В те дерзновенные годы мне посчастливилось работать в журнале «Театр» и общаться с людьми, уверенными в том, что только на сцене они могут по-настоящему проникнуть в природу человека и мир человеческих отношений. Их вера в театр не изменилась даже тогда, когда мы почувствовали властную силу реальности. Телевизионные трансляции заседаний Верховного Совета СССР демонстрировали документальную драму такого класса, что с ней было трудно конкурировать профессиональным драматургам. Но и в этой борьбе лучшие театры страны отстаивали свое профессиональное достоинство.

Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова, который включал в себя самые разные художественные и организационные проекты, – к примеру, Всемирную театральную олимпиаду, – притягивал в Москву лучших режиссеров мира, от Питера Брука и Петера Штайна до Кристиана Люпы и Робера Лепажа.

Приезжая в Москву со своими новыми работами, они начинали задумывать будущие спектакли, что называется, на русской почве. Некоторые из них надолго связывали свою жизнь с российской культурой. Так, Деклан Доннеллан, основатель знаменитого театра «Cheek by Jowl», вместе с российскими артистами создал серию первоклассных шекспировских постановок и в конце концов занял пост президента Фонда поддержки Чеховского фестиваля.

За минувшие тридцать лет Чеховский фестиваль подарил всем нам не просто неповторимые художественные впечатления. Он вновь и вновь заставлял поверить в волшебную силу искусства, которое способно менять каждого из нас.

Октябрь 2022

Бумажные журавлики

В Токио 27 сентября 2022 года на территории крытой арены для боевых искусств «Будо-кан», которая находится неподалеку от Императорского дворца, состоялась церемония государственных похорон бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ.

Проститься с этим безусловно выдающимся политическим деятелем Страны восходящего солнца приехали высокопоставленные представители почти 160 государств, среди которых президент Вьетнама Нгуен Суан Фук, премьер-министр Индии Нарендра Моди, премьер-министр Республики Корея Хан Док Су, король Иордании Абдалла Второй ибн Хусейн, вице-президент США Камала Харрис, Николя Саркози и другие. От нашей страны в этой церемонии принимали участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Японии Михаил Галузин и автор этих строк.

В любых случайностях всегда отыщется своя логика. В конце жизни, уже покинув пост премьер-министра, Синдзо Абэ стал председателем японского Организационного комитета Фестиваля российской культуры, который проходит с 2006 года. Соглашение о его создании мы вместе с Михаилом Галузиным подписывали с японскими коллегами в 2005 году. Тогда председателем Оргкомитета был тоже один из самых влиятельных японских политиков Ёсиро Мори, он занимал пост премьер-министра в 2000–2001 годах. Уходящие со своих постов «тяжеловесы» японской политической жизни в последние шестнадцать лет погружались в культурное сотрудничество с нашей страной, понимая, что российское искусство ценится в Японии необычайно высоко.

Программа Фестиваля российской культуры год от года становилась все насыщеннее, ее зрителями и слушателями за прошедшее время стали более 18 миллионов японцев. Этому немало способствовало и то обстоятельство, что на протяжении первых 11 лет существования фестиваля председателем российского Оргкомитета по его проведению был Сергей Нарышкин. Какими бы ни были отношения между нашими государствами, культурный обмен сохранял свою востребованность. И в том, что в нынешнем году, когда после начала специальной военной операции на Украине на нашу страну обрушились небывалые санкции, семнадцатый по счету Фестиваль российской культуры смог открыться в конце августа в Токио совместным концертом молодых российских и японских музыкантов, – заслуга наших друзей и коллег в Японии.

Неслучайно еще в мае нынешнего года, при жизни Синдзо Абэ, японские деятели искусств, участники культурных обменов с Россией во главе с выдающейся актрисой Комаки Курихарой, которая все эти годы была заместителем председателя Оргкомитета фестиваля, обратились к общественности с посланием о роли культуры в современном беспокойном мире. «Искусство выше политики» – эта мысль, по их мнению, сохраняет свое значение даже в то время, когда политика хочет доминировать над всеми сферами человеческой деятельности. В этом нет прекраснотуши.

Неслучайно Синдзо Абэ, проводя последовательную политику сближения с нашей страной, был вместе с президентом России инициатором проведения беспрецедентного в истории отношений двух государств «перекрестного года “Россия – Япония”». Его постоянные контакты с Владимиром Путиным были исполнены не только политического прагматизма, но и человеческой симпатии. По подсчетам экспертов, они провели 27 встреч в стремлении разрешить существующие проблемы и приблизиться к подписанию мирного договора между Россией и Японией. Они понимали значение искусства и культуры в этом процессе. В данном случае «почва и судьба» не упраздняли искусства – они возлагали на него сущностные надежды.

И никто не думал, что Синдзо Абэ, искреннему патриоту своей страны, самому молодому премьеру в послевоенной истории Японии, уготована столь трагическая смерть.

Синдзо Абэ был лидером Либерально-демократической партии и дважды: в 2006–2007 годах и с 2012 по 2020 год возглавлял японское правительство. За это время он сумел вернуть в публичное поле дискуссию о необходимости внесения поправок в конституцию Японии, которые бы обеспечили Японии большую независимость, свободу действий, которая была ограничена в послевоенный период, когда основные законы были прописаны под влиянием американской администрации. Он был уверен, что Япония выстрадала свою национальную самостоятельность. Он считал необходимым обеспечить для своей страны мирное и безопасное будущее.

Синдзо Абэ, родившийся в 1954 году, принадлежал к тому поколению японских политиков, которые хорошо помнили о трагедии Хиросимы и Нагасаки, когда две американские атомные бомбы с игривыми названиями «Малыш» и «Толстяк» унесли жизни более 200 тысяч человек. Он, как и нынешний премьер-министр Японии Фумио Кисида, чей избирательный округ находится в Хиросиме, прекрасно знали историю японской девочки Садако Сасаки, которая, надеясь излечиться от лучевой болезни, старалась сделать как можно больше бумажных журавликов оригами – символов удачи и долголетия.

По японской легенде, если сумеешь сотворить 1000 бумажных журавликов, то в ответ получишь 1000 улыбок и исполнение желаний. Двенадцатилетняя Садако Сасаки перед уходом из жизни в 1955 году успела сделать только 644 журавлика – и тогда японские дети, а за ними и дети других стран мира, продолжили ее работу. Памятник в Хиросиме, созданный Казуо Кикучи и Киёси Икэбэ, посвященный Садако, называется «Дети атомной бомбы». И каждый год 5 мая в День детей тысячи бумажных журавликов окружают фигурку девочки, так и не дожившей до своего совершеннолетия.

Нынешние отношения России и Японии переживают тяжелейший кризис. Японское правительство – один из лидеров в санкционной войне с Россией. Но во время государственных похорон Синдзо Абэ я размышлял вовсе не об этом. Вспоминая мудрого японского политика, думал о наших детях, внуках, правнуках – российских и японских, у которых должна быть долгая жизнь.

Сентябрь 2022

Современное современно

«Современным искусством, как мне кажется, может считаться искусство, созданное в 2022 году», – Екатерина Проничева, много занимавшаяся актуальной культурой, а недавно назначенная генеральным директором Владимиро-Суздальского музея-заповедника, завершая программу «Агора», предложила ту примиряющую формулу, которая в социальном плане отражает сегодняшние художественные реалии как в нашей стране, так и за ее пределами.

Две закрывшиеся в Москве выставки-ярмарки современного искусства – Cosmoscov в Гостином дворе и Blazar в Музее Москвы – подтвердили подобную позицию в полной мере. Работы студентов, которые представляют всю палитру отечественных художественных вузов, дополняли творчество зрелых и известных уже мастеров, но и они не опровергали того мнения, что на сегодняшнем рынке искусств для всего найдется место – и для жизнеподобного реализма, и для творчества, проникающего за пределы предметного мира. Здесь используют самые разные инструменты – от холста и красок до программного обеспечения. Но в этом многообразии, как кажется, нет внятного конфликта. Зачем бороться друг с другом, когда у каждого художника, у каждого художественного направления есть своя публика, свои почитатели и свои покупатели? И уж точно не имеет смысла выяснять, кто главнее: эстетическая борьба ушла в прошлое, что имеет свои положительные и отрицательные стороны. Подобная картина современной художественной жизни вовсе не означает «конца истории» искусств.

Ведь если взглянуть на историю человечества, то развитие искусства всегда происходило в социальной и художественной борьбе. Даже конфликт между творческим видением Эсхила, Софокла и Еврипида в «златокудрой» греческой античности V столетия, века высшего расцвета Афин, был результатом не только эстетической, но и общественной дискуссии. Еврипид сумел разглядеть и выразить те глубинные противоречия афинской жизни, которые не могли разрешиться даже с появлением «бога из машины». Сценические изменения – появление второго и третьего протагониста, что казалось революцией в театральном деле, – были лишь следствиями попыток осмыслить меняющийся мир.

Смена художественных направлений, как правило, отражала слом исторических эпох, революционные изменения в социально-экономической и духовной жизни человечества. Можно по-разному масштабировать те или иные исторические события, вглядываясь в изменения, которые происходили в течение одного века, или рассматривая процессы перехода от одной эпохи к другой, как, например, движение от средневекового искусства к искусству Возрождения, но мы неизменно разглядим напряженную творческую дискуссию, которая вбирала в себя множество смыслов.

Новое художественное творчество рубежа XIX–XX столетий рождалось в острой полемике с академическим искусством и всеядным натурализмом. Именно в эту пору с особой остротой встает вопрос о том, что такое современное искусство, чему оно наследует и от чего отказывается. Революция в пластических искусствах, театре, нарождающемся кинематографе, литературе, музыке происходила одновременно со взрывом в науках. Новое искусство не было художественным хулиганством, желанием эпатировать благопристойную публику, как казалось некоторым даже очень умным современникам. Его творцы стремились к познанию меняющегося мира в неменьшей степени, чем их предшественники. Но так же, как современные им ученые, они обнаружили, что при устремлении к глубинному постижению реальности перестают действовать те закономерности, которые применимы при изучении предметного мира с помощью классической «ньютоновой» механики. То есть привычных художественных практик. Это время новых представлений о времени и пространстве. Достаточно вспомнить гипотезу Анри Пуанкаре об односвязном компактном трехмерном многообразии, сформулированную великим французским математиком в 1904 году и через столетие доказанную вели-

ким российским математиком Григорием Перельманом. Или теорию относительности (термин Макса Планка), которую называют «релятивистской физикой». Материя потеряла осязаемость, видимость. Путь ученых на свой манер преодолевали художники. Традиционные представления о красоте отступали перед этими поисками новой реальности.

Течение времени отделяет зерна от плевел. То, что считалось эпатажным на рубеже XIX–XX столетий, уже во второй половине прошлого века стало признанной классикой. Искусствоведы напомним о художественных скандалах, которые вызывало новаторство импрессионистов и постимпрессионистов. Но сегодня им восхищаются даже те люди, которые с подозрением относятся к поискам нынешних художников, считая их разрушителями прекрасного. То есть так же, как сто с лишним лет назад многие современники относились к произведениям Ван Гога, Пикассо или Кандинского.

Сегодня появилась возможность рассматривать историю искусств не только как череду конфликтов художественных направлений, но как некое единство, где у каждого явления есть своя праистория в прошлом. Исходя из такого подхода, блистательный куратор Жан-Юбер Мартен создал одну из самых заметных выставок последних лет «Бывают странные сближенья...» в ГМИИ имени А.С. Пушкина.

...Но разговор о языке искусства утрачивает свой смысл, когда современность взрывается невероятными реальными событиями, обжигающими не блеском интеллекта, а кровью и страданиями. Когда человеческое бытие и небытие вступают в непримиримую борьбу. И эта новая боль диктует художнику неведомый творческий путь.

Сентябрь 2022

Место силы

«Когда я поднялась на холм и оказалась среди надгробий, где лежат останки моих предков, я почувствовала – это место, которое давно искала. Место силы». Екатерина Клебанова с мудрой сосредоточенностью выразила то, что жило в душах всех, приехавших в белорусский районный центр Шклов, 26 августа 2022 года. И, уверен, всех жителей города. И единственной чудом спасшейся свидетельницы трагедии – 89-летней Клары Альтшуллер.

В нынешние жесткие времена, когда борьба за памятники Второй мировой войны для европейцев стала делом политики, а для нас вопросом нравственности, создание и сохранение каждого мемориала Великой Отечественной войны – это умножение исторической справедливости.

Предложение провести реставрацию и художественно облагородить руины старого еврейского кладбища «Бейс Хаим», где захоронены останки жертв Шкловского гетто, замученных в августе – декабре 1941-го, с которым Илья Клебанов обратился к Александру Лукашенко, президенту Республики Беларусь, было поддержано в декабре 2019 года. Пандемия задержала работу, но, быть может, в этом тоже была рука провидения. Георгий Франгулян, который стал автором проекта, получил дополнительное время, чтобы создать удивительную архитектурную композицию, в которой развалины старой крытой лестницы, ведущей на кладбищенский холм, с разбитыми ступенями, оставшимися со времен войны, приводят к вертикальным серым столбам-монолитам, напоминающим традиционные еврейские памятные знаки. Их семь – как свечей в меноре.

Они задают ритм всей композиции кладбища с центральным монументом и лежащими на земле надгробиями, где написаны имена зверски уничтоженных евреев, жителей этого района. Холм окружен рвом, в котором закапывали расстрелянных взрослых и живых малолетних детей, – нацисты экономили оружейные припасы. И земля эта, прекрасная на исходе лета, как и во все другие времена, была ни в чем не виновата, хотя носила на себе выродков рода человеческого, которые радовались тому, как с хрипами удушья из жизни уходили ни в чем не повинные люди.

Снова и снова ко мне возвращалась страшная фраза историка другого гетто, в Хмельнике Винницкой области, сказанная про моих брата, сестру и их маму, про первую семью моего отца: «Они не страдали, их просто сожгли». Их сожгли в январе 1942 года, об их смерти отец узнал уже после победы под Сталинградом, где ему, прошедшему самые страшные бои, искалеченному, чудом удалось выжить. Стоя на холме Шкловского кладбища, вспоминал о прабабушке и прадедушке, застреленных около их дома в Одессе, когда их гнали в гетто. Обо всех, кто погиб в Великой Отечественной и других войнах, защищая свое право на жизнь. О тех, для кого сегодня война с нацизмом не абстракция, но суровая реальность. У каждого – свои воспоминания о войне. Все они, очень личные, претворяются в ту высокую материю, которая и называется патриотизмом.

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!

И она не терпит суетности.

Камень – главный материал еврейских кладбищ, куда, как правило, не приносят цветов, их заменяют поминальные камешки. Но цветы принесли местные жители, для которых это место памяти существует с середины 50-х годов прошлого века, когда братскую могилу, обу-

строенную здесь, обозначили как воинское захоронение за номером 6186. Тогда же, в середине 50-х, на этом кладбище перезахоронили останки жертв Шкловского гетто.

Так они и покоятся на еврейском кладбище все вместе, как когда-то все вместе жили в Шклове, одном из важнейших центров восточноевропейского иудаизма последних десятилетий XVIII и первых десятилетий XIX столетия, когда город был передан во владения Екатерины Великой своему бывшему фавориту генералу Семену Зоричу. В то время, когда в еврейской общине «шкловские мудрецы», ученики и приверженцы Виленского Гаона, вели непримиримую борьбу с хасидами и добились в ней безусловного превосходства, Зорич с таким же успехом превращал Шклов в «маленький Петербург». Он построил не только корабельную, кожевенную и канатную фабрики, но и театр, труппа которого была настолько хороша, что после его смерти 14 танцовщиков были приняты в состав Императорского балета. Помимо балетной школы для девочек, он учредил благородное училище для мальчиков, отпрысков русских и польских дворян. По существу, оно было военным, его программа позволяла говорить о нем как о кадетском корпусе. И все это в городке, где в 1790-х годах из 2381 взрослого жителя восемьдесят процентов были евреями, а синагога располагалась на площади рядом с театром.

История Шклова хранит множество удивительных событий и имен, которые сделали его частью мировой политики и культуры. Здесь состоялась памятная встреча Екатерины Великой и австрийского императора Иосифа Второго, здесь сформировался один из лидеров российской социал-демократии Павел Аксельрод, из здешних краев – президент Республики Белоруссия Александр Лукашенко и выдающийся советский актер Петр Алейников... Лариса Силивестрова и Ирина Ганеева, которые знакомили нас с городом и экспозицией Шкловского краеведческого музея, не делали различий между большими и малыми линиями истории, – их переплетение и составляет человеческое бытие.

Именно поэтому, казалось бы, частное дело одной семьи оказалось таким важным для самых разных людей. В том числе и для жителей сегодняшнего Шклова. «Мы считаем вас земляками» – это обращение Андрея Камко, председателя районного исполкома, к приехавшим из Москвы и Санкт-Петербурга не было фигурой речи.

В 1655 году, когда войска царя Алексея Михайловича покидали город, они вывезли список с особо почитаемой иконы «Утоли моя печали». Мы увозили с собой образ Шклова, удивительную энергию заново рожденного еврейского кладбища «Бейс Хаим», название которого в переводе с идиш означает «Дом жизни». Мы увозили с собой свои печали, утолимые и неутолимые. Без них жизнь мертва.

Август 2022

Неотъемлемость

В своем письменном обращении к членам Германо-Российского форума один из основателей этой влиятельной немецкой организации, почетный член ее Попечительского совета, последний председатель правительства ГДР Лотар де Мезьер привел цитату из Эгона Бара: «Америка необходима, Россия – неотъемлема».

Эту фразу Бар, один из главных архитекторов «новой восточной политики» ФРГ, повторял до самой смерти. То, что удалось ему, федеральному министру по особым поручениям в правительстве Вилли Брандта на рубеже 1960–1970 годов, когда в конце концов был заключен Московский договор между СССР и ФРГ, а затем договор между ФРГ и ГДР 1972 года, Эгон Бар надеялся повторить в 2015 году, в период международного политического кризиса после воссоединения Крыма с Россией. Он приехал в Москву незадолго до смерти в июле 2015 года и вместе с М.С. Горбачевым обсуждал возможные пути для «разрядки 2.0». Именно тогда он произнес другую свою знаменитую фразу: «Россия должна найти свой собственный путь. Она должна развиваться в соответствии со своими традициями. Демократия к ним не относится».

Именно в таком ключе выдержал свое обращение к коллегам по Германо-Российскому форуму Лотар де Мезьер, который при этом выразил свое непонимание действий России на Украине. Но вместе с тем он подчеркнул необходимость продолжать диалог с той реальной современной Россией, которая и поныне является «неотъемлемой» частью германского бытия. «Германо-Российскому форуму недостойно отказываться работать во благо этих отношений. Председатель отошел от дел (Маттиас Платцек покинул свой пост в марте 2022 года. – *Прим. ред.*), почетный председатель заявляет членам, что взаимодействие с Россией недопустимо. И это в то время, когда взаимопонимание между нашими странами и народами имеет экзистенциальное значение. После окончания холодной войны началась новая эра. На Западе этого не поняли. Все осталось так, будто продолжает существовать только Запад. Россия же развивается по-своему. Воспитывать ее нам не стоит».

Письмо Лотара де Мезьера стало ответом на обращение к членам форума почетного председателя правления Эрнста-Йорга фон Штудница, который был послом ФРГ в России с 1995 по 2002 год. В выражениях, прямо скажем, далеких от дипломатического этикета, он призвал прекратить любые отношения с современной Россией, сосредоточившись на поддержке представителей русской эмиграции, покинувших Россию после начала специальной военной операции на Украине. «На них зиждется надежда России на европейское будущее, когда бы оно ни было достигнуто». Фон Штудниц обвинил Маттиаса Платцека, видного немецкого политика, с 2002 по 2013 год возглавлявшего правительство земли Бранденбург, а с 2014-го ставшего руководителем форума, в пророссийской ориентации. По его словам, политизация «загнала Германо-Российский форум в лагерь “понимающих Путина” (Putinverstehet). Это оказалось тяжелым бременем. С такой дурной славой сегодня будет очень сложно заложить новую основу форума». Естественно, что такая недалёковидная позиция не могла остаться незамеченной, – так появился ответ де Мезьера.

Это побудило и меня взяться за перо, так как на протяжении ряда лет мне выпала честь быть членом Попечительского совета этой организации. Форум, созданный в 1993 году, был и, надеюсь, останется важнейшей площадкой диалога общественности России и Германии. Он стал одним из учредителей «Петербургского диалога», «Потсдамских встреч», активно способствовал движению городов-побратимов наших стран. При его основополагающем участии прошли сотни различных мероприятий, которые помогали гражданам двух стран, связанных непростой тысячелетней историей, лучше понять друг друга. Именно поэтому дискуссия среди членов Германо-Российского форума – это далеко не конфликт внутри одной уважаемой организации. Он отражает сегодняшние противоречия внутри немецкого общества, различие во

взглядах на будущие отношения между нашими политическими и общественными деятелями и, в конечном счете, между нашими народами. Фон Штудниц уверен, что главной задачей форума было научить Россию европейской демократии. Де Мезьер, как и Бар, прекрасно понимает, что в любом диалоге надо уметь расслышать собеседника, проникнуться его миропониманием. Что вовсе не предполагает отказа от собственной позиции.

Сегодня в Германии не так много людей, которые открыто позволяют себе говорить о необходимости продолжения диалога с Россией. Они находятся под угрозой быть подвергнутыми публичному остракизму. Такого рода шаги позволяют себе люди, прожившие большую часть своей жизни и знающие, почему фунт лиха. Те, кто испытал невероятные зигзаги европейской истории в XX веке. Пережившие Вторую мировую войну, принявшие на себя грехи нацизма. Выстрадавшие путь к примирению с советским народом. Познавшие благородство победителей.

Они знают, как тяжело дался путь к прощению и примирению между народами наших стран. И они точно знают, что наши страны связывают не только нити газопроводов, но нечто более глубинное и пережитое. Загляните в книги русских и немецких классиков, и вы откроете для себя ту внутреннюю неразрывную духовную связь, которая заставляла наши народы находиться в непрерывном диалоге друг с другом. Ограничусь двумя цитатами. В 1844 году Виссарион Белинский напишет: «Германия – отечество философии нового мира. Когда говорят о философии, то всегда понимают германскую, потому что никакой другой философии человечество не имеет». А в 1903 году в письме своей недавней возлюбленной Саломе Лу Райнер Мария Рильке сделает неожиданное признание: «К числу сокровенных тайн и незыблемых опор моей жизни принадлежит то, что Россия – моя родина. <...> Другие страны граничат с горами, морями и реками, Россия же граничит с Богом...»

Нужны ли еще доказательства для прозорливой мудрости Эгона Бара и Лотара де Мезьера?

Август 2022

Закон да любовь

Прошу не считать мое последующее заявление сексуальным домогательством, но я проникся необыкновенно теплым чувством к Нине Александровне Останиной, председателю Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей после того, как она, отвечая своим оппонентам, искренне сказала: «В указе президента не пропишешь же, что такое любовь». Это ее высказывание и пробудило во мне нечто похожее на запретное, но, безусловно, платоническое чувство женатого мужчины к замужней женщине. Есть опасность, что меня заподозрят в посягательстве на семейные ценности, но, пока закон не примут, мне придется отвечать только перед моей женой, с которой мы знакомы пятьдесят четыре года, из них сорок три состоим в законном браке. Надеюсь, она поймет и простит.

Поверьте, в моих словах нет никакой иронии. Понимание того, что любовь не укладывается ни в какие законодательные акты, – высшее проявление человечности. Помните, как заканчивается 33-я песнь «Рая» «Божественной комедии» Данте: «Любовь, что движет Солнца и светила...» Это не под силу объяснить ни формулами права, ни формулами естественных наук. И какое правовое обоснование можно предложить пронзительной мысли Хемингуэя: «Кто не понимает, что любовь – это трагедия, никогда не любил». Есть таинства, которые выше интеллектуального понимания и рациональных толкований. Что бы ни утверждали по этому поводу гуру разнообразных биологических наук.

Сколько раз за годы своей советской партийной жизни подписывал выездные характеристики, в которых были царапающие душу формулировки: «Разведен. Партбюро известны причины развода. Они не могут быть причиной отказа в разрешении выезда за границу». (Вместо слова «разведен», могло быть словосочетание «женат вторично». Количество браков могло увеличиваться до пяти. После этого ты был уже невыездным.) И мне, и членам выездных комиссий было понятно, что «причины развода» – тайна за семью печатями. Но необходимость формулировки объяснялась железобетонным принципом: если изменил жене, то может изменить и Отечеству. Словом, «кто шляпку спер, тот и старушку пришил».

Не менее сложная проблема – юридическое регулирование деторождения и всей сопутствующей этому публичной активности. Я принадлежу к тому поколению людей, которые выплачивали налог на бездетность, введенный в 1941-м и отмененный только в 1991-м. В применении «бездетного» законодательства было немало исключений, в частности с 1946 года от этого налога освобождались монахини и монахи и лица, которые не могли иметь детей по состоянию здоровья. Государство морально и материально стимулирует деторождение, но по-прежнему у людей немало причин, по которым они не заводят ребенка. И подавляющее большинство из них не связано с сексуальной распущенностью или социальной безответственностью.

Законодательство, регулирующее семейные отношения, – одна из самых сложных и деликатных сфер права. Прежде всего потому, что ткань этих отношений соткана не только из духовных, но и чувственно интимных проявлений, которые нередко трудно рационально объяснить даже самим субъектам, составляющим семейную пару. И чаще всего у них нет в этом никакой потребности. Для большинства россиян брак не является предметом правового регулирования. Именно поэтому подписание брачного контракта перед вступлением в семейный союз не стало повсеместной практикой. Нравственные принципы, религиозные или внерелигиозные, в данном случае оказываются важнее норм права.

Хорошо это или дурно – не новый вопрос. Он обсуждается со времен отчуждения светского права из религиозных установлений, которые не требовали и не требуют рациональных объяснений. Как справедливо пишет Розали Гилберт в своей книге «Интимное Средневеко-

вье», довольно трудно объяснить, почему в Средние века мужу и жене было запрещено предаваться любовным утехам по средам, пятницам и субботам. То, что им нельзя было предаваться по воскресеньям, хотя бы имело внятное объяснение – этот день был предназначен для посещения церкви и общения с Господом. Право же всегда предполагает рациональную доказательность. И обладает собственной целесообразностью.

Как кажется, вторгаясь в сферу интимных отношений, пытаясь юридически их формализовать, мы продолжаем руководствоваться нормами морали, которые по природе своей отличаются от правового регулирования. Об истории дискуссий на эту тему и о современном осмыслении этого фундаментального противоречия весьма интересно, хотя порой и спорно, размышляет В. Слыщенко в своем недавнем исследовании «Право и нравственность: различие понятий». И если в обывательском представлении нормы закона – это минимальные установления морали, которые должен исполнять каждый гражданин, чтобы не оказаться в конфликте с окружающими его людьми, то с научной точки зрения это не вполне (или вовсе!) не так.

Разумеется, можно поспорить с В. Слыщенковым о том, что право не может служить нравственности. Даже при том, что он ссылается на известную мысль Н. Бердяева: «Нравственное сознание предполагает дуализм, противопоставление нравственной личности и злого мира, злого мира вокруг себя и в самом себе». Но трудно не согласиться с ним, как и с другими философами, исследующими различия права и нравственности, в том, что нравственность имеет дело с добром, а право – с благом. Нравственность категорична, а право ищет компромисс между людьми в гражданском обществе. Именно поэтому «законодатель не имеет монополии на добро».

И все же закончу словами святейшего патриарха Алексия II: «Выше закона может быть только любовь, выше правды – лишь милость, а выше справедливости – лишь прощение!»

Август 2022

Испанская грусть

Не скрою, купил новую книгу Артуро Переса-Реверте «На линии огня», вышедшую в России в 2022 году, ориентируясь на славу этого испанского автора как одного из мировых лидеров интеллектуального детектива. «Фламандская доска», опубликованная в 1990 году, роман, в котором расследуется убийство, совершенное в XV веке, сделал его знаменитым не только на родине, в Испании, но и далеко за ее пределами. С тех пор он написал почти два десятка книг, среди которых было немало бестселлеров, становившихся фильмами и телесериалами. В конце концов это позволило их автору жить так, как ему заблагорассудится. Перес-Реверте стал заядлым яхтсменом, признавшись, что для него «истинная свобода начинается в десяти милях от берега».

Однако «На линии огня» не имеет никакого отношения к детективному жанру. Это обжигающее ум и сердце читателя высказывание о Гражданской войне в Испании, которое сродни поздней прозе Виктора Астафьева. Подробно документальное, сделанное с дотошным знанием предмета, объективистское и одновременно беспощадно страстное. «В какой-то момент понимаешь, что на гражданской войне нет добра и зла – есть схватка одного ужаса с другим». Артуро Перес-Реверте, человек разнообразного опыта и множественных знаний, пишет о войне с профессиональным пониманием дела. Начиная с 1971 года он более двадцати лет в качестве специального корреспондента газеты «Пуэбло» и испанского телевидения освещал почти все войны последней трети XX века: на Кипре, в Ливане, Ливии, Анголе, Мозамбике, Югославии... Он дважды был объявлен пропавшим без вести – в 1975 году в Западной Сахаре и в 1977 году в Эритрее. А. Перес-Реверте оставил военную журналистику лишь в середине 1990-х, когда литературное творчество стало занимать всю его жизнь. Но в 2013-м он начал вести колонку в еженедельнике «XL Семеналь». Четыре года – вплоть до 2017-го – он предлагал своим читателям глубокие и парадоксальные размышления о прошлом и настоящем своей страны. А в 2019 году вышла его книга «История Испании», в которой он, родившийся в Картахене, где еще римляне обустроили один из самых важных портов античного Средиземноморья, выразил трагические причуды движущегося времени, поразившие его еще в детстве. Поэтому он так увлекательно погружается в глубокую древность, необычайные сюжеты которой отзываются, по его мнению, и в событиях конца XX столетия.

Перес-Реверте не скрывает своей субъективности: «Я не искал какого-то особого ракурса, все это результат моих размышлений». Он, который заслужил право именоваться Дон Кихотом современной испанской литературы, позволяет себе резкости, которые не простили бы никому другому: «Испания плодovита по части фанатиков и придурков». И – добавлю – по части гражданских войн. Он рассматривает прошлое своей страны во многом как пространство упущенных возможностей: «История давала нам еще один шанс. Вопрос был в том, сколько времени нам понадобится, чтобы его похерить».

«История Испании» появилась практически одновременно с тем, как по решению правительства социалистов 24 октября 2019-го прах генерала Франко был перенесен из мемориального комплекса «Долина павших» в семейный склеп, где покоились останки его жены Кармен Поло. Для этого испанским властям пришлось принять поправки к законодательству об исторической памяти. Теперь в «Долине павших» могут быть захоронены только погибшие в период гражданской войны 1936–1939 годов. А потому там нет места каудильо, скончавшемуся в 1975 году. И хотя лидер социалистов Педро Санчес, возглавлявший в 2019 году правительство Испании, высказал уверенность в том, что «сделан еще один шаг в сторону примирения, которое может опираться только на демократию и свободу, которые мы разделяем», у его политических оппонентов, а тем более у приверженцев Франко, сохранилась своя точка зрения. Не случайно власти отклонили просьбу семьи Франко перезахоронить его останки в

склепе мадридского кафедрального собора Альмудена, опасаясь общественных беспорядков, которые могли устроить правые силы. Впрочем, сам символ примирения – мемориал «Долина павших», где, по замыслу каудильо, вместе покоятся останки франкистов и республиканцев, строили заключенные, большинство из которых были участниками гражданской войны. Он был закончен только в 1958 году.

Роман «На линии огня», опубликованный в Испании в 2020 году, – это история десятидневной схватки между франкистами и республиканцами за придуманный автором городок Кастельетс-дель-Сегре, которая была всего-навсего отвлекающим маневром в масштабных боях на Эбро, «одной из самых жестоких и кровопролитных битв, когда-либо происходивших на испанской земле». Перес-Реверте знает, что за 113 дней этого трагического противостояния с обеих сторон на Эбро погибло около ста тысяч человек. Для него война – это кровавое столкновение конкретных людей, у которых есть прошлое, но лишь у немногих есть будущее. И у каждого своя правда, своя боль. И чем больше твоих товарищей погибает рядом с тобой, тем дальше отступают любые идеи, кроме одной – мщения за погибших. «Пленных не брать!» – этот приказ слышен по разные стороны фронта. Перес-Реверте чередует сцены в лагерях республиканцев и франкистов, заставляет нас почувствовать привязанность и к тем, кто перед очередной вылазкой в тыл врага спорит об учении Карла Маркса, и к тем, кто перед боем молится Всевышнему. Он заставляет сострадать всем. Хотя бы потому, что они ведают и не ведают, что творят. И не случайно предваряет свое повествование словами одного из участников Гражданской войны: «Стойкость против упорства, отвага против храбрости, и – смею сказать – доблесть против доблести и героизм против героизма. Ибо в этой битве испанцы дрались с испанцами».

Этот роман Переса-Реверте не отпускает, заставляет возвращаться к нему вновь и вновь, – кажется, что спрятана в нем важная истина, способная помочь разобраться в хитросплетениях нынешних дней.

Июнь 2022

Отмена отмены: культура выше политики, считают знаменитые японцы накануне 17-го Фестиваля российской культуры

Мои японские друзья недавно прислали мне письмо о том, что они, несмотря на все внешние политические обстоятельства, не собираются отменять очередной, 17-й, Фестиваль российской культуры в Японии. Он должен начаться 29 августа нынешнего года. Вице-президент японского оргкомитета фестиваля выдающаяся актриса Комаки Курихара и ее коллеги выступили с обращением «Культура выше политики», которое они адресовали японской и мировой общественности. И, конечно же, своим российским друзьям.

Учредительные документы этого фестиваля были подписаны в 2005 году, а в 2006-м он прошел впервые не только в Токио, но и во многих префектурах острова Страны восходящего солнца. Тот факт, что японскую часть оргкомитета фестиваля по традиции возглавляют бывшие премьер-министры, политические тяжеловесы – первым из них был Ёсиро Мори, а ныне Синдзо Абэ, – свидетельствует о том, какое значение в Японии придают проведению этой широкой манифестации русской культуры.

И в России он по праву приобрел значение одной из крупнейших акций по представлению российской культуры за рубежом. Этому немало способствовало то обстоятельство, что первые десять лет российскую часть оргкомитета фестиваля возглавлял Сергей Нарышкин. За эти годы более 12,5 миллиона зрителей посетили спектакли, концерты, выставки, кинопоказы, включенные в фестивальные программы. Сегодня это количество приближается к 19 миллионам. Фестивальную программу нынешнего года должны открыть маститые и молодые музыканты, представляющие санкт-петербургский Дом музыки.

С японскими коллегами нас связывает давняя искренняя профессиональная и человеческая дружба. Мы научились слышать и понимать друг друга. За эти годы нам приходилось переживать разные периоды в российско-японских отношениях, но Фестиваль российской культуры, как и «Японская осень» в России, были символом сохранения гуманитарных связей, необходимость в которых острее всего ощущалась в пору осложнения политических контактов. И японские коллеги в очередной раз продемонстрировали свою человеческую чуткость, тонкое понимание роли культуры в современном мире. Они искренне уверены в том, что русская культура не может быть отменена, так как давно вошла в состав мировой культуры, стала ее неотъемлемой частью. И ее отсутствие в театральных и концертных залах Японии, в музеях и книжных магазинах способно нанести урон ожиданиям японской публики. А она уже давно привыкла к тому, скажем, что в рождественские дни надо обязательно посмотреть балет П.И. Чайковского «Щелкунчик».

После радикальных шагов руководителей европейских культурных ведомств, крупнейших учреждений культуры Нового и Старого Света, которые запретили любые контакты с деятелями российской культуры, кроме тех, кто готов выступить против своей страны; после исключения из концертных программ и репертуара театров произведений русской классики, что, собственно, и определило формулу «отмена российской культуры», – сегодня наблюдаются и иные тенденции.

«РГ» уже писала о том, что миланский Ла Скала решил открыть новый сезон оперой Модеста Мусоргского «Борис Годунов» с Ильдаром Абдразаковым, который исполнит главную партию. В нью-йоркском Центре искусств Михаила Барышникова совсем недавно вышел спектакль «Сад», соединивший сцены из пьесы «Вишневый сад» с биографией ее автора. Гениальный танцовщик и выдающийся драматический артист М. Барышников сыграл в нем две роли – А.П. Чехова и Фирса. Руководство Зальцбургского фестиваля пригласило замечатель-

ного российского дирижера Теодора Курентзиса осуществить вместе с известным итальянским режиссером Ромео Кастеллуччи главный проект нынешнего летнего сезона – оперу Белы Бартока «Замок герцога Синяя Борода», а кроме того, представить публике ораторию Карла Орфа «Комедия на конец времени». Эти примеры можно продолжить. Здравый смысл берет верх над политическими эмоциями. Понятно, что от прерванных контактов с российскими мастерами культуры в привычных объемах страдает публика в разных странах мира. Не надо быть особенно глубоким мыслителем, чтобы прийти к пониманию простой истины: искусство гармонизирует хаос мира, оно по природе своей несет не разрушение, но созидание. Именно оно, в силу воздействия на эмоциональный мир человека, лучше и быстрее других видов коммуникации способно установить контакт между людьми.

Нельзя забывать и о том, что в минувшие десятилетия Москва и Санкт-Петербург стали важнейшими культурными столицами мира, выступления в которых делают честь артистам самого высокого уровня – в опере, балете, драме, на филармонических площадках. Сотрудничество ведущих российских музеев с лучшими музейными собраниями мира определяло рождение выдающихся выставочных проектов. То, что и сегодня стремятся в Москву деятели культуры из разных стран – в том числе из тех, чьи правительства демонстрируют свою, мягко говоря, недружественность в отношении России, – свидетельствует о том, что нам не грозит культурная изоляция. Да и мы – при самодостаточности российской культуры – вовсе не собираемся закрываться от внешнего мира. Об этом не раз говорил президент Российской Федерации В.В. Путин.

Именно поэтому сегодня важно, не седуя на обстоятельства, предложить собственную повестку дня в международном культурном, образовательном, научном сотрудничестве. Это возможно в том числе и потому, что в мире никуда не исчезла глубинная потребность в российской культуре. И не только в дружественных или нейтральных странах, но и в тех государствах, власти которых агрессивно недружественны России. Русская культура имеет мировое значение во многом и потому, что ее отличает «всемирная отзывчивость» к болям и трагедиям человечества, к поискам истины и красоты, которые выстраданы национальной историей. А это невозможно отменить никакими бюрократическими установлениями.

Июнь 2022

Три пути к знанию

Возвращение в нынешнюю повестку дня дискуссии о том, насколько необходимо присоединение российского высшего образования к Болонскому процессу, заставило вспомнить знаменитое высказывание Конфуция: «Три пути ведут к знанию: путь размышлений – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый легкий, и путь опыта – это путь самый горький».

Нынешний разрыв с Западом и необходимость защитить суверенные интересы России заставляют подвергнуть критическому анализу различные сферы профессиональной деятельности. Однако, как в любых других случаях, не стоит забывать об опасности выплеснуть ребенка вместе с грязной водой. Попробуем поразмышлять о потребностях текущего момента, не забывая о том пути, который отечественная высшая школа прошла за минувшие тридцать лет, и о том, что может ждать ее впереди.

Понятно, что одним из самых компетентных специалистов, глубоко разбирающихся в этой теме, наряду с помощником президента России А.А. Фурсенко по-прежнему остается В.М. Филиппов, долгие годы возглавляющий Высшую аттестационную комиссию Министерства науки и высшего образования РФ. Так случилось, что мы с ним были членами Правительства России с 2000 по 2004 год, и вопросы многоуровневого образования нередко становились предметом весьма серьезных споров.

Моя позиция в отношении художественного образования в ту пору была достаточно консервативной. Таковой она остается и сегодня. Она определяется достаточно простой логикой: качество выпускников консерваторий, театральных и кинематографических вузов, художественных академий и в СССР, и в новой России (несмотря на отток профессорско-преподавательского состава и мизерную оплату педагогов) столь высоко, что вряд ли имеет смысл ломать систему и методику образования. Проблема признания дипломов выпускников здесь всегда была вторичной.

Их профессиональная пригодность определяется на выставках, на концертных и съемочных площадках. Тем более что и в советское время у музыкантов, к примеру, была возможность после пятилетнего специалитета продолжить профессиональное совершенствование в ассистентуре. А затем, если у них появлялся вкус к научной работе, можно было поступать и в аспирантуру. При этом важно понимать, что в сфере творческого образования еще с дореволюционных времен сложилась система непрерывного образования. То есть профессиональное обучение начиналось с семилетнего возраста, а то и раньше. Именно такой подход, который в ряде западных стран считается нарушающим права ребенка, давал наилучшие профессиональные результаты. И мои соображения были услышаны. Исключения были сделаны и для высших образовательных учреждений силовых структур. А со временем и крупнейшие университеты добились возможности сочетать двухуровневую структуру образования с моноуровневой.

Уже поэтому несправедливо утверждать, что Россия безоглядно включилась в Болонский процесс. Вообще стоит напомнить, хотя это должно быть общеизвестно, что в России система многоуровневого образования складывалась задолго до того, как европейские университеты озаботились созданием общего образовательного пространства.

Перемены были продиктованы не столько внутривузовскими, сколько социально-экономическими потребностями общества, развитием экономики в целом и рынка труда в частности. Разделение на бакалавриат и магистратуру позволяло на год раньше включать большинство выпускников вузов в активную трудовую деятельность. Кроме того, базовое высшее образование – бакалавриат – позволяло молодым людям лучше сориентироваться в будущей профессиональной деятельности, определить свой путь в производстве и науке.

Высокая репутация советского образования 1960–70-х годов сохранялась и на рубеже 1980–90-х. Молодые люди из самых разных государств были готовы поступать в лучшие вузы нашей страны. Но серьезным препятствием на этом пути было то, что ни советские, ни российские дипломы не получали признания в их странах. И прежде всего потому, что система российского высшего образования отличалась по своей структуре от той, что была распространена не только в западном мире, но и в государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

Замечу, что мои китайские и корейские студенты, которые обучаются в Высшей школе «Культурная политика и управление в гуманитарной сфере» МГУ имени М.В. Ломоносова, немало озабочены тем, что в России могут отменить двухуровневую систему образования. По очень простой причине: она давно признана в их странах. И им важно получить диплом, который не надо было бы дополнительно подтверждать у себя на родине.

Такая же двухуровневая система высшей школы сегодня признана в подавляющем большинстве стран СНГ, что позволило нам заключать двусторонние договоры о взаимном признании дипломов. За минувшие годы в определенной степени было создано если не единое, то во всяком случае общее образовательное пространство стран СНГ, которые, как и Россия, участвуют в Болонском процессе.

И если мы выходим из него, то это сделает ничтожными все договоры о взаимном признании дипломов не только в странах СНГ, но и далеко за пределами постсоветского пространства. Подобный шаг резко сократит, а то и вовсе доведет до нуля число иностранцев, желающих обучаться в нашей стране. Каким бы качественным ни было российское образование, если оно не дает возможности работать на глобальном рынке труда, то становится бесполезным. А это нанесет сильнейший удар по бюджетам отечественных высших учебных заведений, равно как и сократит российское влияние в мире, которое во многом связано с выпускниками наших вузов. И размышляя об изменении системы высшего образования в нашей стране, обо всем этом никак нельзя забывать.

Июнь 2022

Искусство понимания

Сразу после того, как на Общественном телевидении России вышла программа Виктора Лошака «Очень личное», собирался посвятить ей колонку в «РГ», но откладывал это в силу разных обстоятельств, до тех пор пока не написать о ней стало просто невозможно.

Как минимум по трем причинам. Во-первых, за нынешний сезон она прочно встала в сетку телевизионного вещания, и многочисленные зрители, у которых вырабатываются свои условные рефлексy, стараются не пропустить ее в субботний вечер. Во-вторых, в нынешнее тревожное время потребность в осмыслении частной жизни, которая позволяет сохранить устойчивость личности в переломную пору, выросла многократно. В-третьих, Виктору Лошаку 70 лет.

Все это весьма серьезные аргументы для того, чтобы именно 20 апреля 2022 года поговорить об «Очень личном». Не исключаю, что подобный подход вызовет недовольное многоголосье друзей юбиляра, которые потребуют, чтобы его биография была развернута, что называется, в полный рост. Но о чем бы сегодня ни пришлось вспоминать, все это так или иначе будет связано с его новой телевизионной работой.

Виктор Лошак дебютировал на Первом канале, который тогда еще назывался ОРТ, в середине 1990-х в качестве одного из активных участников программы «Пресс-клуб». Собственно, без него, в ту пору главного редактора легендарного еженедельника «Московские новости», эта программа была бы неполноценной. «Московские новости», куда он перешел из «Известий» по приглашению Егора Яковлева еще в перестроечную пору, надолго стали портом его приписки. Он возглавлял редакцию десять лет, оставив свой пост в 2003 году после смены владельца. Десять лет, которые вошли в историю с самыми разными эпитетами.

Но, как бы кто ни относился к российским 1990-м, это было время захватывающих событий, необычайно интересных для журналистов, тех, кто пытался запечатлеть не только их внешнее стремительно меняющееся обличье, но прежде всего их суть и смысл. Именно тогда Лошак понял со всей беспощадностью, что смелость журналистов определяется смелостью главного редактора. Он ощущал это, впрочем, еще в пору своей работы в «Вечерней Одессе», где Борис Федорович Деревянко, ее первый главный редактор, собрал в редакции одесских острословов, чья известность – и они сами – довольно скоро вырвалась за пределы одного из самых пленительных городов Советского Союза. Б.Ф. Деревянко убили 11 августа 1997 года – журналистика всегда была профессией повышенного риска. Думаю, что главный редактор «Московских новостей» осознавал это в полной мере.

В конце 1997 года мне удалось уговорить Виктора Лошака, яркую звезду отечественной журналистики, прийти на только что созданный канал «Культура» и попробовать себя в качестве телевизионного интервьюера, работающего в прямом эфире. Он стал одним из ведущих программы «После новостей», в которой он занимался тем, чего не мог себе позволить как главный редактор «МН». Жанр ночного разговора с людьми заставлял размышлять о жизни несколько иначе, чем на полосах самого уважаемого общественно-политического еженедельника страны. Как прирожденный главный редактор, В. Лошак остро чувствовал и понимал не только основные тенденции развития страны и мира, но и изменчивость текущего момента. При этом он всегда испытывал журналистский интерес к тому, как в процессе этой грандиозной исторической ломки, распада огромной страны, в которой он начинал свою жизнь, меняется психология людей, их поведение, их образ мыслей. Он замечательно, в деталях и подробностях, рассказывает о разных персонажах «человеческой комедии», с которыми его свела судьба, от своих сослуживцев на погранзаставе до самых именитых и известных лидеров общественного мнения, которые часто были его собеседниками. Он обладает живым любопытством репортера и аналитическим умом очеркиста – все эти качества концентрируются в его таланте интервью-

ера, который увлечен не только тем, что важно ему самому. В. Лошак всякий раз пытается разгадать интересы собеседника.

Свою недавнюю книгу «Наивные годы», посвященную Егору Яковлеву и «Московским новостям», он сочинял, полагаясь не столько на свои воспоминания, сколько на разговоры с коллегами по редакции, с людьми, которые были близки его герою. Эта книга вовсе не сборник интервью, но без умения разговорить человека так, как В. Лошак, она никогда бы не была написана. Наверное, поэтому с таким нетерпением ожидаю его следующую книгу, которую, надеюсь, он составит из цикла интервью, сделанных в рамках большого проекта под названием «Тридцать лет без СССР». Этот проект осуществлялся в двух версиях – литературной и визуальной. Но, как мне кажется, его итогом должна стать книга – у нее больше шансов сохраниться в истории. Размышления людей, записанные В. Лошаком, людей, не просто проживших рядом с нами эти три десятка лет, но и в немалой степени определивших их содержание, многое прояснят для потомков.

В. Игнатенко, новый руководитель ОТР, предложил В. Лошаку стать ведущим программы «Очень личное», когда работа над проектом «Тридцать лет без СССР» подходила к завершению. Они взаимно дополняли друг друга. Думаю, что в «Очень личном» пригодился опыт работы в «Огоньке», журнале, который умел рассказать о больших линиях истории через судьбы конкретных людей. «Очень личное» – именно такая программа.

Интервью сегодня – один из самых востребованных жанров журналистики. Количество профессионалов и любителей, которые на разных платформах ведут беседы с представителями практически всех социальных групп нашего Отечества, поражает воображение. Но далеко не все из них способны талантливо слушать собеседника, еще меньшее число готово к процессу его познания. Чаще всего они готовы сказать: «Я слышу». Крайне редко: «Я понимаю». Виктор Лошак слышит и понимает.

Апрель 2022

Две Бесконечности

Репортаж о вечере в Центральном доме актера имени А.А. Яблочкиной, на котором в честь Александра Анатольевича Ширвиндта и представляли его новую книгу «Отрывки из обрывков», можно было бы назвать по-разному.

Например, «Песни о Ширвиндте». Потому что, как и положено на торжествах, в честь выдающегося театрального деятеля, впоследствии именуемого писателем, был исполнен ряд важных вокальных произведений. Детский хор «Увертюра» под руководством О. Островской вместе с симфоническим оркестром «Менделеев Филармоника», которым дирижировал Е. Рубцов, начал этот вечер бессмертным творением Серафима Туликова «Родина». Александр Жигалкин, один из директоров ЦДА, который блестяще справился с ролью ведущего, вместе с Сергеем Плотовым лишь слегка поправили слова: «Ширвиндт, тебе мы песню поем...» Звонкие детские голоса уносили эту осанну прямо к небесам. А завершил трехчасовой марафон музыки и слова Андрей Максимков, который вместе с тем же С. Плотовым предложил счастливой и разомлевшей публике не менее монументальное сочинение, подводящее итог всему, что было сказано за этот вечер. Имя Ширвиндт, преобразуемое в некоторых куплетах в «Ширвиндт – ты», вселяло бессмысленную надежду на то, что каждый из нас может носить эту фамилию, но никогда не сможет стать Александром Анатольевичем.

Этим заметкам легко было бы придумать и другое название – к примеру, «Клубная жизнь». Честно говоря, давно не видел в Центральном доме актера такого стечения профессиональной публики, которая, похоже, искренне радовалась друг другу. И знакомых лиц в зале было куда больше незнакомых. Разумеется, нас всех собрал любимый писатель, представляющий свою новую книгу, – как известно, друзья моего друга – мои друзья. Но в театральном сообществе такие простые максимы не работают. Они в состоянии вызвать лишь наигранную приветливость. Но в данном случае все было не так. Радовались тому, что давно не виделись. Что собрались в привычном для себя месте, в котором было тепло и уютно в любые непростые времена. Где шутки, свойственные театру, делали жизнь добрее, а их творцов увереннее. И поэтому неслучайно Константин Райкин прочитал для героя этого вечера стихотворение Давида Самойлова «Скоморохи»: «Народу надежду внушат скоморохи / И смехом его напитают, как млеком. / Воспрянет старуха с козой на аркане, / Торговые люди, стрельцы, лесорубы, / И даже боярин в брусничном кафтане. / И ангелы грянут в небесные трубы». Чтобы снизить эмоциональный накал зрительского восторга, Александр Анатольевич напомнил о других строках Д. Самойлова, которые он процитировал в своей книге по праву личного знакомства с их автором: «Увы! Наш путь недолог! / И помни: как халтуру / Господь нас спишет с полка / И сдаст в макулатуру».

А после этого начал рассказывать о тех непревзойденных капустниках и их авторах, которые сочиняли в 60 – 70-е годы прошедшего столетия в самых разных творческих клубах двух столиц. Эти воспоминания лишь частично разбросаны по страницам разных книг нашего писателя, но надо сказать, что его устное творчество не уступает литературному. Тут бы добавить, что порой и превосходит его, – но воздержусь от капли яда, присущей театральным критикам. Просто потому, что Ширвиндт ответит на это куда более изобретательно и жестко. К тому же вокруг его литературного творчества уже сложилась группа фанатов, к которым могу причислить и себя. Но ярче всех восторг его писательским даром выразила Виктория Токарева. Неожиданно позвонив ему, она сказала: «Шура, привет, это Токарева. Я тут книжку твою прочитала. Что я могу тебе сказать? Ты просрал свою жизнь. Чем только ты не занимался, а надо было писать». Представление «Отрывков из обрывков» украшали первоклассные артисты: В. Кожухарова, Н. Рожкова, А. Колган, А. Олешко, П. Налич, Б. Струлев, Е. Маргулис, Ф. Добронравов, В. Маленко... Ну где, кроме как в творческом клубе, их можно собрать вместе?

Есть еще один вариант названия: «Шура – идеал человека»! Так решил выдающийся советский, а потом российский драматург и поэт Александр Володин. Повторю всем известную интерпретацию этого текста, рассказанную Ширвиндту самим Володиным. Когда его прочитал внук Александра Моисеевича, то в его детской версии слова эти звучали следующим образом: «Шура и делал человека!» Что вполне справедливо, так как всю жизнь Шура делал самого себя, своих детей, внуков и правнуков, а кроме того, бесчисленное количество учеников, лишь малая часть которых смогла поместиться в зрительном зале. Правда, было бы неверно не отметить, что самого Шуру «делала» и его жена, Наталья Николаевна Белоусова.

Но в конце концов решил использовать для названия слова самого писателя. Он сказал не без грусти в самом начале вечера: «Если количество прожитых мною лет – 88 – повернуть на девяносто градусов, то получится два обозначения бесконечности». Бесконечность сродни бессмертию! А о чем еще может мечтать творческий человек! Но Ширвиндт при всей хрупкости своего внутреннего мира, который он защищает кажущимся цинизмом и подлинной изысканной иронией, – реалист. Он знает, что бессмертия не достичь ни продолжением рода, ни творческими «полетами во сне и наяву». Но его книги, его сегодняшние работы в театре, его возвращение к педагогике, к счастью, свидетельствуют о том, что он никуда не торопится. И может позволить себе «самостоятельную стилистику существования».

На 33-й странице своих «Отрывков», упомянув о разных текущих событиях, Ширвиндт назвал их мелочами. «А вот что королева Елизавета II и Михаил Ефимович Швыдкой одновременно, не сговариваясь, бросили пить, настораживает по-настоящему». Спасибо, дорогой Александр Анатольевич! За компанию – отдельное спасибо!

Апрель 2022

Утонувшая тема?

Случайно наткнулся на одно из последних интервью Алексея Баталова, которое показалось весьма созвучным текущему моменту уже потому, что темы, в нем затронутые, были всегда актуальны для русского общества. Особенно в переломные времена истории. А когда мы жили в другие?

Вот такое рассуждение Алексея Владимировича, одного из самых интеллигентных людей своего времени: «Если заявить, что слесарь Гоша (герой кинофильма «Москва слезам не верит». – *М.Ш.*) – последний русский интеллигент, можно нарваться на скандал. А если серьезно рассуждать на тему русской интеллигенции, то придется впутываться в длинный и по большому счету дурацкий разговор, которому нет конца и края. Сегодня интеллигент – исчезнувший вид. Тема “русской интеллигенции” – утонувшая тема. Остались люди со свойствами, присущими интеллигентному человеку, и это уже радует. Самая большая потеря современности – потеря интеллигенции». Безусловно, в словах А. Баталова немало горького смысла. Но и согласиться с ним сегодня достаточно сложно.

Уже потому, что в последние дни только ленивый не спешит пнуть современную российскую интеллигенцию (а значит, она существует хотя бы в чьем-то воображении!), обвиняя ее во всех смертных грехах, и прежде всего в недостаточной преданности Отечеству. Собственно, одного этого обвинения достаточно, чтобы создать мерзкий образ антигосударственников, пресловутой «пятой колонны», которая желает поражения своей стране в ее борьбе за политическую самостоятельность, территориальную целостность и безопасность. Отъезды телевизионных знаменитостей, часть из которых, впрочем, готова вернуться в Россию в ближайшее время, становятся неким политическим маркером, – его используют для вынесения вердикта тому сословию, что необходимо любой стране для формирования духовного и интеллектуального кода нации. И хотя именно Россия в лице П.Д. Боборыкина в 60-е годы XIX столетия подарила миру само слово «интеллигенция» в его современном значении, однако на нашей почве это важнейшее социальное образование на протяжении всего времени своего существования подвергалось жестокой и часто несправедливой критике. Причем с самых разных сторон – от крайне консервативного М.Н. Каткова, которого считали чуть ли не черносотенцем, до лидера большевиков В.И. Ленина. Первый считал истинным злом для России ту гнилую часть ее интеллигенции, которая «стыдится своей страны и чуждается своего народа». Второй даже не собирался различать ее по степени гнилости, не хотел отделять зерна от плевел, а обложил ее, как известно, скопом: «Интеллигенция – это не мозг нации, а говно». Это последнее изречение на разные лады в XX веке повторяли самые разные, но одинаково злоеющие люди. Поэтому в нынешней публицистической риторике трудно углядеть что-то новое.

В интеллигенции усматривали угрозу, способную разнести в клочья любую устойчивую государственную систему, – уже за одно это ее предавали анафеме. Хотя, полагаю, стоит довериться суждению Сергея Васильевича Зубатова, одного из лучших полицейских чиновников царской России, виртуозно отстроившего систему политического сыска: «История революционного движения показала, что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно, даже в том случае, если они вооружатся взрывчатыми веществами». А уж тем более в том случае, если этих взрывчатых веществ нет. Внутри самого этого сословия есть приверженцы различных философских и политических воззрений, но в силу ее вовлеченности в бытование культуры, интеллигенция или тот социальный слой, который мы по традиции называем этим словом, обладает склонностью к компромиссам вообще, и с властью в частности. Знаю, что некоторые авторы полагают, что интеллигенция должна бежать от компромиссов, что ее пространство – это сфера индивидуальной свободы. Но смею полагать, что это не так. Духов-

ная и интеллектуальная свобода далеко не всегда зависят от предлагаемых обстоятельств – история человечества не раз это подтверждала.

Отдаю себе отчет, что нынешнее время спрямляет многие вопросы, интеллигентская рефлексия кажется почти непозволительной роскошью. Но важно понимать, что сегодня люди интеллектуальных профессий составляют значительную часть 76-миллионного трудоустроенного населения нашей страны. В том числе и в военной среде. Интеллигенция никак не сводима к популярным актерам, спортсменам или телеведущим. Как справедливо полагал Г. Померанц, «люди, живущие по моде, – это не интеллигенция». Да и таких по моде живущих людей в лучшем случае – несколько сотен на огромную страну. Поэтому грустно читать, что любовь к Отечеству, веру в справедливость действий руководства страны чаще всего предлагают измерять денежными знаками: мол, отключите интеллигенцию от бюджетных денег, и посмотрим, как она запоет. Писать об этом в нашей стране вряд ли уместно. Ведь подавляющее большинство людей, которые занимаются культурной деятельностью в широком смысле этого слова, те, кого в советское время называли «трудовой интеллигенцией», – служащие в библиотеках, музеях, школах, университетах, научных центрах, больницах, театрах, домах культуры, получающие весьма скромные зарплаты, как правило, патриоты своего Отечества. Они служат не за страх, а за совесть, облагораживая «время и место», сохраняя представления о добре и зле. И вовсе не случайно М. Горький, которого трудно заподозрить в снисходительности к человеческой природе, по отношению именно к этим людям проявил неожиданное великодушие: «Интеллигенция – это лучшие люди страны, которым приходится отвечать за все плохое в ней».

Закончится специальная военная операция на Украине, и нам уже в мирное время придется выстраивать отношения между народами, живущими бок о бок, пережившими страдания и потери. Понятно, что жизнь возьмет свое. Но без самоотверженных усилий интеллигенции раны будут заживать значительно дольше.

Март 2022

Сердечная недостаточность

В Санкт-Петербурге 9 февраля открывается 11-я научно-практическая междисциплинарная конференция Международного гуманитарного проекта «Минская инициатива». В ее программе – пленарная дискуссия на тему «Новые художественные языки и технологии как пути переосмысления и сохранения культурного опыта», круглый стол, посвященный наследию Н.Е. Макаренко, презентация альманаха TERRA ROETICA, на этот раз составленного из произведений молодых поэтов Белоруссии, России и Украины, открытие выставки новых работ художников трех стран «Мосты» – результат их совместного пленэра летом прошлого года в российской Северной столице. Особое место в программе конференции займут семинар переводчиков Белоруссии, России и Украины «Шкереберть» и мастер-классы художников – участников проекта «Мосты» – для студентов Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица.

Среди участников конференции около 25 представителей литературного, художественного и научного сообщества Украины, двадцать их коллег приехали из Белоруссии. Гостеприимно Санкт-Петербург принимает и молодых деятелей культуры из регионов России.

Международный проект «Минская инициатива» был создан в конце 2015 года при участии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ во многом по тем же мотивам, что и сам Фонд. После распада СССР мастера искусств, которые привыкли заниматься творческой деятельностью в едином культурном пространстве, в одночасье оказались гражданами новых государств, выстраивающих свою национальную идентичность. Они почувствовали своего рода сердечную недостаточность, когда кровеносные сосуды общего культурного дела оказались разделены новыми государственными границами. Тогда-то и возникла идея создания некоей международной структуры, которая помогла бы сохранить все лучшее, что связывало культурную жизнь наших народов в советское время, без официоза и идеологического диктата. Ее осуществление было весьма непростым делом и заняло более десяти лет. Только авторитет таких деятелей науки и культуры, как В. Садовничий, М. Ульянов, К. Лавров, Б. Ступка, П. Бюль-Бюль оглы, О. Сулейменов, С. Саркисян, Р. Ибрагимбеков, А. Смбатян, Д. Полльева и ряда других, помог превратить мечту в реальность.

Когда после известных событий 2014 года Украина решила выйти из структур СНГ, прервала отношения с Россией, стало ясно, что нужно что-то придумать для сохранения живой ткани общения между мастерами искусств и учеными. В декабре 2015 года в Минске состоялась первая встреча представителей трех стран, на которой и было решено создать новый международный проект. У его истоков стояли замечательные люди. Один из них – Борис Ильич Олейник, возглавлявший Национальный фонд культуры Украины, – к сожалению, ушел от нас в апреле 2017 года. В его честь мы провели большую международную конференцию и выпустили альманах TERRA ROETICA. Во многом по его инициативе, поддержанной нашими белорусскими коллегами, в 2016 году в рамках проекта «Минская инициатива» была проведена серия мероприятий, посвященных тридцатилетию Чернобыльской трагедии. Не хочу утомлять читателей перечислением всего сделанного за эти годы. Замечу только, что выставка «Мосты» стала третьей в истории «Минской инициативы». Первая из них – «Три Софии» – позволила белорусским, русским и украинским живописцам побывать в Киеве, Великом Новгороде и Полоцке. Следующая – «Люди и дни Здравнёва» – собрала всех в белорусском имении Ильи Репина, великого русского художника, уроженца украинского Чугуева.

Вспоминаю обо всем этом только для того, чтобы никто не подумал, будто 11-я конференция «Минской инициативы» в Санкт-Петербурге – это некое пропагандистское мероприятие, наскоро сочиненное на политическую злобу дня. В Северной столице встретятся люди, которые давно знают друг друга, осознанно занимаясь хрупким делом сохранения челове-

ских и творческих связей между нашими странами. И при этом они понимают меру своей ответственности перед самими собой и, пусть простят мне возвышенный слог, перед своими народами.

Именно поэтому «Минская инициатива» вовсе не напоминает общество взаимного умиления. В рамках этого проекта вместе работают люди разных возрастов, но преимущественно молодые, которые родились незадолго до самороспуска СССР либо уже после него. Им бессмысленно обещать светлое прошлое. У них нет ностальгии по ушедшему государству, но у них есть «ностальгия по будущему», в котором три очень близких, родственных народа смогут жить в мире и сотворчестве, несмотря на то что у каждого народа существует своя национальная идентичность, свой язык, своя культура. У нас общие корни, уходящие в единую историческую Русь, но разные кроны, которым оказалось тесно в одном государственном пространстве. А нации, как известно, общаются вершинами.

Кому-то может показаться, что проведение подобной конференции в нынешней политической ситуации не только нелепо, но и бестактно. Мол, в то время, когда страны НАТО снабжают Украину летальным оружием, а западные СМИ уверяют читателей, что Россия не сегодня завтра начнет войну и «за два дня захватит Киев», заниматься «гуманитарной ерундой» сродни предательству национальных интересов. Наверняка участники конференции услышат подобные обвинения. Тем важнее окажется эта санкт-петербургская встреча, которая собрала представителей научной и творческой интеллигенции, ощущающих потребность друг в друге. Сообща они ищут пути в мирное будущее. Оно, понятно, уже не будет безмятежным, но, хочется верить, подарит надежду, без которой мертва душа.

Февраль 2022

Возвращаться – плохая примета...

Неожиданные на неискушенный взгляд, исполненные трагизма события в Казахстане после введения в республику воинских соединений ОДКБ вызвали у части постсоветского общества прилив ностальгии по СССР. Эмоция понятная, но без практических последствий.

Когда об этом говорит Г. Зюганов в интервью В. Соловьеву, он апеллирует к электорату, выросшему в СССР. И Геннадию Андреевичу, несмотря на то что он является лидером второй по численности представительства в Государственной Думе партии после «Единой России», нет нужды строить в обозримое время реальные и, главное, ответственные планы по объединению России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Можно продекларировать несбыточную мечту и на этом успокоиться. Вряд ли он, умный и образованный человек из учительской семьи, действительно готов отправить «три танковых расчета» своих внуков воевать за идеологический мираж.

Кто бы спорил, Россия вместе с Украиной, Белоруссией и Казахстаном составили бы могущественное государство, внутренне самодостаточное, гарантирующее уверенное развитие. Об этом за год до путча 1991 года писал А.И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию». И хотя она вызвала неприятие в Алма-Ате из-за того, что Казахстан был назван «подбрюшьем России», А. Солженицын, не сомневаясь, что СССР исторически обречен, предлагал новую модель государственности, которая была бы органически связана с Российской империей. Именно этого опасались на Западе. Неслучайно З. Бжезинский, умудренный многолетней борьбой с Москвой, четко обозначил цели развала СССР: государственное образование России и Украины всегда будет иметь имперские амбиции, Россия без Украины – никогда не будет империей. Словом, есть о чем вспомнить. Но пытаться после драки махать кулаками – дело бесполезное. При том что у современной России есть свои законные интересы, прежде всего желание обеспечить собственную безопасность, что означает либо дружественность соседних государств, либо как минимум их готовность соблюдать политическую лояльность в отношении нашей страны. Как известно, география – это судьба. И мечты о «другом глобусе» остаются пустыми разговорами.

Но обеспечение национальных российских интересов не предполагает возврата к тому прошлому, с которым мы простились три десятилетия назад.

Стоит напомнить слова президента Российской Федерации В.В. Путина, сказанные в 2010 году: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. У того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы». И 30 июня 2021 года он, по существу, повторил эту мысль: «Восстанавливать Советский Союз <...> невозможно <...> по целому ряду причин – и даже нецелесообразно...»

Не скрою, и у меня до сих пор комок подкатывает к горлу, когда вспоминаю эпизод из фильма Резо Чхеидзе «Отец солдата», где Георгий Махарашвили в пронзительном исполнении Серго Закариадзе откапывает под снегом пограничный столб, на котором написано «СССР», и водружает его на подобающее место. Самороспуск СССР был исторической трагедией. Но его силовое воссоздание может обернуться – вопреки Марксу – не фарсом, а новым историческим катаклизмом.

За минувшие тридцать лет практически все бывшие республики СССР обрели собственную государственность. Некоторые из них – впервые в истории. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени опробовал собственный голос на международной арене, став частью мировой геополитической системы, как и подобает членам ООН. Естественное – географическое и историческое – тяготение друг к другу позволило создать постсоветские объединения: СНГ, ЕАЭС, Союзное государство Белоруссии и России. Что не отменило участия в иных международных форматах. В том числе инициированных Европейским союзом и НАТО.

За это время выросло несколько поколений, родившихся незадолго до распада или уже после распада СССР. 35–40-летние люди стали активными гражданами в самостоятельных странах, которые всерьез занимались формированием своей государственной идентичности. Чаще всего моноэтнической, даже если на территории той или иной новой страны проживало несколько народов. Именно поэтому из многих бывших союзных республик начался массовый отток русских и русскоязычных граждан. В Казахстане, к примеру, где национальная политика выглядела вполне благополучной, с 1989 по 2021 год русское население сократилось с 6 227 549 до 3 478 287 человек. Только Россия по-настоящему сохранила многонациональный характер государственности, при том что русские в начале 1990-х годов составили порядка 80 % населения.

Каждая новая страна создавала свой особенный национальный историко-культурный код, который транслировался не только в научных трудах, но и в учебной литературе и СМИ. Победа в Великой Отечественной войне, пожалуй, единственное историческое событие, которое сохраняется как объединяющая социально-этическая ценность. Именно поэтому, заботясь о будущем государств, входивших в СССР, не стоит предлагать рецепты, заимствованные из прошлого. Они не работают в новых социально-исторических реалиях. Куда важнее для современного развития стран, образовавших СНГ и затем ЕАЭС, найти общий путь, создавая образ будущего. Крупные международные научные, культурные, экономические, образовательные, инфраструктурные проекты, способные привлечь молодые кадры, могут дать новый импульс интеграции. Понятно, что проще всего обещать «светлое прошлое». Но, как пелось в известном романсе, «Возвращаться – плохая примета».

Январь 2022

2021

Лев Дуров
Сергей Аверинцев
Римас Туминас
Сергей Женовач
Александр Чубарьян
Дмитрий Крымов
Богдан Ступка
Игорь Добролюбов

Российский центр науки и культуры в Риме
Государственная Третьяковская галерея
Государственный академический театр имени Евгения Вахтангова
Московский художественный театр имени А.П. Чехова
Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского
Российский государственный художественный и культурно-исторический музей «Эрми-
таж»

Актер, рассказчик, режиссер

«Решилась обратиться к Вам в связи с тем, что 23 декабря 2021 года Дурову Льву Константиновичу исполнилось бы 90 лет. <...> Не знаю, помнят ли об этом в театре и на телевидении. К глубочайшему сожалению, Кати нет, а кто еще об этом будет беспокоиться. Нас севой связывала дружба со времен театральной студии Бауманского районного дома пионеров и до последних дней...» Такое письмо недавно прислала мне Марина Гургеновна Мусиньянц. И эти строки – ответ на него.

Несмотря на то что дочь Льва Константиновича Екатерина Дурова, замечательная актриса, прекрасная дочь и мать, ушла из жизни в 2019 году, через четыре года после смерти отца, и покоится рядом с ним на Новодевичьем кладбище, уверен, что завтра Леву вспомнят не только его партнеры по сцене и съемочной площадке, не только его внуки, но и миллионы зрителей, которым он доставил столько радости за щедрую творческую жизнь. В кино он сыграл около трех сотен ролей, в театре – больше ста, а была еще работа на телевидении, радио, на концертной эстраде. Мало кто помнит, к примеру, что в 1964 году Л. Дуров сыграл штурмана Мак Джинниса в радиоспектакле «Полный поворот кругом» по одноименной новелле Уильяма Фолкнера – автором и режиссером этого радиоспектакля был Андрей Тарковский.

Желая, чтобы его домашние, его «уголок Дурова», как называли в Театре имени Ленинского комсомола, а потом и в Театре на Малой Бронной его жену, актрису Ирину Кириченко, и дочь Катю, ни в чем не нуждались, он работал как сумасшедший. Но, подружившись с ним в начале 1970-х, могу с уверенностью сказать, что дело было не в деньгах или не столько в деньгах, – в нем жила яростная страсть к творческой деятельности, актерской, режиссерской, а потом и литературной. Мхатовец по школе и художественной вере, с юности сосредоточенный на исследовании человеческой психологии, он понимал, что театр, помимо всего прочего, – это увлекательная игра. Думаю, что этот удивительный синтез глубинного психологического реализма и ярчайшей театральной выразительности, которым он обладал в полной мере, закладывался с первых шагов на профессиональной сцене в Центральном детском театре. Там он играл не только в необычайно острых по тем временам, «оттепельных» пьесах Виктора Розова, но и создавал обаятельные роли Говорящей тучки в «Цветике-семицветике» В. Катаева, пуделя Артемона в «Золотом ключике» А. Толстого или Репья в «Волшебном цветке» Жэн Дэ-яо. Мария Осиповна Кнебель, выдающаяся режиссер и педагог, прямая ученица К.С. Станиславского, сосланный в Центральный детский из Художественного театра, создала в ЦДТ живую творческую атмосферу, в которой раскрылись таланты многих молодых актеров и режиссеров, достаточно назвать только два имени – Олег Ефремов и Анатолий Эфрос. Однажды после репетиции, на которой разгорелся жаркий спор, Ефремов и Эфрос вышли в фойе и продолжали выяснять отношения почти четыре часа, пока их дискуссию не прервали зрители, пришедшие на вечерний спектакль. Эта жажда творческих репетиционных споров сохранилась у Льва Дурова на всю жизнь – репетиционный процесс был для него пожизненной любовью, как и для его мастера – А. Эфроса.

С А. Эфросом Л. Дуров не расставался следующие три десятилетия: из Центрального детского он перешел вместе с ним в Театр имени Ленинского комсомола, а потом в 1967 году – в Театр на Малой Бронной. В их совместной работе сохранялась та творческая озаренность, которая помогла Льву Константиновичу создать его поистине великие роли – Чебутыкина в чеховских «Трех сестрах», штабс-капитана Снегирева в «Мальчишках» В. Розова (по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»), Сганареля в мольеровском «Дон Жуане», Яго в «Ромео и Джульетте» У. Шекспира, Жевакина в «Женитьбе»... Каждая из них заслуживает отдельного исследования. В спектаклях А. Эфроса он состоялся как великий русский актер. И никогда уже не разменивал это высокое звание.

Но наступил момент, когда со сцены ему захотелось переместиться за стол режиссера в зале. Он начинал пробовать себя в режиссуре, помогая А. Эфросу и А. Дунаеву, который был главным режиссером в Театре на Малой Бронной. «Трибунал» А. Макаенка, «Обвинительное заключение» Н. Думбадзе, «Занавески» М. Ворфоломеева... Лева ставил много и увлеченно, вовсе не думая, что в какой-то момент в начале 2000-х сможет художественно возглавить театр, который по традиции называли эфросовским. Творческое расставание двух очень близких людей в середине 1980-х было крайне болезненным для обоих. Думаю, впрочем, что в тех краях, где они оба обитают сегодня, можно спорить, не причиняя друг другу боли. Как родственные души.

Великий трагик, Дуров был смешлив и владел всеми «шутками, свойственными театру». Он был бесстрашен на сцене – подмостки были его владением, которое он знал во всех деталях. Ему была введена тайнопись театрального пространства. И он был готов делиться ею, так как не боялся конкуренции. Даже недруги признавали победительность его актерского таланта и мастерства. Это спасало его от театральной злобливости. Это делало его прекрасным партнером, что ощущали все его коллеги по сцене, – и в Театре на Малой Бронной, и в «Школе современной пьесы», где И. Райхельгауз дал ему возможность сыграть замечательные роли, прежде всего Льва Толстого.

И вовсе не случайно Лев Дуров начал свою книгу «Байки на бис» с эпитафии Валентина Гафта: «Актер, рассказчик, режиссер, / Но это Леву не кольшет, / Он стал писать с недавних пор, / Наврет, поверит и запишет...» И продолжил: «...Смею вас уверить, мои байки на 100 процентов правдивы. Хотя и эпитафия Гафта правдива, как все его эпитафии. Такое вот противоречие...» Это противоречие – между реальным бытием и магическим пространством искусства – рождало властный импульс творчества, которое было смыслом его жизни.

Декабрь 2021

«Блаженное, бессмысленное слово...»

В Риме в Российском центре науки и культуры откроется двухдневная конференция «Сергей Аверинцев: связь между культурами и историческими эпохами». Похоже, организаторы этого высокого интеллектуального собрания – посольство Российской Федерации в Ватикане, Российская академия наук, Папский комитет по историческим наукам, Библиотека Амброзиана – Академия Амброзиана – не пытались искать какого-то особого повода для ее проведения. Из всех возможных памятных дат обнаружил лишь одну: 60 лет назад Сергей Сергеевич Аверинцев окончил классическое отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Но смею полагать, что и это совпадение не играет сколько-нибудь серьезной роли.

Впрочем, наследие С. Аверинцева, масштаб его личности столь велики и существенны, что для каждой попытки вновь осмыслить их значение – для всех нас вместе и для каждого в отдельности – нет необходимости полагаться на магию чисел. Прежде всего потому, что, по воспоминаниям Натальи Трауберг, уже в нынешнем столетии он «повторял, что не снят ни один из вызовов XX века». Его мучило, что человек в конце XX века «находится в ситуации утраченного места. А когда нет места, нет и тонуса, нет дерзости, бунта, мятежа». Он сетовал, что об этих вызовах никто не хочет вспоминать. Но чем больше времени проходит с момента его смерти в 2004 году, тем чаще вспоминают и об этих вызовах, и о том, как их пытался разгадать сам Сергей Аверинцев. Недавняя книга Ольги Седаковой «Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения» – одно из ярчайших тому свидетельств. Попыткой ответить на эти вызовы станет и римская конференция, в которой примут участие серьезные светские и церковные интеллектуалы, – митрополит Корсунский и Западноевропейский Антоний, председатель Папского комитета по историческим наукам отец Бернар Ардура, академики РАН Александр Чубарьян и Сергей Карпов, главный редактор «Большой Российской энциклопедии» Сергей Кравец, доктор Франческо Браски и другие.

Жизнь и судьба Сергея Аверинцева счастливым образом соединились в его многочисленных книгах, лекциях, переводах и, наконец, в поэтическом наследии, где особое место занимают «Духовные стихи». Не ангажированный политическим диссидентством, признаваемый советской властью как выдающийся ученый, он сохранял социальную чистоплотность и ту внутреннюю свободу, которая позволяла ему делать самостоятельный выбор в самых сложных предлагаемых обстоятельствах. Его статья «Христианство», опубликованная в 1970 году, в пятом томе, завершающем «Философскую энциклопедию», ошеломила не только партийных чиновников, но и деятелей Русской православной церкви. Этот научный текст обладал всеми высокими качествами религиозной проповеди.

Само название конференции весьма характерно для «метода Аверинцева»: он рассматривал мировую культуру как некий непрерывный диалог, взаимную рефлексивность, если не взаимную зависимость, то в любом случае взаимную связь. Он вовсе не случайно повторял мысль философа Генриха Якоби: «Без “ты” невозможно “я”». Ольга Седакова вспоминает лекции своего наставника: «Впечатление почти фокуса: он вытаскивает одну нитку, и вокруг нас заплетается вся мировая культура – такая, какой она была во времена Гёте, культура Афин, Иерусалима, Рима...» Сергей Аверинцев называл себя «средиземноморским почвенником». Владея множеством живых и «мертвых» языков, занимаясь греческой и римской античностью, поэтикой раннего византийского Средневековья, литературой Ветхого Завета, он относился к древним текстам как к некоей праоснове современного мышления. «Долг филологии состоит в конечном счете в том, чтобы помочь современности познать себя...» Не могу отделаться от постоянного желания цитировать сочинения самого Сергея Аверинцева – любые мои коммен-

тарии будут лишены его научной глубины и художественной метафоричности. И, что еще более важно, – религиозного озарения.

Его вера была глубокой и непоказной. Его дружба с отцом Георгием Кочетковым еще в большей степени повлияла на его светское и духовное творчество. Вовсе не случайно С. Аверинцев переводил произведения поэтов, для которых слово обладало религиозным светом, – Клоделя, Рильке, Гёльдерлина. В предисловии к его трудам о литературе Ветхого Завета протоиерей Леонид Грилихес обратит внимание на то, что его осмысление библейских текстов – это размышления глубоко верующего человека: «За обширной эрудицией ученого, за мастерством филолога, за подчас неожиданными и самыми смелыми культурологическими сопоставлениями проглядывает человек, принимающий Библию всерьез».

Он не очень любил слово «культура», справедливо утверждая, что древние греки чаще говорили о воспитании («пайдейя»). «Только уж очень наивным людям могло даже в наивные времена померещиться, будто это воспитание благонравия, – а затем появились тоталитаризмы со своими воспитательными прожекторами, возведшими мертвое благонравие в небывалую, невиданную степень; но если мы в антиавторитарном задоре отменяем сам по себе императив воспитания, мы должны чувствовать, что крушим позвоночник культуры – ту вертикаль неравноправных ценностей, которую культура держится в состоянии прямохождения...» Сергей Аверинцев, избранный председателем международного Мандельштамовского общества, не случайно посвящает воспитанию отдельный пассаж в статье «Так почему же все-таки Мандельштам?». Их роднит то ребяческое непосредственно чувственное и благоговейное отношение к миру, которое они сохраняли до последних дней своей жизни. Их роднит священное отношение к слову, которое упорядочивает хаос бытия.

Декабрь 2021

Европейский концерт

В здании Третьяковской галереи на Крымском Валу открылась выставка современных художников Европы, над созданием которой несколько лет работали кураторы и эксперты из Германии, России, Франции и Финляндии. Задуманная председателем правления боннского Фонда искусства и культуры Вальтером Смерлингом, она получила поддержку руководства «Петербургского диалога» – Виктора Зубкова и Рональда Пофаллы. Оценив его политическое значение, свой патронат этому европейскому проекту согласились дать президент Российской Федерации Владимир Путин, президент Федеративной Республики Германия Франк-Вальтер Штайнмайер и президент Французской Республики Эмманюэль Макрон.

«Российская газета» освещала ее берлинскую премьеру в здании бывшего аэропорта Темпельхоф. Авторы экспозиции в Третьяковской галерее нашли свой подход к архитектуре выставки, представляющей 90 художников из 34 стран, по-своему расставили акценты, при этом не изменив ее сути, – сходство проблем, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться европейские художники во второй половине XX и начале XXI веков, не отменяет множественности и многообразия в попытках их осмысления. И хотя просвещенные историки искусств могут дать характеристики тем эстетическим течениям, которые составляют мозаику культурной деятельности во второй половине XX и в первые десятилетия XXI века, они понимают, что творчество настоящих талантов не укладывается в прокрустово ложе интеллектуальных доктрин. В Германии эту выставку называли «Единство в многообразии», а в одном из московских плакатов между этими двумя словами появилась точка. Но точка не отражает существа этого проекта. Между этими двумя словами не должно быть барьера. Я вовсе не собираюсь заниматься поиском стилистических ошибок, в данном случае попытка найти точное соотношение в названии выставки отражает поиск смыслов.

Время крутых исторических поворотов провоцирует новые вызовы, в которых угадываются вечные вопросы о судьбе человека и человечества. Здесь нет простых ответов, хотя современным художникам свойственна дидактичность, назидательность даже в самых зашифрованных эстетических практиках. Многие из них существуют в пограничье искусства и прямого социального высказывания, нередко не замечая глубинного различия между ними.

Именно поэтому интерпретация подчас бывает важнее самого художественного жеста. При этом выдающиеся современные мастера никогда не покидают пространства творческой реальности, их произведения не исчерпываются игрой ума, они всегда озарены вдохновенными прозрениями, природа которых по-прежнему темна и загадочна, что бы ни говорили по этому поводу нейробиологи. И эти поистине выдающиеся произведения Ильи и Эмилии Кабаковых, Ансельма Кифера, Моны Хатум, Кристиана Болтански вызывают то душевное волнение, которое не нуждается в рациональном толковании. Именно в московской редакции выставки они приблизились к зрителям. Стандарты советской архитектуры 1960 годов, ограничивающие высоту пространства, сделали эту выставку куда более интимной, чем берлинская, где размах аэровокзала 1934 года, созданного в «большом имперском стиле», поглощал масштабы художественных произведений, созданных после Второй мировой войны.

Важно понимать, что художники, представившие свои работы на этой выставке, черпающие энергию творчества из противоречий современного бытия, не просто хорошо образованны, но погружены в историю культуры, ощущая ее глубинные взаимосвязи. Достаточно взглянуть на «Зимний путь» Ансельма Кифера, который отсылает нас к проблемам немецкого романтизма и призракам Жермены де Сталь и Ульрики Майнхоф, или на гобелен Грейсона Перри «Битва за Британию», заставляющий вспомнить известную картину Пола Нэша 1941 года с таким же названием.

Уверен, что выставка в Третьяковской галерее вызовет немало противоречивых отзывов. В оценках современного искусства ошибаются самые прозорливые мыслители. Достаточно заново прочесть рассказы Аркадия Аверченко или Тэффи – они камня на камне не оставляли от произведений художников «Бубнового валета» или «Ослиного хвоста», которые меньше чем через полвека стали иконами русского авангарда. Проходит время, и то, что вызывало раздражение, становится художественной обыденностью. Однажды Пикассо, которого один из его знакомых критиков ругал за отклонение от классической линии рисунка, заметил, что через полвека эти геометрические решения будут использовать в производстве унитазов. Что и произошло.

«Единство в многообразии» – эта формула существенна не только для современного искусства, но и для культуры в целом. Взгляните на те выставки, что сегодня представлены в здании Третьяковской галереи на Крымском Валу, и вы убедитесь, что этот всеобъемлющий феномен обнаруживает себя не только в географическом, но и в историческом смысле. Когда в одном музейном пространстве можно увидеть наряду с произведениями современных художников творения Михаила Врубеля, Юрия Пименова, Казимира Малевича, Марка Шагала и других мастеров XX столетия, которые творчески конфликтовали друг с другом, а теперь взаимно сопрягаются в художественную симфонию для зрителей конца 2021 года, то эта формула «единство в многообразии» становится вполне очевидной. Как и в новаторской экспозиции Жан-Юбера Мартена «Бывают странные сближенья...» в ГМИИ имени А.С. Пушкина, где внутренний сюжет мировой культуры открывается как остроактуальный коллаж. Мы живем в мире, где надо научиться не бояться незнакомых явлений. Будь то реальные люди или произведения искусства.

Ноябрь 2021

Мера вещей

Спектакль «Война и мир», завершённый Римасом Туминасом в начале ноября 2021 года, войдет в историю Театра имени Евг. Вахтангова не только потому, что премьера была приурочена к его 100-летию юбилею. Разумеется, магия чисел всегда подогревает ожидания, но смею полагать, мало кто мог себе представить, насколько мощным окажется это художественное высказывание режиссера, четырнадцать лет назад возглавившего легендарный коллектив. Насколько существенным для современного российского театра.

Этот спектакль заставляет вспомнить знаменитое рассуждение Вл. И. Немировича-Данченко о том, что можно построить технически обустроенный театр, в котором без талантливого режиссера и труппы все равно не родится никакого искусства, а могут выйти на площадь три артиста, расстелить коврик и околдовать зрителей магией театрального творчества. Но для понимания случившегося в вахтанговской версии «Войны и мира» этого рассуждения явно недостаточно. После недавней реконструкции сцены Театр имени Евг. Вахтангова оснащен новейшими технологиями, которые позволяют удивлять практически любыми визуальными чудесами, что так искушают современных постановщиков. Однако, владея несметным богатством сценической машинерии, света, звука, всеми возможностями современного компьютерного дизайна, Р. Туминас заворачивает эстетику «бедного театра».

Богач сознательно становится аскетом, открывая театральную мощь «жизни человеческого духа», то непреходящее существо наследия К.С. Станиславского и его учеников, что и поныне не утратило своей актуальности. «Война и мир» – это творческий манифест режиссера, которому оскорбительна мельтешня немалого числа нынешних служителей Мельпомены и Талии, усматривающих в любом спектакле лишь повод для устройства остроумного капустника, переходящего в светское мероприятие. Он сконцентрирован на важнейших проблемах человеческого бытия, раскрывая их с той неслыханной простотой, которая приходит к большим мастерам в пору мудрой творческой зрелости, после того, как они успели прожить яркую и сложную жизнь, сумели заглянуть в бездну небытия и отшатнуться от нее.

Он дарует роскошь общения с героями на распахнутых подмостках, создавая прозрачные театральные образы лишь с помощью меняющихся темпоритмов, то сжимающих, то разжимающих пружину актерского существования. У каждого здесь есть крупный план, но режиссер избегает стоп-кадров. Здесь все живет, движется, существует в нескончаемом потоке реакций на окружающий мир людей, увлекаемых водоворотом войны и мира. Сцены первого бала Наташи Ростовой и Бородинской битвы с предельной ясностью открывают то эстетическое и этическое послание, которое дорого Р. Туминасу и в его диалоге с публикой, и в его обращении к небесам. Он хорошо знает, что ни один стоящий театральный режиссер не может вести разговор с высшими силами, минуя актеров и зрителей.

В сценах бала и битвы, как и во всех других эпизодах спектакля, ему не нужна армия артистов на сцене. Только пустое пространство – и единственный человек, который столь переполнен жадой жизни, – то ли от безгрешной наивности, как Наташа, то ли от очной ставки со смертью, как Николай Ростов, – что он способен заполнить это пустое пространство целиком. В глазах Наташи, стоящей на авансцене, мы видим парадный блеск бальной залы, которая разворачивается во всем объеме, когда Наташа, подхваченная неведомым волшебным ритмом, начинает одна вальсировать в пустом пространстве, и лишь на мощном фортиссимо ее подхватывает князь Андрей, увлекая в неведомое им будущее.

Бородинская битва – это макабрическая пляска Николая Ростова со смертью, которую нельзя обмануть. Как штандарты знамен, он разворачивает растерзанные боем мундиры погибших солдат. Ведь все армии состоят из отдельных людей! И непосильно постичь до конца ту высшую силу, что подвигла их на подвиг самопожертвования. В романе «Война и мир» Л.Н.

Толстой будет постоянно возвращаться к непостижимости человеческой истории и человеческой жизни. «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожится возможность жизни».

Р. Туминас знает, что в каждом отдельном человеке живет та множественность мировых и частных событий, им, быть может, и не осознаваемая до конца. Они вовлекают его в бесконечную цепь зависимостей, которая трудно преодолима стремлением к свободе. Р. Туминас не может примириться с мыслью Л.Н. Толстого, заложенной в последних строках романа, но, похоже, понимает, что оспорить ее невозможно, сколько бы страданий ни принесла эта невозможность. Несуществующая свобода и не ощущаемая нами зависимость. Именно поэтому странно читать, что режиссер рассказывает частную, семейную историю, что в спектакле нет Наполеона и Кутузова. Они есть в каждом из героев, в их мыслях и поступках, в их стремлении к счастью и крахе надежд. Большие линии истории пронизывают каждого из них и наполняют весь спектакль особой магнетической энергией. Как в предсмертных автопортретах Михаила Врубеля в напряжении зрачков – средоточие трагедии мироздания.

Особое качество этого спектакля – в блистательном ансамбле артистов. Он в полной мере открывает целенаправленную работу, которую вели Р. Туминас и директор театра К. Крок, – сегодняшняя труппа Театра имени Евг. Вахтангова сложена первоклассно. В ней есть блестящие актеры разных поколений, от Л. Максаковой, И. Купченко, С. Маковецкого, Е. Князева, В. Симонова до В. Добронравова, Я. Соболевской, О. Лерман, К. Трейстер, Ю. Цокурова и Д. Самойлова. Театр имени Евг. Вахтангова, славу которого Р. Туминас не только сохранил, но и приумножил, стал их пристанью. И, глядишь, лет через тридцать-сорок они сыграют об этом спектакль, на котором зрители не будут стесняться слез. Как сегодня – на «Войне и мире».

Ноябрь 2021

Зачем раскачиваться на папе?

Недавние театральные назначения, возбудившие множество самых разнообразных дискуссий в профессиональных и околопрофессиональных СМИ, заставили вспомнить старый анекдот. Мама, обращаясь к сыну, старается его увещевать: «Сынок, не раскачивайся на папе. Он повесился не для того, чтобы ты из него делал качели, а для того, чтобы дома было тихо». Мамины слова вполне созвучны консервативному управленческому подходу – дома должно быть тихо. Позиция ребенка, который не освоил науку менеджмента, – отражает желания взволнованной общественности. Как это не раскачиваться?! Как это тихо?! Ведь вокруг столько интересного.

Когда бы мы увидели, как Владимир Кехман лично снимает со стены портрет Эдуарда Боякова? Когда смогли бы почитать захватывающую переписку руководства МХАТ имени М. Горького с героиней интернета Ольгой Бузовой и узнать, что ей не выплатили за участие в спектакле «Чудесный грузин» чуть ли не полмиллиона рублей? Или выяснить принципиальную позицию Юрия Бутусова, уверенного в том, что актеров, тем более с которыми он работал, нельзя назначать на руководящие должности в театрах, особенно в таких важных, как Художественный театр имени А.П. Чехова? Привожу примеры из уважаемых СМИ, а уж из нереспектабельных можно узнать такое, что прямо дух захватывает. Как бы я еще смог понять, что в качестве основной задачи, поставленной перед новым руководством Художественного театра на Тверском бульваре, обозначено умиротворение Татьяны Дорониной, которая этого умиротворения, безусловно, достойна за былые заслуги. Кто бы спорил! Однако может ли быть идея умиротворения великой актрисы художественной программой столичного театра даже во главе с В. Кехманом – сильно сомневаюсь.

Понятно, что и новому художественному руководителю МХТ имени А. П. Чехова Константину Хабенскому надо прежде всего успокоить, по слухам, не удовлетворенную Сергеем Женовачем труппу, что само по себе сложно назвать серьезной художественной задачей.

Женовач – в высшей степени серьезный театральный мастер, погруженный в творчество. И не обеспечить его возможностью заняться любимым делом после того, как он оставил должность художественного руководителя-директора МХТ, было бы крайне нерасчетливо. Так что одной из первейших задач нового руководителя МХТ имени А.П. Чехова вместе с Минкультуры России должно стать скорейшее утверждение status quo существования Театра в Камергерском, то есть без Студии театрального искусства, которая должна вновь обрести самостоятельное юридическое лицо. Количество организационных проблем зашкаливает. Тем более что МХТ имени А.П. Чехова после ухода из жизни О.П. Табакова потерял тех благодетелей, которые помогали не столько театру К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, сколько театру Табакова. Финансовое благополучие, как известно, играет не последнюю роль в театральном деле. По нынешним временам, увы, чуть ли не заглавную.

Но произошло то, что произошло. И надо думать о том, чего все ожидают сегодня от некогда великого театра, и поныне – прежде всего благодаря системе Станиславского – сохраняющего легендарный образ той живительной художественной почвы, из которой произросли самые важные режиссерские течения XX и XXI столетий. Под словом «все» имею в виду руководство культурой, театральную общественность, публику и, наконец, самих «художественников». Каждый участник современного творческого процесса будет вынужден сформулировать свой ответ хотя бы потому, что в 2023 году Московский художественный театр должен отметить 125-летие со дня основания. Как и положено в таких случаях, надо будет искать подходящие случаю формулировки, обращаясь не только к прошлому и настоящему, но и к будущему. И если для бюрократических документов сгодятся самые общие пассажи вроде «сохранение традиций русского психологического театра», то для осмысленной художественной программы

они будут оскорбительно поверхностны. Хотя бы потому, что их будут повторять как в бумагах, сочиненных в Театре на Тверском бульваре, так и в документах Театра в Камергерском.

На крутом повороте истории Московского Художественного театра, а он переживает поистине драматический момент своего существования, наверное, можно и нужно воскликнуть: «Назад к Станиславскому!» Именно этот лозунг выдвинул Олег Ефремов и его Студия молодых актеров, впоследствии создавшие театр «Современник». Для своего сохранения и развития Художественный театр нуждается в новой мощной творческой программе, которая могла бы завершить период существования двух театров с одним названием. При понимании особой роли Школы-студии, с которой судьба МХТ органически связана. Не сомневаюсь, что у К. Хабенского достанет таланта и ума доказать «городу и миру», что он, выросший не на мхатовской почве, тем не менее по праву занял место руководителя этого театра. Правда, при одном наиважнейшем условии.

Как известно, гастроли Художественного театра в США, случившиеся без малого 100 лет назад, в 1922 году, оказали огромное влияние на развитие американского театра и кинематографа. Об этом сложены легенды и написаны тома. При том что спектакли художественников подвергали критике за обветшавшие декорации, дурно поставленный сценический свет, выдающий театральный грим, они потрясли не только уникальным ансамблем гениальных артистов, но особым этическим воздействием на зрителей. Без этического фундамента невозможно искусство Художественного театра. Именно поэтому завершаю эти заметки важной мыслью К.С. Станиславского: «Охраняйте ваш театр от всякой скверны, и сами собой создадутся и благоприятные условия для творчества...»

Ноябрь 2021

Русский в европейском духе

В заключительной главе своей книги «Европейская идея и Россия» А.О. Чубарьян приводит примечательные слова В.Г. Белинского: «Мы... не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе».

Сложившееся понимание России как многонациональной страны-цивилизации, охватывающей огромные территории на двух континентах, протяженной от Балтийского моря до Тихого океана, не отменяет, но, быть может, и обостряет даже вопросы, которые были вынесены в геополитическую и ценностную плоскость взаимоотношений России и Западной Европы начиная с XVII столетия. Понятно, что формализованные связи России с Европой начались почти на полтора столетия раньше принятия Древней Русью христианства, со времен Великого Новгорода и приглашения норманнов на правление. Интерес к загадочной Московии, сдержавшей нашествие Орды на европейские государства, существовал в пору правления Ивана III и его потомков. Общеизвестна переписка Ивана IV с английской королевой Елизаветой I, литературные отражения которой находим уже у Шекспира.

Россия участвовала в решении ряда общеевропейских проблем еще в XVI веке, о чем свидетельствуют знаменитые «Записки о московских делах» Сигизмунда Герберштейна. Он дважды приезжал в Москву по поручению Габсбургского императора, который хотел «втянуть Русь в борьбу с турками и восстановить нормальные отношения между Русью и Польшей». Но все же Россия становится реальной участницей европейской политики в пору завершения династии Рюриковичей и воцарения Романовых. Победы Петра I в Северной войне определили европейский вектор развития России. Ее решающее влияние на европейские дела оказывается неоспоримым в войне с Наполеоном, после которой Александр I играет первую роль в создании Священного союза. В XIX столетии Россия становится полноправной участницей «европейского концерта», без которой невозможно принять ни одного серьезного политического решения.

Неслучайно именно Николай II выступает с идеей создания Лиги Наций, до реального образования которой ему не было суждено дожить. Советский Союз стал ее членом в 1934 году, когда после прихода нацистов к власти в Германии наметился новый европейский разлом. Право определять судьбы не только Европы, но и мира СССР завоевал на фронтах сражений во Второй мировой войне, приняв на себя основные тяготы борьбы с фашизмом. Российские споры о взаимоотношениях с Европой ни в коей мере не могут отменить исторических реалий прошлого – Россия в различных ее государственных обликах была не только географически неотъемлемой частью европейского континента, но и неизменной участницей европейской политики. Именно поэтому ответ на вопрос о взаимоотношениях с Европой в прошлые и нынешние времена имеет не только философское, но и вполне практическое значение.

Книга Чубарьяна о формировании европейской идеи и ее российском восприятии стала результатом его многолетних исследований и размышлений о мировой истории и месте России в важнейших исторических процессах. Именно поэтому, прежде чем обратиться к рефлексии отечественного социально-политического и философского сознания по поводу самоопределения нации, ее идентичности, ее бытования во времени и пространстве, он самым тщательным образом воссоздает сложный, полный противоречий путь поисков самой «европейской идеи».

Сквозным сюжетом этого исследования становится столкновение мнений и позиций по поводу создания «Соединенных Штатов Европы», которые из социально-философского образа, увлекающего европейских интеллектуалов еще в пору Высокого Средневековья, стали реальностью на излете XX столетия. Реальностью, в которой политическая и экономическая конструкция Европейского союза не отменила национальных интересов и национальных предпочтений государств, в него входящих. Само понимание европеизма, европейского средства

не исчерпывается ни культурно-психологической общностью, ни принципами государственного устройства, ни этническим или религиозным единством. Именно поэтому для Чубарьяна так важна мысль о том, что Европа – это не только «географическое понятие (пространство, частью которого является и Россия)», но прежде всего понятие историческое. Определяющееся множеством факторов, не предполагающих унификации. «Великий проект» герцога Сюлли, суперинтенданта финансов французского короля Генриха IV, о котором часто вспоминали при создании Европейского союза, не схож с идеями Жан-Жака Руссо или «Молодой Европы» Дж. Мадзини. Неоднозначность «европейской идеи», ее несводимость к простым публицистическим тезисам раскрыта в книге Чубарьяна убедительно и объемлюще. Именно это позволяет ему с беспристрастностью глубокого историка представить картину российского отношения к «европейской идее» у отечественных мыслителей различных идеологических направлений. Он вовсе не стремится сгладить очевидные противоречия между ними, но ему важно показать процесс развития взглядов на Европу как у «западников», так и у «славянофилов». Он максимально объективен даже тогда, когда вводит в контекст своих рассуждений, похоже, неблизкие ему направления российской мысли, такие как евразийство.

Оставаясь в рамках научного исследования, Чубарьян не прячется от острых вопросов реальной политики, не скрывает того, что проблема, вынесенная в заглавие книги, имеет острое политическое значение. Это признание он делает как ученый, который понимает, что такое контекст эпохи, но при этом не изменяет своему высшему предназначению.

Октябрь 2021

Одиночество создателя

После спектакля Дмитрия Крымова «Моцарт “Дон Жуан”. Генеральная репетиция» в Театре «Мастерская Петра Фоменко» моя жена сказала: «Папа не отпускает». Мне было понятно без разъяснений – она работала в Московском театре на Малой Бронной в 1970–80-е годы. И в пору великих творений Анатолия Эфроса, и в пору – перед его уходом в Театр на Таганке – его разладов с труппой.

В «Дон Жуане» Крымова не отпускают и другие советские режиссеры великой театральной поры, начавшейся в середине XX столетия: Георгий Товстоногов, Олег Ефремов, Юрий Любимов, Михаил Туманишвили, Юозас Мильтинис, Вольдемар Пансо, Петр Фоменко, Марк Захаров, Леонид Хейфец... Всех и не назовешь. Кто-то постарше, кто-то помладше, но так или иначе они были частью жизни дома выдающегося театрального критика Натальи Крымовой и полуопального гения Анатолия Эфроса, на спектакли которого ломилась «вся Москва».

До 1973 года мама Димы работала в редакции журнала «Театр», который наряду с «Новым миром» был важным духовным центром «оттепельной» художественной жизни. Она глубоко и тонко понимала, из чего рождается ткань театрального искусства. И знала, что такое участь режиссера, который должен увлечь за собой десятки сотрудников и тысячи зрителей. Какую ношу он вынужден нести каждый день. Анатолий Эфрос, как говорили в сталинскую эпоху, был «социально чуждым» даже в новые «диетические» времена – и драматические перепады его судьбы тому горькое свидетельство.

Собственно, ко всем названным театральным режиссерам советская власть относилась с подозрением – к кому-то с большим, к кому-то с меньшим. Но «других писателей» не было. И это понимали чиновники от культуры. Не случайно именно в эту пору при всех ее немилосердных правилах игры Борис Пастернак напишет, посвятив свои строки актрисе Анастасии Зуевой: «Смягчается времен суровость, / Теряют новизну слова, / Талант единственная новость, / Которая всегда нова». В «оттепельную» пору талант могли мучить, запрещая его произведения, но до смертоубийства уже не доходило.

Дмитрий Крымов вырос в доме, где театр и разговоры о театре были важнее разговоров о реальной жизни, протекавшей по своим советским законам. Вернее, театр был более реальным бытием, чем сама жизнь, которая часто грубо вторгалась в творчество профсоюзными собраниями, цензурными запретами, партийными проверками «морального климата в творческом коллективе». Грешен, в начале 1980-х возглавлял комиссию Краснопресненского РК КПСС, которая должна была найти развязку в конфликте между труппой Театра на Малой Бронной и его режиссерами (напомню, что главным режиссером Театра на Малой Бронной был Александр Дунаев, а Эфрос работал очередным, хотя все понимали, что он «не первый, но и не второй»).

Как ни отбрыкивался от этого партийного поручения, не смог от него увернуться. Но, как ни странно, именно эта история приоткрыла мне горькое знание о естественном одиночестве любого стоящего режиссера. Их не случайно называют демиургами, творцами чувственного космоса. Потом мне не раз приходилось быть свидетелем конфликтов между режиссерами и актерами, которых они пестовали годами. Накапливающаяся усталость друг от друга приводила к взрывам или тихим расставаниям. Видимо, Ремарк прав: человеческая жизнь слишком длинна для одной любви. Во всяком случае жизнь театральная. Актеры устремлялись в новые дали, оставляя режиссера в горьком одиночестве, преодолеть которое можно, только пережив новое увлечение – чаще всего неопытной театральной молодежью. Таланты ходят старыми, но жизнь режиссера-вожака всегда одинока. Ему не прощают ошибок. Даже тем, кого и при жизни, и после смерти называли великими. И хотя театральные спектакли чаще всего дети любви постановщика, актеров, художников, музыкантов, удел режиссера сродни участи

Вседержителя. Стоит ему переусердствовать в любви или ненависти, и его творенье окажется болезненно несовершенным.

Анатолий Эфрос был режиссером уникального романтического дарования. Процесс создания спектакля был для него едва ли не более важен, чем завершенная постановка. «Репетиция должна доставлять радость. Потому что на репетицию уходит половина каждого дня по всей жизни. И если после мучительных репетиций даже и получится хороший спектакль, это не искупит потерь». Не смею утверждать, что для Дмитрия Крымова эти строки его отца из книги «Репетиция – любовь моя» стали единственным заветом в профессии.

Но одним из десяти – несомненно. И в спектакле «Все тут» – щемящей истории о его семье, и в «Дон Жуане» он вновь и вновь обращается к самой природе театра, который вмещает в себя все бытие, с его горными высями духа и властными претензиями материального низа, с жалким лепетом обыденности и горечью неизбежного ухода. В «Дон Жуане» Крымов захватывает бесстрашной свободой художника, безбоязненно сопрягающего все краски сценической палитры в театральную мистерию, передоверив Евгению Цыганову, перевоплотившемуся в режиссера-вседержителя, свою собственную, Дмитрия Крымова, роль. Как, впрочем, и всех режиссеров, чьи творенья он видел за свою жизнь. Он заражает актеров этим бесстрашием, что и позволяет им взлететь на неведомые прежде вершины. Он задает виртуозную партитуру Цыганову, который остро чувствует сквозное действие роли, в равной степени владея секретами глубинно психологического театра и откровенно площадными фокусами. Как любой настоящий режиссер, они – и Крымов, и Цыганов – должны обольстить своих артистов, используя даже запрещенные в обыденной жизни приемы.

Казалось, что фраза «искусство требует жертв» истерлась от частого употребления, потеряла силу и смысл. Но это совсем не так. Цена искусства – человеческая жизнь. Только так рождаются шедевры. Кому, как не Крымову, это знать.

Сентябрь 2021

«Хоть куда казак»

27 августа исполнилось бы 80 лет выдающемуся сыну Украины, гениальному актеру Богдану Сильвестровичу Ступке. Он ушел из жизни по нынешним меркам рано, не дожив до 72 лет. Но магию его человеческой, творческой природы до сих пор ощущают все, кто видел его хоть раз – в жизни, на сцене или на экране.

Он был блистателен на украинских подмостках и в украинских фильмах и не менее велик в российском кинематографе в советские и постсоветские времена. В этих превосходной степени словах нет преувеличения, которыми обычно пользуются в юбилейных или прощальных речах. Богдан Ступка был действительно выдающимся сыном своей страны, украинским патриотом и гениальным – по гамбургскому счету, по мировым меркам – артистом.

И одновременно он жил в пространстве русской культуры не как чужестранец, а как изначально укорененный в ней художник, ощущающий не только различие, но и глубинную близость двух родственных народов. Он создал множество сценических образов в классическом украинском и русском репертуаре – от Мыколы Задорожного в «Украденном счастье» Ивана Франко до Ивана Петровича Войницкого в «Дяде Ване» А.П. Чехова, сыграл более сотни ролей в кинематографе, безупречно владея всеми оттенками, всей глубиной украинского и русского языков.

Он остро чувствовал, как меняется пластика, эмоциональный строй человека в зависимости от того, на каком языке он говорит. Львовянин, тонко понимающий нюансы речи своих земляков, он замечательно раскрывал все многообразие украинского языка, откликающегося на соседние культуры – австрийскую, польскую и, конечно же, родственную русскую, в которой украинская почва прорастала до небес в высокой классике литературных гениев.

Нередко в дружеском застолье просил его почитать «Энеиду» Ивана Петровича Котляревского: «Еней був парубок моторний / І хлопец хоть куди козак / Удавьсь за всеє зле проворний, / Завзятіший од всіх бурлак...» В его чтении эта поэма приобретала тот объем, который раскрывался не сразу даже для таких внимательных читателей, как Тарас Григорьевич Шевченко и Пантелеймон Александрович Кулиш. В 1861 году П. Кулиш, создатель «кулишовки», ранней версии украинского алфавита, и основной переводчик полного издания Библии на украинский язык, назвал Котляревского выразителем «антинародных образцов вкуса», который в своей «Энеиде» «поиздевался над украинской народностью», предъявив миру «все, что только могли найти паны карикатурного, смешного и нелепого в худших образчиках простолюдина».

Но в 1882-м создатель «кулишовки», вновь вернувшись к поэме Котляревского, кардинально пересмотрел свои взгляды: «Он (Котляревский. – М.Ш.), покоровшись неизведанному велению народного духа, был только орудием украинского сознания». Схожая эволюция в отношении Котляревского и его «Энеиды» произошла и с Т. Шевченко, который поначалу назвал ее «смеховиною в московской манере», а много позже – «недооцененной книгой». Богдан Ступка вслед за автором покорялся «неизведанному велению народного духа», в котором высокое и низкое сплетались воедино, народная почва воспаряла до народной судьбы. «Образец кабацкой украинской беседы» (еще одно из язвительных замечаний П. Кулиша в адрес литературной стилистики Котляревского) обрело черты народного эпоса.

Богдан остро чувствовал праздничный гротеск национальной украинской жизни. Ему было свойственно гоголевское переживание избыточного плотского земного рая и одновременно ощущение мистики, тайны, которая скрывается за видимой беспечностью бытия. Именно поэтому уже в зрелом возрасте он заново открыл для себя философскую прозу и басни Григория Сковороды, извлекая в них ту мудрость, которая была нужна ему как человеку и актеру. Он любил повторять вслед за великим украинским философом: «Люди живут

чувствами, а для чувств безразлично, кто прав». Такое понимание человеческой природы позволяло ему безбоязненно прикасаться к характерам, которые вызывали, мягко говоря, неоднозначную историко-политическую оценку и на Украине, и в России, будь то украинский националист Орест в фильме Юрия Ильенко «Белая птица с черной отметиной», Иван Блинов, решивший выбрать «третий путь» в трагедии Великой Отечественной войны (за эту роль в картине Дмитрия Месхиева «Свои» он был номинирован на премию Европейской киноакадемии), или гетман Мазепа (киноэпос Юрия Ильенко).

К счастью, история с фильмом «Молитва о гетмане Мазепе» не стала роковой для нашей дружбы. Мы оба были министрами культуры – каждый в своей стране. Богдан рассказал мне, что хочет создать образ этого противоречивого человека, который в русской истории живет с клеймом предателя, а для многих украинцев является героем, – для актера такого масштаба, как он, это была интересная творческая задача, и я понимал его. Но все же Министерство культуры России не выдало картине прокатного удостоверения для показа на территории нашей страны из-за того, что Петр I и русская армия были изображены злодеями, которые огнем и мечом сеют хаос на земле Запорожской Сечи. Это был тяжелый момент в истории наших отношений. Но, как писал когда-то Анатолий Алексин, «дружба дороже истины». После «Мазепы» Богдан еще десять лет, до самой смерти, работал в российском кинематографе. Это было время невероятной творческой активности: «Свои», «Водитель для Веры», «Тарас Бульба» – всего и не счесть. Режиссеры добивались его участия в своих картинах, и он не отказывался, словно знал, что жить ему осталось недолго.

В финале спектакля «Тевье-Тевль», который по пьесе Григория Горина поставил Сергей Данченко, бессменный друг и товарищ Богдана по театральному бытию, Тевье-Ступка уходил в бесконечное небесное пространство по Млечному Пути. Уходил в причудливом танце, превращаясь в яркую звезду, которая и поныне освещает нашу жизнь. И как бы хотелось до моего ухода хотя бы раз поклониться его могиле...

Август 2021

Русский вопрос

Насилие над 9-летним мальчишкой, которого избивали его киргизские сверстники в школе дзюдо только за то, что он русский, «языковые патрули» в Казахстане, требующие от русскоязычных граждан пользоваться казахским языком в публичных местах, аналогичные коллизии на бытовом уровне в других странах Центральной Азии незамедлительно вызывают реакцию властей – и в России, и в государствах, где случались подобные инциденты.

По этому поводу ни в СНГ, ни в ЕАЭС никто не хочет публичных конфликтов на межгосударственном уровне. В отличие от Украины или стран Прибалтики здесь не принимали законов, напрямую направленных на вытеснение русского языка и русской культуры. Более того, русский язык в ряде постсоветских государств имеет тот или иной официальный статус. Но произошедшие частные, как кажется, события заставляют заново взглянуть на то, что в реальности происходит на постсоветском пространстве с этническими русскими. Их проблемы куда сложнее, чем вопрос сохранения русского языка в новом зарубежье.

Уже тридцать лет, прошедшие со времени распада СССР, бывшие советские республики стремятся к созданию национальных, а в ряде случаев мононациональных государств, где первостепенной является забота об утверждении национальных приоритетов в истории, географии, философии, художественной культуре, политике, в сфере языка и гуманитарного образования в целом. Новым государствам нужно было найти новые опоры во времени и пространстве.

Исключение во многом составляла лишь РСФСР, несмотря на то что после распада СССР в ней проживало более 80 % русских. Новое российское государство, в котором, по итогам переписи 2010 года, зафиксировано 193 этноса, изначально формировалось как многонациональная и многоконфессиональная держава, что было закреплено в Конституции 1993 года.

Межнациональные отношения в СССР всегда были под особым контролем партийной власти. Борьбу с «великодержавным шовинизмом» и «буржуазным национализмом» власти вели на протяжении всего существования Советского Союза. Отсюда двусмысленное положение РСФСР, не имевшей своего ЦК Коммунистической партии, и более жесткое налогообложение русского села. Отсюда же – репрессии в отношении национальной интеллигенции в союзных республиках, особо безжалостные в 30–40-е годы прошлого столетия.

Все это относилось и к представителям русской культуры.

Подспудно существующая – и никогда не исчезающая – энергия национальных движений уже в середине 80-х годов прошлого века, в пору ослабления центральной московской власти, вырвалась на поверхность политического бытия.

Бездарная попытка государственного переворота, который начался ровно тридцать лет назад и через три дня потерпел крах, окончательно похоронила Новоогаревский процесс создания нового Союзного договора, спровоцировав финальный этап парада суверенитетов. Именно ГКЧП поставил точку в истории Советского Союза, обнаружив исчерпанность его основных структур.

Никто не думал тогда о судьбе 26 миллионов русских, оказавшихся в новых государствах. Русских, на которых в недавних союзных республиках взвалили вину за все беды, причиненные не только советской властью, но и Российской империей. И никто не хотел, да и не хочет, похоже, понять, что сама Россия, русский этнос понес не менее, а то и более жестокий урон от власти большевиков, чем другие народы Советского Союза. В 90-е годы Россия не смогла ни принять, ни всерьез защитить своих соотечественников, оказавшихся без вины виноватыми.

В отличие от эмигрантов, по своей воле уезжавших в ФРГ, США или Израиль, которые худо-бедно должны были адаптироваться к новой социокультурной среде, учить язык страны пребывания, чтобы получить работу и место в обществе, эти 26 миллионов русских людей ока-

зались за границей не по собственному выбору. И потому немало тех, уже немолодых людей, кто по-прежнему проживает в странах нового зарубежья, но не может и не хочет понимать, почему они должны приспосабливаться к новым условиям жизни, а не приспосабливать эти условия к тому, что для них привычно. При этом уже не первый год многие родители заботятся о том, чтобы дать своим детям возможность многоязычия, которое потом позволит им сделать самостоятельный выбор: остаться в стране, где их семья оказалась тридцать лет назад, переехать в Россию или поискать счастья где-то еще. Значительно реже происходит «языковой сдвиг», когда родители не передают родной язык детям, надеясь, что это откроет перед ними большие возможности в стране проживания. Надо признать, что на сегодняшний день и это не является фактором успеха.

Нужно учитывать все эти новые обстоятельства, заботясь о благополучии, безопасной и успешной жизни наших соотечественников в новом зарубежье. И не ограничиваться лишь стремлением сохранять их культурную идентичность.

В нынешней геополитической обстановке Россия усиливается в качестве гаранта безопасности в Центральной Азии, на Кавказе и на Ближнем Востоке, да и не только в этих регионах. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, она по-прежнему привлекательна для трудовых мигрантов, в том числе и для высокопрофессиональных специалистов. Наконец, в России проживают значительные этнические общины из стран Содружества. Вместе с международными договорами это весьма серьезный фундамент для дискуссии о правовом положении наших соотечественников за рубежом.

Август 2021

Заметки старого лектора

Более 150 студентов из разных высших учебных заведений Белоруссии собрала Летняя школа в Псковском государственном университете, куда и меня пригласили на лекцию, посвященную приграничному культурному сотрудничеству. И это заставило вновь задуматься о смысле преподавательской деятельности.

Всякий раз, когдаходишь в аудиторию, нервничаешь по самому простому и самому важному поводу – нужны ли знания и размышления человека, родившегося в первой половине XX века, студентам, появившимся на свет в начале века XXI? К тому же студентам, приехавшим из другой страны, с другим опытом, другим информационным фоном, другим запасом школьных знаний, чем их российские сверстники.

Мы живем в Союзном государстве, наши народы близки друг другу – и в истории, и в новейшем времени, но Белоруссия – не Россия в той же степени, в какой Россия – не Белоруссия. Понятно, что, войдя в аудиторию, где разместилось около двухсот человек, ты не поймешь, кто русский, а кто белорус, но все же нужно искать темы и слова, которые бы объединяли, а не разъединяли ребят. Преподавателям естественных наук все-таки проще. Разработчикам квантовых компьютеров, конечно, следует помнить, что дважды два в их случае – «возможно, четыре», но и классику никто не отменял: то, что дважды два равно четырем, следует помнить тоже, и этот теоретический результат применять на практике. В гуманитарных науках подвижность знания зависит не только от развития научной мысли. Она связана со множеством факторов, влияние которых делает поиск истины совсем непростым делом.

Ты всегда идешь на риск. Боишься разочаровать слушателей, не добиться контакта с ними. Если это происходит, то все лучшие цитаты и эффектные суждения не стоят и ломаного гроша. Нынешние студенты «голосуют» погружением в свои гаджеты. Но самое опасное – поддаться желанию, «задрать штаны, бежать за комсомолом», пытаться заговорить с молодыми людьми, будто ты – один из них. Но тебе не 18 лет и даже не 25, любые игры в молодость будут выглядеть просто смешно.

И все же, все же... Ты живешь со своими слушателями во многом разнонаправленно. У тебя большая, если не лучшая часть жизни – позади. Из нее ты по преимуществу черпаешь свои познания, опыт подсказывает повторяющиеся коллизии бытия. Тебе хочется верить, что опыт и мудрость – одно и то же, хотя знаешь, что это совсем не так. У них – все в настоящем и будущем. Вырвавшись из школьного детства, пусть самого счастливого, из-под родительской опеки, пусть самой добросердечной, они полны ожиданий грядущего. Мир открывается неведомыми прежде искушениями, которые подталкивают их к непредсказуемым шагам. А потому, погружая их в «доброе и вечное», надо почувствовать этот нерв предвкушения, который для них острее любого проверенного знания. Ты должен вместе с ними отыскать связь между твоим прошлым и их будущим, между проверенными столетиями истинами и готовностью вырваться за их пределы, открывая прежде неведомое...

Наверное, не случайно задумался обо всем этом в Пскове, который вырвал из московской суматохи, из повседневного круговорота никогда не заканчивающихся текущих дел, где надо по крупицам урывать минуты для свободомыслия, не обремененного неотложными обязательствами. Старинный русский город со славной историей, великими памятниками духовной архитектуры, Псков притягивает возможностью погрузиться в прошлое, ощутить его вневременную красоту. Оно просветляет душу, наполняет ее благодатной радостью. Симфония псковских храмов и исторических памятников вытесняет впечатление от современного города. Жить в таком пространстве, где легендарная прошлая слава оказывается мощнее любой нынешней новации, в высшей степени непросто. Тем более что начиная с XVIII столетия судьба не слишком жаловала этот оплот Северной Руси и русского православия. Границы империи

перемещались дальше на северо-запад, появлялись новые центры притяжения – Рига и Таллин. Столичные города, и прежде всего Санкт-Петербург, манили жителей Псковщины, которые отправлялись туда на заработки и, как правило, обосновывались на берегах Невы.

Отток молодежи связан не только с лучшими условиями жизни, она ищет самореализации.

Сегодня в Псковской губернии проживает около 630 тысяч человек, в самом Пскове – чуть больше 200 тысяч. Население пополняется преимущественно приезжающими из северных регионов России пенсионерами. Молодежь, даже получившая высшее образование в местном университете, ищет счастья на стороне. Отток молодежи связан не только с лучшими условиями жизни, она ищет возможности для самореализации.

Поэтому для губернатора Михаила Ведерникова одной из самых важных задач остается развитие тех сфер социально-экономической деятельности, которые сохраняют молодых людей в регионе. Это не только туризм, который естествен для древних городов, не только инновационные производства, которые разворачиваются в особой экономической зоне «Моглино», но и крупные социальные проекты. Современный многопрофильный медицинский комплекс потребует высокопрофессиональных специалистов, которые могут быть подготовлены в Псковском государственном университете. Понимая, что это потребует нового качества обучения, руководство университета налаживает партнерские отношения со столичными вузами, реализует программы, которые собирают талантливую молодежь. Собственно, и сам ПГУ – это крупный социальный проект, который может стать одним из центров экономического развития города и области.

Михаил Ведерников возглавил область без малого три года назад. Тогда же, в 2018 году, главой Псковской митрополии стал владыка Тихон. Их деятельность, безусловно, дала новый импульс развитию Псковского края, где великое прошлое должно помочь рождению будущего.

Июль 2021

Жизнь в розовом цвете

В Большом зале Московской консерватории в 21-й раз вручали премию Олега Янковского. Как и положено, награда великого барона Мюнхгаузена находила своих героев в ночь с 31 на 32 мая – отступление от давней традиции стало бы недопустимым легкомыслием. Не случайно на пригласительном билете было начертано слово «кульминация»: концерт в рамках XXI фестиваля «Черешневый лес», предшествующий церемонии, собрал звезд первой величины, от Пласидо Доминго и Владимира Спивакова до Аиды Гарифуллиной и Дениса Мацуева.

Три часа чистой радости объединили сцену и зрительный зал, в котором блистали не менее знаменитые персоны, чем на сцене. Как всегда, когда за дело берется Михаил Куснирович, кульминация удалась. И вправду, он способен справляться с любыми предлагаемыми обстоятельствами. Тем более что он сочинял праздник в честь 30-летия своей знаменитой компании.

Год назад, когда пандемическая неопределенность ближайшего будущего, казалось, была страшнее самого COVID-19, в эфире Первого канала неожиданным образом появилась программа «Оптимистические выступления. Живой эфир». Название было принципиально важным. В период жесточайших карантинных ограничений, когда города пугали опустевшими улицами и замками на дверях всех публичных мест человеческого общения, нужно было проявить невиданную волю и выдумку, чтобы собрать в ГМИИ имени А.С. Пушкина компанию выдающихся артистов, которые должны были напомнить не на шутку встревоженным гражданам, что жизнь прекрасна уже потому, что другой не будет.

Дождь лил как из ведра, когда в саду музея, где уже шумели черешневые деревья, посаженные в 2003 году еще Ириной Антоновой, мы готовились к съемке. Несмотря на высоких телевизионных профессионалов, Михаил Куснирович сам занимался установкой света, мизансценами, сочинением и редактированием текста. Он руководил посадкой деревьев, которой занималась директор музея Марина Лошак. Он был демиургом всех событий, объединивших Юрия Башмета, Ренату Литвинову, Ильдара Абдразакова, Евгения Миронова, Игоря Бутмана, Валерия Сюткина...

Нечто подобное происходило и в нынешнем году. Перед началом концерта в Большом зале Владимир Спиваков сказал, что именно Михаил Куснирович провел генеральную репетицию, рассказывая, «кто откуда должен выходить, напоминая, кто на каком инструменте играет и каких темпоритмов должен придерживаться оркестр». Это помимо того, что создатель фестиваля «Черешневый лес» всегда собирает вместе таких зрителей, каких не увидишь разом ни на одной столичной премьере.

Вспомнил реплику Марка Захарова, которую много лет назад он произнес после очередной высадки черешневых деревьев в Нескучном саду: «Поставил бы здесь “Вишневый сад”, но кто, кроме Куснировича, может собрать такую звездную массовку?» В этих словах не было зависти. Может быть, и восторга не было, но было искреннее удивление и безусловное уважение к человеку, который не просто ощутил запрос нового времени, но и сумел ответить на него с жизнерадостной яркостью. Он острее других понял, что искусство не должно заменять жизнь, но может стать ее необходимой праздничной составляющей.

Михаил Куснирович – выдающийся массовик-затейник, который сам сочиняет и реализует свои затеи. Украшатель жизни, который не боится идти на самые рискованные решения. Он явно с лихвой взял реванш за то, что, послушавшись родителей, не пошел учиться на режиссера, а окончил курс Московского химико-технологического института. Он владеет главным качеством в профессии режиссера, сопрягая время и пространство, которые подчиняются его творческой воле.

Кто бы еще так органично смог вернуть ярмарочный дух минувших столетий в самый центр столицы, оживив ритуальную архитектуру Красной площади? Да еще устроив на ней каток? Кто посмел бы рекрутировать самых знаменитых актеров, музыкантов, живописцев и даже чиновников для посадки черешневых деревьев от Москвы до самых ее окраин? Кто, наконец, решился бы превратить ГУМ в своего рода воплощенную советскую мечту, запечатленную в знаменитой книге о вкусной и здоровой пище?

В нем живет юношеская энергия комсорга, который способен, что называется, завести любую аудиторию, подвигнув ее на невероятные деяния, и жажда жизни человека XXI века, вкушившего радости буржуазного бытия. Он обаятелен, но совсем не скромнен. «Скромное обаяние буржуазии» – это не про Куснировича. Он избыточен, но при этом обладает безупречным вкусом. (Как шутят в эпоху пандемии, «можно потерять обоняние, главное – не потерять вкус».) Его раблезианство имеет строго очерченные границы. И он точно понимает, что реализовать советскую мечту можно, только используя инструменты, присущие буржуазной экономике. Он одним из первых в нашей стране на практике реализовал то, что называется «экономикой впечатлений», театрализовав, артистически преобразив рутинные процессы купли-продажи. И одновременно создавая яркие светские события, полные высоких художественных решений. Ему интересно все – от участия в обменных гастролях Ла Скала в Большом театре до сочинения празднеств для юбилеев своих друзей. Во всем этом ему, пожалуй, нет равных.

Можно сказать, что все его затеи – это виртуозные маркетинговые ходы, которые помогают его бизнес-проектам. Это первое, что приходит в голову любому прагматику. Но, наблюдая за Михаилом Эрнестовичем со стороны уже три десятилетия, уверен, что это весьма поверхностное понимание. Похоже, ему действительно хочется, чтобы люди поверили в то, что жизнь – это замечательное приключение, в конце которого нас ждет не небытие вовсе, а веселый праздник с фейерверками и салютами. Сочиняя свои затеи, он словно надевает на всех нас розовые очки, которые, наверное, искажают реальность, но зато помогают жить.

Июнь 2021

День советской печати

Накануне Первомая, Пасхи и Дня советской печати, который мы до 1992 года ежегодно отмечали 5 мая, Михаил Сеславинский, знаток и собиратель печатного слова, подарил Виктору Лошаку, возглавлявшему журнал «Огонек», с коротким перерывом, с 2003 по 2013 год, редакционную копию примечательного документа первых послевоенных лет, который стоит процитировать полностью.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Простите великодушно мою назойливость. Прошу о Вашем вмешательстве в дела журнала “Огонек”. Он безобразно опаздывает с выходом в свет. Сейчас мы заканчиваем составление шестого номера, а подписчики еще не получили последний номер за прошлый год, хотя я подписал сигнальный экземпляр 31 декабря. Дело поставлено так, что на технику оформления и печать уходит около полутора месяцев. Этим обесмысливается значение журнала как политически актуального еженедельника.

Издательство “Правда” много сделало для улучшения качества печати журнала, но, несмотря на многочисленные указания директивных инстанций, систематически срывает сроки выхода номеров. Обычно рвения типографщиков после очередного нажима сверху хватает на один-полтора месяца.

Но я абсолютно уверен в том, что, если бы они знали, что Вы строго указали выпускать журнал в срок и делать его быстрее, издатели нашли бы технические и материальные ресурсы для выполнения Вашего указания.

И еще я прошу дать директивным инстанциям указание, чтобы они потребовали с меня и с издательства отчет о выполнении решений, вынесенных ОБЦК в ноябре 1945 года, о перестройке журнала. Этот отчет сдвинул бы многие проблемы, от разрешения которых зависит темп превращения “Огонька” в образцовый советский иллюстрированный еженедельник.

Редактор журнала “Огонек”».

Алексей Александрович Сурков, ответственный редактор «Огонька» с 1945 по 1953 год, подписавший это обращение, всегда был опытным царедворцем, остро чувствующим политическую конъюнктуру. И потому ему было хорошо известно, что адресат этого письма испытывает личную приязнь к его журналу. После смерти всесильного вождя советской империи немногие посвященные будут свидетельствовать о том, что стены ближней дачи Сталина были украшены цветными репродукциями отечественной и мировой художественной классики, вырезанными из журнала «Огонек», где их публиковали в каждом номере.

Так что А. Сурков, который мог лишь догадываться об этом, все же интуитивно чувствовал, что его письмо не останется без ответа. Кто бы из редакторов стал ссориться с руководством всесильного издательства «Правда», если бы не был уверен в положительном решении вопросов, поставленных перед «отцом народов». И хотя Сталин в 1938 году дал приказ уничтожить Михаила Кольцова, наверное, лучшего редактора 20–30-х годов прошлого столетия, возродившего «Огонек» и возглавлявшего его редакцию с 1925 по 1938 год, блестящего журналиста, чьи статьи становились не только литературными, но и общественными событиями, к самому изданию, выходившему многомиллионными тиражами, он относился с читательской благодарностью.

И не он один. Многих граждан дореволюционной империи, СССР и постсоветской России с «Огоньком» связывала какая-то личная история. Это издание было поистине народным журналом, возродившимся в период «культурной революции», побудившей к чтению миллионы неграмотных строителей нового мира. Михаил Кольцов понял, что потребность в доступ-

ном массовом журнале может удовлетворить дореволюционный «Огонек», преобразованный под нужды современной советской идеологии, но сохраняющий доброжелательность и теплоту еженедельника для семейного чтения. Нужно было обладать выдающимся издательским талантом, чтобы в 1923 году объединить вокруг этого проекта блестящих литераторов, художников, фотомастеров. Бурное послереволюционное время разводило деятелей культуры по разным лагерям, открыто недружественным друг другу. Создавались самые разные издания, имеющие открыто групповые пристрастия. Возрожденный еженедельник был местом объединения самых разных творческих сил. Акционерное издательское общество «Огонек» – счастливая находка М. Кольцова – было зарегистрировано в 1926 году, но журнал и книги с логотипом «Огонька» начали выпускать раньше. Тогда, в первые годы возрождения этого еженедельника, было сделано немало творческих открытий. Например, журнал, по праву считавшийся серьезным изданием, начал печатать кроссворды, – и это привлекло к нему множество новых читателей. Уже к началу 30-х годов он стал первым среди равных, любимым самими разными читателями в разных концах огромной страны. Как и наше отечество, «Огонек» переживал разные времена. Циничному партийному консерватору Анатолию Софронову, возглавлявшему журнал 33 года, только в страшном сне могло бы присниться, что его в 1986 году сменит Виталий Коротич и «Огонек» станет коллективным «прорабом перестройки». Но при любых – самых крутых – поворотах истории он был своего рода символом советской и российской жизни. Ее культурным достоянием – как Художественный театр или Русский музей.

Сегодня, в День советской печати, сказать об этом в высшей степени позволительно. Как и о том, что наша большая страна многим обязана журналистам, чьи материалы отражали движение времени и во многом формировали его. Не стану перечислять всех поименно, это заняло бы пространство газетной полосы, но те, кому сегодня больше пятидесяти, помнят, как в статьях лучших советских публицистов мы открывали важные смыслы, которые помогали жить. Как бы ни изменилась нынешняя медийная среда, можно отличить информационный шум от настоящей журналистики.

Мы сегодня много говорим о необходимости бережного отношения к истории. «Огонек» ее важнейшая и, как казалось еще пять месяцев назад, неотъемлемая часть. Его закрытие стало заметным и болезненным. Может быть, стоит отыскать нового Кольцова?

Май 2021

Журналист не меняет профессию: Виталию Игнатенко

Когда Виталий Игнатенко работал в «Комсомольской правде», куда он пришел стажером в 1960 году, еще в пору учебы на факультете журналистики МГУ, в газете появилась рубрика «Журналист меняет профессию». Нужно было перевоплотиться в матроса или официанта, преподавателя или сантехника, чтобы на страницах «Комсомолки» познакомить читателя с захватывающими сюжетами реальной жизни.

Виталий Игнатенко, к которому тогда еще обращались без отчества, рассказывал эти истории необычайно увлекательно, всякий раз вдохновенно воплощаясь в нового персонажа, но при этом никогда не теряя собственной индивидуальности. Казалось, он проштудировал от корки до корки «Парадокс об актере» Дени Дидро, где великий автор советовал людям сцены сохранять трезвость ума и волю, кого бы они ни играли на подмостках.

Уже в «Комсомолке», откуда Виталий Игнатенко уходил с должности первого заместителя главного редактора в ТАСС, все оценили не только редкий журналистский талант, редакторское чутье, но и его артистизм, остроумие и радостную жажду жизни, которая, впрочем, не исключала самоиронии. И при всем этом в его статьях и выступлениях, в замечательной книге «Со мной и без меня», написанной пять лет назад, неожиданно прорывается юношеский лиризм. Его воспоминания о любимом Сочи, где он родился и куда возвращается всю свою жизнь, напоминают лучшие страницы повестей В. Катаева и К. Паустовского. Для него Сочи – все равно что для них Одесса. И страницы эти – великое переживание любви к ушедшей благословенной жизни. Как писал Михаил Матусовский: «Тот, кто рожден был у моря / Тот полюбил навсегда...»

Виталий Никитич с мужеством и достоинством выдержал все крутые повороты отечественной истории последних шести десятилетий, которые безжалостно испытывали людей. Не все смогли сохранить и самих себя, и простые правила приличия. Ему это удалось сполна. Он занимал высокий пост заместителя заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС, в числе прочего курировал работу первоклассных журналистов, которым доверили работать над трилогией Л.И. Брежнева – «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Был помощником М.С. Горбачева, а затем руководил его пресс-службой. В пору президентства Б.Н. Ельцина стал заместителем В.С. Черномырдина в Правительстве Российской Федерации. Считалось, что он курирует прессу, но он занимался самыми разными вещами. В том числе тяжелейшими переговорами с афганскими талибами, удерживающими наших летчиков в качестве заложников в Кандагаре. Он выручал российских граждан, оказавшихся в плену на Памире. Участвовал в спасении жителей Будённовска.

В. Игнатенко всегда проявлял недюжинные дипломатические способности – и не только работая в Правительстве Российской Федерации. Дело даже не в том, что он стал послом доброй воли ЮНЕСКО – этот почетный ранг присваивают всемирно известным людям, высоким профессионалам, которые внесли значительный вклад в утверждение гуманистических ценностей. Быть может, важнее и, что уже совсем точно, много труднее, стать неформальным лидером журналистского сообщества, где, как во всякой творческой среде, каждый сам себе голова.

Его никто не избирал на эту не существующую в бюрократических реестрах должность, но всякий раз, когда возникает та или иная проблема внутри корпорации, за советом приходят к Виталию Никитичу. Он стал инициатором и бессменным президентом Всемирной ассоциации русскоязычной прессы – не знаю другого такого человека, который сумел бы объединить сотни редакторов газет, издающихся почти во всех странах мира на русском языке. Людей с разными взглядами, пристрастиями, масштабом амбиций.

Но его дипломатическая гибкость, умение находить компромиссы имеет свои жесткие границы. В его жизни было немало случаев, когда он принимал решения, которые могли сто-

ить ему не только карьеры, но жизни. И поэтому снова напомню о его непримиримой позиции по отношению к вооруженным посланцам Р. Хасбулатова, которые 3 октября 1993 года захватили здание ТАСС. Предъявив бумаги об увольнении В. Игнатенко с должности генерального директора и новом назначенце, который должен был выполнять волю Верховного Совета, они потребовали передать на весь мир официальную информацию, состоящую из четырех слов: «Режим Ельцина низвергнут. ТАСС». Виталий Никитич оказался достойным сыном своего отца, кадрового офицера. Слово «честь» для него не было лишь атрибутом передовых статей – он не предал ни Б.Н. Ельцина, ни самого себя. Он сейчас вспоминает эту историю с присущим ему юмором, но можно только догадываться, что пережил он в тот страшный день.

Молодые «стендап-комики» могут поучиться его виртуозному мастерству устных рассказов – умение увидеть в бытовом эпизоде парадоксальную закономерность жизни превращает эти новеллы в ярчайшие театральные представления. Он никогда не повторяется, даже придерживаясь точно канвы повествования. Не раз слушал воспоминание о том, как только что пришедший на работу в ЦК КПСС молодой сотрудник Виталий Игнатенко, не посвященный в местные порядки, ворвался в лифт, на котором собирался подняться на свой этаж всесильный М.А. Суслов, – и всякий раз мне казалось, что слышу эту историю впервые.

Виталий Никитич – красивый человек. Вместе со своей женой Светланой, одной из самых стильных и прекрасных женщин, которых мне доводилось видеть на своем веку, они и поныне составляют удивительную пару любящих друг друга людей. Для каждого из них эта близость важнее всего на свете. И именно она помогала им вместе пережить те трагические минуты потерь, которые безжалостно обрушивались на их семью. И при этом Виталий Никитич – гений дружбы. Он приходит на помощь именно тогда, когда ты нуждаешься в ней.

Таланты Виталия Игнатенко – многообразны. Но он никогда не изменял главному – журналистике. Он верит в то, что журналистика – это не презренное ремесло, но высокая миссия. Миссия, которая помогает сделать мир лучше.

Апрель 2021

Весеннее обострение?

«Когда-то я смеялся, когда нам говорили: “Соберите все ваши обнаженные скульптуры в одну комнату, повесьте знак «18+» и детей наших не развращайте”. Вот уже есть официальная жалоба, которая пришла из официальных органов, и мы на это им отвечаем». Эти слова генерального директора Эрмитажа Михаила Пиотровского растиражировали многие печатные и электронные СМИ. Количество иронических комментариев по поводу неведомых активистов пуританского воспитания в социальных сетях было куда как больше ревнителей плоско понимаемой нравственности.

Уверен, что руководству Эрмитажа не надо будет ставить у каждой античной скульптуры часового с ружьем, что был вынужден сделать Петр I, установивший обнаженную Венеру в Летнем саду. Царь-реформатор был первым, кто не только привез в Россию обнаженную скульптуру богини любви, но и выставил ее для публичного обозрения, чем вызвал негодование значительной части общества. Как напомнил телеканал «Петербург» в репортаже о событиях в Эрмитаже, античные скульптуры Диоскуров, «отроков Зевса», Кастора и Полидевка, пришлось перенести от главного входа в Манеж к Конногвардейским казармам из-за того, что они находились в «опасной» близости к Исаакиевскому собору.

Их вернули на первоначальное место лишь в 1954 году – коммунистические идеологи не увидели в обнаженных братьях угрозы для государственного строя. В своей пресс-конференции Михаил Пиотровский отстаивал права культуры и права музеев на показ тех художественных произведений, которые он считает нужными показывать: «В музей можно не ходить, но заставлять музей что-то делать или не делать – нельзя, потому что права одного человека не должны ограничивать права другого».

Поскольку все это происходит не впервые, уверен, что ведущий музей страны в очередной раз выйдет из этой ситуации с присущим ему достоинством, не доведя дела до суда. Чего не скажешь о другой коллизии: молодой художнице из Комсомольска-на-Амуре Юлии Цветковой грозит до шести лет лишения свободы за «распространение порнографии в социальных сетях», – ее схематичные изображения женских тел и ведение паблика «Монологи вагины» могут оценить именно таким образом. И ее положение драматичнее, чем коллизия в Эрмитаже.

Как известно, СССР, а затем и РФ присоединились к Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, которая была принята 12 сентября 1923 года. Статья 242 Уголовного кодекса РФ предусматривает серьезные наказания за «незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» (новая редакция от 29 февраля 2012 года). Определение порнографии и уголовная ответственность за ее изготовление и оборот существуют и в Федеральном законе № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года. Закон дает определение порнографии: «информация, представляющая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и/или полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного».

Но в упомянутых законах присутствуют существенные для деятелей культуры исключения – особая часть этого законодательства посвящена обороту информационной продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества. Приведу еще одну цитату: «не являются материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних материалы и предметы, содержащие изображение или описание половых органов несовершеннолетнего, если такие материалы и предметы имеют историческую, художественную или культурную ценность, либо предназначены

для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке».

Повторю еще раз, в случае с Эрмитажем, где хранят и выставляют объекты, которые, попав в музей, тем самым приобретают «историческую, художественную или культурную ценность», решение проблемы даже в судебном процессе очевидно. Законодательно сложно интерпретировать музейную вещь как порнографию. Куда сложнее определить, имеют ли подобный статус работы современного живописца, скульптора или видеохудожника. Тем более когда они пытаются сопрягать подробности жизни и художественную образность в едином творческом пространстве. С новой остротой встает вопрос: что такое искусство? Марк Твен, который не был ханжой, тем не менее усмотрел в «Венере Урбинской» Тициана провокацию, которая вызывает возжелание в глазах посетителей. Чего уж говорить о «Завтраке на траве» или «Олимпии» Эдуарда Мане! Речь шла не только о нарушении общественных нравов второй половины XIX века, но и о том, что эти работы – как и другие произведения импрессионистов – не являются искусством с академической точки зрения.

Современники уничтожали работы художников «парижской школы» и русского авангарда начала XX столетия, выводя их творчество за пределы искусства. Меньше чем через полвека стало ясно, что эти полотна представляют собой «значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества». Если учесть, что оценка современного искусства крайне сложна – сколько экспертов, столько и мнений, – то юридические последствия подобных экспертиз чаще всего непредсказуемы. В любом обществе преобладают устоявшиеся вкусы, сформированные, как правило, эстетическими представлениями предшествующих десятилетий, если не эпох. Важно только, чтобы разное понимание прекрасного не ломало человеческие судьбы.

Апрель 2021

Куда приводит воображение?

Со слов: «Спасибо за то, что пригласили участвовать в Вашей программе...» – начинали выступления практически все участники последней по счету «Агоры», прямой эфир которой прошел в минувшую субботу. Мне пришлось, что было не вполне вежливо, прервать эту формулу речи, когда ее пытались произнести в четвертый или пятый раз, просто из экономии времени. Его было жалко тратить на академическую вежливость хотя бы потому, что выдающиеся российские ученые – Г. Трубников, Д. Пушкарь, М. Никитин, И. Оселедец, А. Лутовинов, Д. Секиринский, – собравшиеся в студии, чуть меньше чем за час должны были рассказать зрителям телеканала «Россия – Культура» о том, что ждет российскую науку, а значит, общество и государство. То есть обнаружить свои визионерские качества и одновременно отчитаться перед налогоплательщиками. Задача непомерная, но я взялся за нее с энтузиазмом дилетанта после заседания Совета по науке и образованию, состоявшегося 8 февраля под председательством президента РФ В.В. Путина.

После эфира подумал, что за три года выхода программы впервые собрал столь вежливых собеседников. Никого не обижая, замечу, что обычно все происходит по-другому. Как правило, мне приходится благодарить участников «Агоры» за то, что они любезно собрались в студии. Видимо, люди культуры и искусства, обласканные вниманием СМИ, привыкли дарить себя публике – в отличие от ученых, которые живут куда более затворнической жизнью и не чувствуют особого общественного внимания ни к самим себе, ни к тому, что они делают. Времена, когда Борис Слуцкий мог написать: «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчете, / Дело в мировом законе», – прошли давным-давно. Строки запросто можно поменять местами, хотя строй стихотворения разрушится полностью. Не то чтобы лирики уж совсем в большом почете у СМИ, но физики – в еще меньшем. И если бы не пандемия COVID-19, то и на вирусологов не обращали бы особого внимания. Как часто до марта 2020 года в СМИ и социальных сетях упоминали имя А.Л. Гинцбурга и возглавляемый им НИЦЭМ имени Н.Ф. Гамалеи?

Понятно, что повышенное внимание к физикам в середине XX века было связано и с угрозой ядерной войны, и с первооткрытиями в космической гонке. Общественный интерес к науке, как правило, возникает в периоды планетарных вызовов, которые представляют угрозу для человечества, будь то природные катаклизмы или техногенные трагедии. Но наука нуждается в постоянном общественном внимании, в продвижении научных знаний, в популяризации открытий. Это нужно гражданам, но это нужно и самой науке, которая должна объяснить налогоплательщикам, чем она занимается и как может улучшить качество жизни людей. Помню свое удивление, когда впервые прочитал у Д.И. Менделеева: «Роль наук служебная, они составляют средство для достижения блага». Еще более неожиданно высказался один из героев повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», когда заметил, что наука занимается человеческим счастьем. Но те, кто должен понимать и принимать блага, которые несет научное познание, не всегда готовы к этому.

По исследованиям различных социологических служб, науке в России доверяют полностью 27 % опрошенных граждан, 48 % доверяют лишь частично, 18 % не верят вовсе. И это неизбежно отражается на финансировании науки. Стоит напомнить, что расходы на науку в российском бюджете совокупно составляют 39,9 миллиарда долларов в год. По этим показателям Россия занимает 10-е место в мире, что тем не менее позволяет сохранять паритет в военно-технической сфере с США и лидерство в ряде научных направлений. Престиж ученых за последние пять лет заметно укрепился. Если в 2016 году исследователями собирались стать 32 % выпускников, то в 2019-м – уже 62 %. Это немало, если большая часть из них останутся работать в России. Притом что после выступления Анастасии Проскуриной из Инсти-

тута цитологии и генетики Сибирского отделения РАН, которая подняла вопрос о заработной плате ученых на заседании Совета по науке и образованию, эта тема потеснила все остальные проблемы научного развития, тем не менее острейшим вопросом остается наличие высокопрофессиональных кадров. Их не хватает не только потому, что ученые получают весьма скромные деньги. Не случайно Иван Оселедец, один из самых глубоких математиков, которому нет и 40 лет, заметил, что когда появляются амбициозные проекты, то появляются и деньги, чего не скажешь о необходимом количестве высококвалифицированных ученых. Именно потому, что масштаб ученого в конечном счете определяется масштабностью задач, в решении которых он принимает участие. И надо уметь ставить именно такие задачи. Кажется, что некогда замкнутый круг разомкнут и молодые люди идут в науку, несмотря на то что их ждет совсем невысокое жалование, даже если им будут платить вдвое больше, чем средняя зарплата по региону. Но их все равно недостаточно. И не только потому, что часть из них получают заманчивые предложения за рубежом. Самый трудный момент в становлении молодого исследователя – это время учебы в аспирантуре и написания диссертации, когда он вынужден либо бедствовать, либо отвлекаться на побочные заработки, которые могут вовсе увести от занятий наукой.

Но важно понимать, что научная деятельность – это призвание, которое сродни искушению. Свободное познание мироздания само по себе приносит то наслаждение интеллектуальным творчеством, которое ничто не может заменить. Постигание тайн природы и человека – то, чем занимаются наука и искусство, – сулит волнующие неведомые открытия, возносит над рутинной повседневности. Это и движет людьми, посвятившими себя науке. Как писал Альберт Эйнштейн: «Логика приведет вас из пункта А в пункт В. Воображение приведет вас куда угодно».

Февраль 2021

По секрету всему свету

Сорок пять лет назад вышел фильм «По секрету всему свету» – режиссер Игорь Добролюбов экранизировал знаменитые «Денискины рассказы» Виктора Драгунского. Песня из этой киноленты, сочиненная Владимиром Шаинским и Михаилом Таничем, была популярна в нашем отечестве не одно десятилетие. И хотя сегодня ее исполняют не так часто, как в 70-е и 80-е годы прошлого века, она не только не утратила своей актуальности, но, напротив, многократно ее умножила.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы несколько строк: «Всем, всем, всем и каждому скажу: / Я, я, я секретов не держу. / Я, я, я не шкаф и не музей – / Хранить секреты от друзей!» И всеобщий восторг вызывал припев в исполнении юного солиста Димы Викторова, который потом распевали дети и взрослые: «Ля-ля-ля, жу-жу-жу, / по секрету всему свету, / что случилось, расскажу!»

Россия – страна провидцев. Как утверждают некоторые историки науки, интернет предугадал в своем незаконченном романе «4338-й год», написанном в 1837 году, Владимир Одоевский. А Михаил Танич за два года до появления «электронной доски объявлений» объяснил принцип бытования пользователей социальных сетей. Ну посудите сами: «По секрету всему свету, что случилось, расскажу!» Правда, даже в высшей степени прозорливый поэт не смог себе представить, что слово «по секрету» окажется лишним. Пользователи социальных сетей в отличие от сотрудников спецслужб, государственных учреждений или международных корпораций не стремятся к секретности. Им противопоказана конфиденциальность. Они хотят не просто публичности, но и активного диалога с такими же активистами виртуального пространства.

Помню, в конце прошлого века Григорий Горин рассказывал нам с Марком Захаровым и Александром Ширвиндтом, как увлекает его новая реальность. Он искал в чатах и форумах не только новую коммуникацию, но и неведомый язык, приоткрывающий новые смыслы. Как человека, выросшего в литературоцентричной культуре, его увлекало изучение меняющейся лексики общения, нового способа диалога. Он оказался прозорливее своих собеседников, которые усматривали в его вдохновенных рассказах лишь очередное увлечение беспокойного друга-писателя.

И мы упускали из виду одно важное обстоятельство: погружаясь в новую виртуальную среду, Горин неизменно сохранял свою анонимность. Он не хотел пугать своих электронных собеседников. Он хотел быть свидетелем, но не собирался быть участником. Ему не надо было распахивать душу и делиться фотографиями своего любимого пса. Горин принадлежал к тем людям, которые не один раз смотрели фильм Анджея Вайды «Все на продажу» и были твердо уверены в том, что не все продается.

Тогда казалось, что пользование социальными сетями вовсе не для самодостаточных людей. «Быть знаменитым некрасиво...» – этот завет Бориса Пастернака, очевидный при сакральном отношении к творчеству, вынужденно сожительствовавший с битвой за тиражи в прежние гутенберговские времена. Но не более того. Сегодня виртуальная публичность оказывается мерилем востребованности, гарантией вполне реального успеха. И самореализацией, которая позволяет избегать психического дискомфорта. Миллиарды людей готовы выставить свою жизнь на публичное обозрение, чтобы получить ответную реакцию, причем не столь важно, положительную или негативную.

Известная история о том, как молодой человек покончил самоубийством из-за того, что он не получал никаких откликов на свою сетевую активность (как впоследствии выяснилось, из-за ошибки в программе, которая блокировала возможность комментировать его послания), – трагический и весьма примечательный пример. Подключение к Сети создает иллю-

зию необходимости «городу и миру». Повышает значение каждого твоего шага, будь то поход на футбол, в театр или в баню. Рождает повышенное самоуважение, ведь каждое твое суждение вызывает реакцию множества знакомых и незнакомых людей. Для всего этого не надо быть президентом США. Индивидуальность любого человека приобретает особый масштаб, новую субъектность, если его деятельность в Сети вызывает интерес миллионов, будь то блогер, взрывающий интернет актуальной информацией, или малыш, способный часами упаковывать игрушки в красивую бумагу.

Каждый реализуется как может и как хочет. И становится узником цифрового мира задолго до того, как дает разрешение на обработку своих персональных данных. Кажущееся царство свободы оказывается не только пространством новой несвободы, в нем ты живешь на просвет, шаг за шагом теряя возможность сохранения любых тайн. Старая, советских времен шутка М. Жванецкого: «Они знают о нас только то, что мы им сами рассказываем», – превратилась в повседневность. Тем более что мы готовы рассказывать все больше и больше. Лишь бы не молчать.

До сих пор в СМИ обсуждают книгу основателя Давосского форума Клауса Шваба и журналиста Тьерри Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка», в которой цифровая диктатура, как кажется авторам, становится важнейшим инструментом преодоления не только нынешней пандемии, но и грядущих кризисов, в том числе и социального характера. Цифровой луддизм не приветствуется. Каждый, кто хочет освободиться от гаджетов и выйти из Сети, попадает под подозрение и в конечном счете становится изгоем. Признаки такой диктатуры уже наличествуют, причем ты попадаешь в плен не столько известным социальным структурам, сколько транснациональным компаниям, способным создать иллюзию того, что твои поступки совершенно свободны.

Поверьте, вовсе не хочу умножать панику, ее и так достаточно в современном мире. Просто все чаще вспоминаю старый анекдот, в котором на вопрос внучки, что делали люди, когда не было ни телевизора, ни компьютера, ни смартфона, бабушка отвечает с последней прямой: «Жили». Думаю, надо попробовать.

Январь 2021

Старый Новый год

У нас еще остался шанс поздравить всех, кого не успели поздравить с Новым годом и наступившим Рождеством: старый Новый год дарует нам последнюю возможность пожелать близким здоровья и благополучия. И не только в 2021 году! Третье десятилетие третьего тысячелетия – сколько цифровых символов, которые всегда завораживали людей. И даже если часть человечества ждет 12 февраля, когда наступит Новый год по китайскому календарю, а кто-то ожидает весеннего равноденствия, не причисляя при этом себя к язычникам, все-таки в нашем Отечестве старый Новый год готовы отмечать, не задумываясь о конфессиональных отличиях. Почему бы еще раз не загадать желания под звон кремлевских курантов? Вдруг сбудутся.

В давней, еще советских времен, пьесе Михаила Рощина «Старый Новый год», написанной в 1966 году, ее герои, рабочий Петр Себейкин и интеллигент Петр Полуорлов, измученные перипетиями домашней жизни, в конце концов встречались в бане, где можно было поговорить о смысле всего сущего на земле. Старый Новый год дает еще один шанс на обновление жизни, грех им не воспользоваться! Всегда же интересно узнать, как вопрошал старик Адамыч в финале рошинской пьесы: «Филита ли комедия?» Впрочем, мы сами творим мифы, верим им, удивляемся, отчего они не способны объяснить очевидную реальность, не говоря уж о тайнописи бытия. Так устроен человек и человечество, это было известно еще до умных книг Юваля Ноя Харари.

Чуть больше 20 лет назад, перед наступлением третьего тысячелетия, которое человечество решило почему-то отметить в 2000-м, а не в 2001 году (и вновь спишем это на наше пристрастие к магии чисел), Чингиз Айтматов написал статью об этом событии. В ней он задавался естественным вопросом о том, каким будет XXI век. И отвечал с классической ясностью: посмотрите на себя в зеркало первого января – и вы увидите новое столетие нового тысячелетия. Почти всем – и мне в том числе – этот ответ показался слишком простым. А новые вызовы грядущих времен? Новые технологии? Новые возможности генной инженерии? Кажется, революция в гаджетах перевернула мир и человечество, – историю стали делить на «до» и «после» появления айфона. Так и сегодня ее пытаются разделить на периоды до пандемии COVID-19 и после нее.

Но все же события минувшего года, драматически взорвавшие привычный уклад глобального мира из-за столкновения с всепроникающим вирусом, лишь подтвердили мудрую мысль советского классика. Многое будет зависеть от того, насколько человек и человечество смогут преодолеть часть своих природных и социальных инстинктов, узкогрупповой и национальный эгоизм, чисто материальный интерес, влечение к властвованию над другими. Проявить благоразумие в процессе разрушения устойчивых, как казалось, мифов, к тому же ими самими и созданных.

Уже после наступления нового года по соцсетям разлетелась информация о том, что для получения визы в США, Австралию и страны Евросоюза нужно будет привиться одной из двух, производимых в США и Германии, вакцин. Тема производства российской вакцины в ФРГ, как известно, была затронута в разговоре В.В. Путина и А. Меркель, за которым последовало заявление официального представителя правительства Германии, что это будет возможно лишь при сертификации российской вакцины соответствующим ведомством ЕС. В «войне вакцин» не усмотришь ничего личного, только бизнес. Но для европейской экономики не менее важно возобновление туризма во всех его формах – здесь тон задают не столько россияне, сколько граждане Китая, которые уже прививаются собственными вакцинами. А как быть с гуманитарным сотрудничеством? В нем весьма высоко присутствие китайских студентов, обучающихся в европейских и американских университетах, как и российских артистов, гастролирующих по всему свету. В новых реалиях «война всех против всех» явно не принесет желаемого

результата. Как и уверенность в том, что глобализация доживает последние дни. Напротив, минувший год доказал, что цифровые технологии обеспечили устойчивые глобальные связи, порушенные в реальном пространстве из-за пандемии. COVID-19 стал своего рода символом глобализации, с легкостью преодолевая любые государственные кордоны. А коли так, то и война с вирусом неизбежно должна стать общим делом, подвинув в сторону самые острые политические и экономические разногласия. В современном мире в еще большей степени, чем в Англии XVI века, не надо спрашивать: «По ком звонит колокол?» Он звонит по каждому из нас и по всем вместе. Межгосударственные конфликты не отменяли ни человеческого благородства, ни человеческой подлости. Причем в истории человечества гуманизм обретал новую силу именно после исторических катастроф, которые испытывали его на прочность, заставляя мучительно возрождаться после тяжелейших кризисов. Стихи можно писать и после пандемии, и во время нее.

Есть надежда, что в искусстве будет преодолена пауза, которая длилась не одно десятилетие. Художественные импульсы, определяющие современную культуру XX века, окончательно исчерпали себя в 80-е годы минувшего столетия. Затяжной период пост- и постпостмодернизма не смог принести прорывов, равных художественной революции рубежа XIX и XX веков. Важная идея о том, что в искусстве можно наследовать всему, а значит, любому художнику найдется место под солнцем, безусловно, привлекательна и отражает идеологический плюрализм современного мира. Но одновременно требует от творца невероятной профессиональной и смысловой мощи, огромного масштаба, чтобы новое произведение не стало лишь еще одним элементом «информационного шума». В периоды трагических испытаний важно не только открыть новые двери возможностей, нужно войти в них, не растеряв веры в самих себя, в силу гуманистических ценностей, которые сохранили род человеческий в бурно меняющемся мире.

Январь 2021

2020

Леонтий Оганезов
Алавим Херманис
Дмитрий Крымов
Ермек Турсунов
Екатерина Лахова
Наталия Абрамочкина
Артемий Гладченко
Питер Брук
Михаил Гусман

Московский театр мюзикла
Международная конференция в Москве по проблемам развития искусственного интел-
лекта
Московский театр юного зрителя
Дом Пашкова
Российский государственный художественный и культурно-исторический музей «Эрми-
таж»
Московский театр мюзикла
Мемориальная церковь кайзера Вильгельма

Счастье жить

В 2020 году женились и выходили замуж, зачинали новые жизни, рожали детей... При всех жестких ограничениях, которые обрушились на весь мир и на наше Отечество, люди продолжали свой земной путь, полный драм и трагедий, порой впадая в отчаяние, но перед лицом смертельной угрозы еще яснее осознавая единственность своего бытия. «Пока вам не нравится жизнь, она проходит...» – эту мудрость Григория Горина в 2020 году вспоминал чаще, чем обычно.

Когда в Московском театре мюзикла мы обсуждали, как выстроить репертуар в первой половине 2021 года, то в конце концов пришли к выводу, что после новогодних праздников начнем 2021 год музыкальным спектаклем «Жизнь прекрасна!». И уверен: найдем отклик у наших зрителей, пусть даже у той четверти зала, которую мы имеем право пускать в театр. В этом шаге нет браводы благополучно живущих людей. Театральные актеры не принадлежат к числу самых высокооплачиваемых специалистов. Но искусство по природе своей из хаоса и боли рождает гармонию.

Мы завершаем 2020 год, полные надежд. Оглядываясь назад, понимаешь, что эти надежды вовсе не беспочвенны. И вновь вспоминаешь слова Бертольта Брехта: «Все виды искусств служат величайшему из искусств – искусству жить на Земле».

Когда увидел на сцене Театра имени Евг. Вахтангова молодых режиссеров – участников Театральной биеннале 2020 года, искренне обрадовался. Старое присловье, что «talанты ходят стаями», похоже, не утратило своего смысла и на излете второго десятилетия XXI века. В режиссерских экзерсисах по чеховским рассказам было немало юношеской самоуверенности, но без нее невозможно заниматься искусством. В каждом настоящем художнике всегда живет Константин Гаврилович Треплев из чеховской «Чайки» с его истовым желанием выразить невыразимое, нащупать неведомые творческие пути, даже ценой жизни. Этот романтический порыв с годами, если проявить усердие, уравнивается профессионализмом. Но оставим все эти рассуждения на послепраздничные будни.

В предновогодние дни хочется писать именно о радости творчества, которая рвалась с подмостков в зрительный зал, заполненный хотя и на четверть, но отменными представителями театрального сообщества – от Сергея Женовача до Семена Спивака, оставившего ради этого события свой Молодежный театр на Фонтанке. И для мэтров, и для молодежи этот пандемический год прошел вовсе не впустую. И хотя в любом театральном конкурсе бывает лишь один лауреат – им стал спектакль Дмитрия Крымова «Все тут» в театре «Школа современной пьесы», но сам конкурс был первоклассным. В нем участвовали спектакли А. Бородина, Ю. Бутусова, Е. Каменьковича и других замечательных театральных режиссеров. И постановки эти по своему качеству и воздействию на зрителей не уступали тому, что делали в более спокойные годы, а быть может, и превосходили их.

И это при том, что наши зарубежные коллеги в большинстве своем были лишены возможности играть спектакли для публики. Как известно, бродвейские театры закрыты до следующего сезона, прославленные европейские труппы в лучшем случае имеют возможность репетировать. Релизы подавляющего большинства мировых кинопремьер передвинуты на весну и лето 2021 года – прежде всего потому, что кинотеатры ограничены в продаже билетов, а то и вовсе закрыты.

В этой ситуации отечественные фильмы получили, что называется, *carte blanche*, выйдя на не столь перегруженный, как обычно, путь к зрителю. И оказались в выигрыше не только по медицинским причинам – они наилучшим образом продемонстрировали самые разные художественные свойства. От картины Андрея Кончаловского «Дорогие товарищи!» до «Серебря-

ных коньков» Михаила Локшина. Российские сериалы стали закупать наиболее влиятельные мировые стриминг-сервисы, все это проявилось именно в 2020-м пандемическом году.

Ни в коей мере не хочу идеализировать ситуацию. Российское искусство, как и вся страна, как и весь мир, прожило 2020 год необычайно трудно из-за пандемии и из-за спровоцированного ею экономического кризиса. Банкротились частные театры, издательства, галереи, концертные агентства, сворачивали свою деятельность муниципальные и региональные учреждения культуры.

Но сегодня было бы неверно говорить о том, что государство оставило российскую культуру один на один с экономическими проблемами. Понятно, что оно не может покрыть всех выпадающих доходов творческих институций, но оно сумело сохранить их жизнедеятельность, которая позволит вернуться к реализации самых амбициозных планов если не в 2021-м, то в 2022 году. Да и сами деятели культуры научились жить в этой новой и до конца еще не осознанной ситуации, когда виртуальное и реальное бытие вступили в непростое соревнование друг с другом. Оторопь, охватившая весь мир в марте нынешнего года, сменилась поиском новых коммуникаций. И российские творческие работники немало преуспели в этом. Глобализация переместилась в онлайн, это во многом переломило панические настроения.

Самоизоляция подтолкнула к размышлениям на самые важные темы современного бытия. Участники завершающей нынешний год «Агоры» на телеканале «Россия – Культура» – Марина Степнова, Гузель Яхина, Дмитрий Быков, Алексей Варламов, Дмитрий Воденников и Алексей Иванов, – смыслообразующие российские писатели, рассматривали пандемию как общую пушкинскую Болдинскую осень на современный манер. Они говорили о написанных и задуманных в это время романах и стихах без пафоса, но и без паники. Ни COVID-19, ни цифровая революция, ни мировые политические метаморфозы не отменили силу и бесценность слова, его магическую власть над читателем. Пандемия провоцировала творчество.

Декабрь 2020

Оганезов и другие

На исходе уходящего года Леонтию Саркисовичу Оганезову исполнится 80 лет. Заранее поздравлять юбиляров с подобными датами не принято, поэтому не собираюсь этого делать. Но поздравить всех нас с тем, что 25 декабря 1940 года в Москве в семье мастера по пошиву обуви родился мальчик, которого нарекли Леонтием, но всю жизнь звали то Левоном, то Лево́й, не запрещают самые строгие житейские правила. Мы вместе с Андреем Малаховым всенародно поздравим юбиляра в день его рождения на канале «Россия 1».

Мама Левона с раннего детства учила сына музыке, в мастерской у папы он встречал самых разных людей, в том числе великую Изабеллу Даниловну Юрьеву, даже не мечтая о том, что когда-нибудь будет вместе с ней выступать на сцене.

Он вышел на сцену в качестве аккомпаниатора в 18 лет по чистой случайности. Неожиданно перед концертом необычайно популярного на рубеже 1950 – 1960-х годов тенора Михаила Александровича, заболел Наум Вальтер, известный концертмейстер, солист Всесоюзного радио. И Леонтий Оганезов его заменил. Тогда еще никто не знал, что он выбрал свою судьбу.

Как все начинающие музыканты – и в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории, и в училище имени Ипполитова-Иванова, – он мечтал быть солирующим пианистом. Его мощный талант признавали все. Когда в 1967 году он окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано, его яркий музыкальный темперамент, пианистическая виртуозность, поразительная при строении его руки, мягко говоря, с не самыми длинными пальцами на свете, открывали Леонтию Оганезову многие творческие возможности. Но к тому времени он уже был признанным концертмейстером, аккомпаниатором, которого любили за безупречный музыкальный вкус, артистизм и поразительную творческую интуицию, которая выручала его в самых сложных случаях.

Слово «аккомпаниатор» обозначает музыканта-инструменталиста, который сопровождает солирующего певца или исполнителя. Оно этимологически восходит к словам «спутник», «товарищ». Левон Оганезов был таким спутником и товарищем для многих артистов – Изабеллы Юрьевой и Клавдии Шульженко, Марка Бернеса и Иосифа Кобзона, Андрея Миронова и Владимира Винокура, Валентины Толкуновой и Ларисы Голубкиной... При его пианистическом даре, фундаментальном владении русской и мировой классической музыкой, выдающемся таланте импровизатора он находит особую радость в том, чтобы создать максимально комфортные условия для солиста, вне зависимости от его возраста и положения в мире эстрады.

Левон удивительным образом соединил в своем искусстве тайны двух выдающихся аккомпаниаторов советской эстрады – Давида Владимировича Ашкенази, который работал еще с Вадимом Козиным и Александром Вертинским, и Бориса Яковлевича Мандруса, прославившегося своими выступлениями с Екатериной Николаевной Юровской, пожалуй, самой популярной эстрадной исполнительницей 1920 – 1930-х годов. Они оба в разные годы сотрудничали с К.И. Шульженко. Виртуозный аккомпанемент Д. Ашкенази нередко становился почти равноправной музыкальной партией, и именно поэтому Изабелла Юрьева просила Левона «не играть, как Ашкенази». Б. Мандрус, удивительно глубокий музыкант и композитор, словно растворялся в певце, сохраняя при этом свою артистическую индивидуальность. Один из «коронных» номеров Левы Оганезова – демонстрация различий исполнительской манеры Д. Ашкенази и Б. Мандруса, пародийная и уважительная одновременно. И это тоже отличает Левона: при замечательном остроумии человеческом и музыкальном, он незлобив и доброжелателен.

Мне посчастливилось ощущать все это на протяжении почти десяти лет, когда мы вместе с ним и Леной Перовой были соведущими в телевизионном проекте «Жизнь прекрасна».

Левон с музыкантами своего ансамбля самым трепетным образом работал как с Иосифом Кобзоном или Людмилой Гурченко, так и с начинающими в ту пору Полиной Гагариной или ребятами из группы «Кватро». Именно благодаря ему все подумали, что я действительно умею петь. Все, кроме его и меня, разумеется. Сама идея этой программы принадлежала Левону. На дне рождения Владимира Спивакова, с которым он учился в ЦМШ, он сказал, что ему скучно без телевидения, – к тому времени перестали выходить «Белый попугай» и «Добрый вечер с Игорем Угольниковым». И тогда в застолье он поделился замыслом программы про песни XX века, которые будут петь и в наступившем третьем тысячелетии. Мы Андреем Козловым увлеклись этой идеей, и, как говорит Пеликан в оперетте И. Кальмана «Принцесса цирка», что выросло, то выросло. Именно тогда понял, почему с Левоном хотели работать выдающиеся певцы с самыми разными, в том числе и непростыми, характерами. Он уникальный партнер, готовый к творческому самопожертвованию, если надо выручить товарища. Его вряд ли бы взяли на актерский факультет, но он ухитрился превратить недостатки дикции в те комедийные краски, которые делают его заметным на эстраде и на телевидении. Неслучайно он разыгрывал целые эстрадные представления с Андреем Мироновым и Владимиром Винокуром. Не случайно А. Миронов пригласил Левона на роль пианиста в спектакль «Прощай, конференсье!» по пьесе Горина.

Он безропотно пришел на помощь в 2010-м, когда мы задумали сочинить историю, основанную на советской и американской музыке 30-х годов XX века. Конечно, мы пришли за советом именно к Левону Оганезову, – к кому же еще?

Он всегда заражает энергией творчества и жадной жизни. Именно поэтому, дорогой Леонтий Саркисович, Левон, Лева, пожалуйста, живи долго. Это важно не только для тебя, но и для всех нас.

Декабрь 2020

Культура как вызов

Во время недавней международной конференции по проблемам развития искусственного интеллекта, которая проходила по инициативе Сбербанка и собрала 28 тысяч участников из 90 стран, В.В. Путин на вопрос виртуального ассистента «Афина»: «Может ли искусственный интеллект стать президентом?» – ответил вежливо, но достаточно определенно: «Наверное, в какой-то момент, может быть, и искусственный интеллект достигнет таких невероятных возможностей, которые возможно сравнить с интуицией, но все-таки (нужны) вот такие субстанции, как душа, совесть, сострадание».

Эти отчасти генетически предопределенные качества приобретают развитие и свершенные смыслы только под влиянием культуры, которая в конечном счете определяет и качество интуиции, и душевные свойства личности, и моральную предрасположенность, и глубину сострадания.

Мои компетентные собеседники на недавней «Агоре» были осторожны в оценке достижений развития искусственного интеллекта, алгоритмы которого, как правило, повторяют модели человеческого поведения и зависят как от массивов обрабатываемой информации, так и от субъективных качеств программистов. Примечательный пример: статистика и качество решений, выносимых «виртуальными судьями», не лучше и не хуже тех, к которым приходят реальные люди. Футуристические стратегии трансгуманизма, сопрягающие развитие искусственного интеллекта с прорывами в области биотехнологий, которые, по мнению одного из ярких представителей этого направления Рэймонда Курцвейла, должны победить к середине XXI века, все-таки кажутся далекими и потому проблематичными. Хотя уже сегодня возникают вопросы, требующие этической и юридической экспертизы.

И самый простой из них: «Что делать человеку, если с помощью искусственного интеллекта принято решение, обязательное к исполнению, и оно может привести к серьезному поражению прав личности?» Такие решения принимают и службы по набору персонала, и кредитные организации, и социальные администраторы. Но пока искусственный интеллект определяется волей человека, результаты его деятельности зависят от человеческой морали, целеполаганий, качества принимаемых решений. От культурного развития, определяющего сложность личности, способность ориентироваться во все увеличивающемся океане информации и формировать иерархию ценностей и задач.

«Ну вот, опять, – подумает многоопытный читатель. – Сколько можно рассказывать о том, что культура возводит людей на вершину творения, а без нее человечество погибнет безвозвратно. Слыхали мы это не раз, причем от куда более компетентных людей».

И вправду, есть суждения, которые кажутся банальностями, пошлыми общими местами, используемыми, как порой представляется, в своекорыстных интересах. Растиражированное словосочетание «культурный человек» утратило сколько-нибудь содержательный смысл. Прежде всего потому, что омассовление самой культуры, превращение ее в универсальный продукт, доступность ее онлайн-потребления и онлайн-производства неизбежно приводят к деградации тех ее качеств, которые делали ее важнейшим импульсом развития человека и человечества.

И прежде всего ее отношением к жизни и смерти. Онлайн-существование, разрушающее психофизиологическое единство индивидуальности, отделяющее виртуальное от реального, неизбежно приводит не только к упрощенному пониманию бытия (модели вместо процессов!), но, что еще опаснее, к этической нейтральности. Когда представления о добре и зле, жизни и смерти становятся взаимозаменяемыми, превращаются в забавляющую, но очень часто вовсе не забавную игру.

По круговой рассылке из разных адресов получил один и тот же ролик, прославляющий убойную силу искусственного интеллекта: почти невидимый аппарат способен опознавать лица «плохих парней» и пробивать им головы. Если этими аппаратами загрузить самолет и сбросить их на город, можно уничтожить любое количество «плохих парней» на любом континенте. При этом сохранив жизни «хороших парней». Увлеченный спикер гордо говорит о том, что этот приспособленный для массовых убийств инструмент делает ненужной ядерную бомбу. Не стану задавать вопрос, сколько будет стоить эта операция. Но вопрос, кто и как будет отделять «плохих парней» от «хороших», задать хочется.

И все же самая сложная проблема находится в иной плоскости. Почему одна из фундаментальных проблем человеческого бытия – право на убийство себе подобного – отмечается за ненужностью? Убийство становится не более чем игрой, красивой картинкой, за которой никто не вспомнит о вывернутых наружу кишках и расплывшихся по асфальту мозгах. Войны, ведущиеся с помощью нажатия кнопок, смерти, отражающиеся лишь на дисплее, разрушительны для всех участников этого только по видимости бескровного процесса. Виртуальная реальность требует противоядия от расчеловечивания.

И этим антидотом может быть только культура. Понимаемая широко и объемлюще. Культура мысли и веры. Нравственность. Образование, научное познание, художественное творчество. Ее фундаментальная миссия – очеловечивание человека. Что особенно важно в такие переломные эпохи, как нынешняя, когда кажется, что мы теряем почву под ногами, оказываясь в царстве неопределенности. Когда стремительно развивающиеся технологии властно отчуждают нас от результатов нашей деятельности.

Впрочем, мы переживаем это не в первый раз в истории человечества. И мы выжили, быть может, только потому, что гуманистическая культура позволяла сохранять устойчивость человеческого бытия. Сегодня слова «искусственный интеллект» пишут с заглавных букв. Пора признать за культурой такое же право.

Декабрь 2020

Прихлебатель жизни

Не только агентам зарубежных спецслужб было бы интересно узнать, о чем конкретно четыре с половиной часа говорил Александр Григорьевич Лукашенко с одиннадцатью представителями оппозиции, как известно, не признающей результаты недавних президентских выборов. Сам факт обсуждения будущей конституционной реформы между президентом Белоруссии и людьми, которых взяли под стражу по разным составам уголовных преступлений, в форме «круглого стола» в СИЗО КГБ в Минске настолько необычен, что его не смог бы сочинить ни один профессиональный прозаик или драматург. Со времен бесед Николая I с декабристами после Сенатской площади не припомню подобной коллизии.

Впрочем, любые исторические параллели всегда хромают. На занятиях по марксистско-ленинской философии нас уверяли, что реальность богаче вымысла. С этим можно и поспорить, но, обращаясь к недавней встрече в минском СИЗО, спорить не хочется. Все-таки не случайно Гёте записал однажды: искусство – «прихлебатель жизни». Уверен, что пройдет немного времени, и нынешние политические события найдут воплощение в литературных произведениях, фильмах и спектаклях. В самых разных видах и жанрах искусства воплотятся сюжеты, появление которых в художественных формах еще недавно казалось невозможным. Но путь такого искусства всегда непрост.

Помню, какое напряжение царило в зале Московского ТЮЗа весенним вечером 1990 года, когда шла презентация спектакля Королевского Шекспировского театра «Московское золото» по пьесе Ховарда Brentона и Тарика Али. Именитая публика во главе с Николаем Губенко, который был в ту пору министром культуры СССР и помог привезти в Москву британских артистов, с удивлением воспринимала мюзик-холльные дуэты Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны Горбачевых, равно как и диалоги первого и последнего президента СССР с будущим президентом России Борисом Николаевичем Ельциным. О живых лидерах СССР до этого никто не рассказывал таким языком. Он был настолько непривычным, что спектакль решили не привозить, чтобы, не дай бог, не обидеть советских прототипов английской пьесы. Он вступал в противоречие с отечественным художественным опытом, в котором действующие лидеры государства могли быть героями эпоса, театрального или кинематографического, но не комедии с элементами мюзикла.

Художественные произведения, рассказывающие о современниках, которые не собираются отправляться в мир иной, всегда вызывают много вопросов. И первый из них: «А что, при жизни разве можно?» Две последние московские премьеры – «Горбачев» в Театре Наций и «Все тут» в «Школе современной пьесы» – дают однозначно утвердительный ответ на этот вопрос. Можно и нужно.

По-разному сочиненные Алвисом Херманисом («Горбачев») и Дмитрием Крымовым («Все тут»), они объединены пронзительным и горьким чувством любви. Ее всепоглощающей силой и неизбежным трагизмом: ведь кому-то приходится уходить первым. Это ведь редкое, сказочное счастье – умереть в один день с любимым человеком. Кажется, что Чулпан Хаматова и Евгений Миронов в «Горбачеве» наслаждаются игрой в театр, своим профессиональным совершенством, которому подвластно все. И это наслаждение творчеством передается зрителям, которые радуются каждой «шутке, свойственной театру».

А. Херманис выстраивает сценическое пространство как закулисы, совмещая гримерные столы и вешалки для костюмов, которые меняют его актеры по ходу спектакля, с реальной мебелью. Но открытый театральный ход парадоксально подводит актеров к предельной искренности, к внутреннему перевоплощению, которые поглощают демонстративные поиски характеристики, портретность изображения героев. Судьба двух любящих, неразрывно связанных друг с другом людей оказывается важнее и выше любой политики. Их любовь всеобъем-

люща и самодостаточна. Сила ли, слабость ли в этом исторических героев спектакля, не мне судить. Как у Данте: «Любовь, что движет солнце и светила...»

Спектакли А. Херманиса и Д. Крымова парадоксально объединены общим пространством. Чулпан Хаматова и Евгений Миронов играют Михаила Сергеевича и Раису Максимовну Горбачевых на сцене бывшего филиала Московского художественного театра, где Дмитрий Крымов – автор и главный герой спектакля «Все тут» – в 1973 году увидел поразившую его постановку пьесы Торнтон Уайлдера «Наш городок». Его воспоминание об этом спектакле Алана Шнайдера, привезенном вашингтонским театром «Арена Стейдж» в Москву, стало основой для панорамного полотна, которое вместило «всех-всех». Ему, как и Торнтону Уайлдеру, было важно рассказать не только о великих деятелях театра, какими были его родители, Анатолий Эфрос и Наталья Крымова, какими стали Александр Калягин или Алексей Бородин, но обо всех, кто вошел в его жизнь и оставил в ней свой неизгладимый след.

Он сочиняет свой спектакль с предельной свободой художника, который знает, что комическое и трагическое накрепко переплетены в человеческом бытии, что нет запретов на клоунаду и фарс в хрупкой ткани лирического повествования, что одну и ту же фабулу можно воплотить в самых разных сюжетах. Кому-то может показаться, что история, им рассказанная, интересна лишь тем, кто лично знал ее героев, кто может обрадоваться узнаванию Нонны Скегиной, преданного хронографа жизни семьи Эфроса – Крымовой, в виртуозном исполнении Марии Смольниковой. Но это не так. Д. Крымов вместе с замечательными артистами, среди которых солируют А. Феклистов и А. Овчинников, сочиняет спектакль о великой силе искусства, способного, оттолкнувшись от подробностей повседневности, создавать новую реальность, открывающую волшебную безбрежность бытия. И подступают слезы, рожденные свободным вымыслом художника. И тут уж невозможно понять, кто у кого «прихлебатель» – искусство у жизни или жизнь у искусства. Да и кому в этот момент нужно такое знание!

Октябрь 2020

Мед из горьких трав

Кажется, что слова бессильны. И бессмысленны. Когда в Азербайджане, Армении, Нагорном Карабахе гибнут люди под бомбежками, артиллерийскими обстрелами, пулеметными очередями. Гибнут при прямых столкновениях пехоты. Кажется, что слова опасны. И ты начинаешь думать, в какой последовательности поставил названия государств и народов, участвующих в этой войне, которую уже невозможно назвать военным столкновением. Алфавитный порядок кажется безопасным, но сам факт того, что непризнанное государственное образование – Нагорный Карабах – ставишь в ряд легитимных государств, членов ООН, может вызвать у кого-то приступ негодования.

Можно и нужно ли приравнивать перо к штыку, когда гибнут молодые люди, с родителями или бабушками и дедушками которых ты знаком почти полвека? Молодые люди – азербайджанцы и армяне, чьи предки жили бок о бок, ходили по одним и тем же улицам в Баку, Ереване, Тбилиси или Шуше, свободно разговаривали на двух, а то и трех-четырёх языках, включая русский или грузинский. И у каждого – своя правда. Когда формула «мир за землю» не кажется безупречной. Ведь мир выглядит мечтой, а политая кровью земля – реальна.

«Серж, мы же с тобой на одни похороны ходили!..» – эти слова одного из уроженцев Нагорного Карабаха, мечтающего вернуться к родным гробам депутата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, обращенные к бывшему президенту Армении Сержу Саргсяну, не смогу забыть и на смертном одре. Как и жесткий монолог армянской женщины из Нагорного Карабаха, у которой война унесла всю семью в начале 1990-х, – такая цена независимости не умиротворяет сердца людей. Она не скрывала своей боли и решимости продолжать борьбу во время встречи в Баку с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Это было более десяти лет назад.

За день вместе с представителями общественности Азербайджана, Армении, Нагорного Карабаха мы побывали в трех столицах, встречались с руководством не воюющих, но и не примиренных государств. Тогда казалось, что есть воля к мирному решению давнего военного противостояния. И эта воля подскажет правильные шаги не только политикам, но и народам навстречу друг другу. Три бывших министра культуры Азербайджана, Армении и России, Полад Бюль-Бюль оглы, Армен Смбатян и автор этих строк в ту пору еще надеялись на то, что интеллигенция наших стран сможет не просто призвать к миру, но и завязать столь необходимый диалог, в котором забрезжит надежда на будущий компромисс, нужный политикам и понятный народам, с конца 1980-х открыто враждующим друг с другом.

Тот день начался с перехода линии соприкосновения войск, мы шли с азербайджанской стороны к армянским военным. В минном поле нам очистили проход меньше метра в ширину, предупредили, чтобы мы ступали как можно легче и не сходили с этой полоски безопасности. С того дня меня не покидает самый острый образ войны – абсолютная тишина бескрайнего мертвого поля. Мы шли по нему, полному смертоносных зарядов, но не страх взорваться при неосторожном движении рождал образ катастрофы, а отсутствие каких бы то ни было звуков. Здесь не пели цикады, не жужжали пчелы, не рассекали воздух стрекозы. Мне доводилось бывать в городах и селениях, обезображенных войной, но именно это мертвое безмолвие перевесило все другие кошмары, творимые людьми.

Именно поэтому нам казалось, что, вступив в разговор друг с другом, мы сможем избежать самого худшего. Турне Молодежного симфонического оркестра СНГ, который из Баку специальным бортом прилетел в Ереван, – сам факт возможности совместного творчества казался неким посланием политикам. Мы втроем гарантировали родителям из Азербайджана и Армении, чьи дети играли вместе в этом коллективе, что юные музыканты будут в полной безопасности. Так оно и было. Азербайджанские и армянские мальчишки и девчонки щедро

открывали красоты своих столиц друг другу. Были аплодисменты в адрес Полада в Ереване и в адрес Армена в Баку. Встречались депутаты и журналисты, мы строили самые смелые планы. Но, как говорила одна из чеховских героинь, «груба жизнь...»

Понимаю, что сегодня нужно искать новые пути к примирению. Слишком много жертв с обеих сторон. Новые внешние игроки со своими интересами заметно усложняют этот процесс. Но все равно надо думать о том, какие первые шаги придется сделать, когда закончится война. И неизбежно возникнет необходимость начинать новый диалог. Мучительный и болезненный, он все равно будет лучше обмена ракетными залпами и пулеметными очередями. С каждым годом он будет усложняться: в каждой стране выросло несколько поколений людей, у которых не было общего советского прошлого. Но его все равно придется вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.